

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

На правах рукописи

Пак Наталья Санг Дуковна

**ВТОРИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские языки)
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Коканова Е.С.

Архангельск
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛИЙСКИХ ВТОРИЧНО- ПРЕДИКАТИВНЫХ СТРУКТУР В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ	15
1.1 Предикативность и типы предикативности в английском языке	15
1.1.1 Понятие предикативности.....	15
1.1.2 Типы предикативности в английском языке.....	17
1.1.3 Пропозиция и ее структурные элементы.....	22
1.2 Вторично-предикативные структуры: проблема определения и классификации.....	29
1.3 Неличные формы английского глагола как элементы вторично- предикативных структур	34
1.3.1 Инфинитив.....	34
1.3.2 Герундий и причастие I.....	36
1.3.3 Причастие II.....	38
1.4 Роль и место осложненного предложения в типологии английских предложений	40
1.5 Когнитивные механизмы компрессии в английском осложненном предложении	46
1.6 Медицинский дискурс как институциональный дискурс	51
1.6.1 Статусно-ролевые характеристики участников медицинского дискурса	54
1.6.2 Цели, ценности и когнитивные стратегии медицинского дискурса.....	57
1.6.3 Хронотоп медицинского дискурса.....	61
1.6.4 Письменные жанры медицинского дискурса.....	66
Выводы по главе 1.....	71
2 КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВТОРИЧНО- ПРЕДИКАТИВНЫХ СТРУКТУР В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ	74
2.1 ВПС как темпоральный локатив	74
2.1.1 Репрезентация хронотопа «одновременность и неоднократность»	74
2.1.2 Репрезентация хронотопа «одновременность и однократность»	77
2.1.3 Репрезентация хронотопа «предшествование и неоднократность»	79

2.1.4 Репрезентация хронотопа «предшествование и однократность»	82
2.1.5 Репрезентация хронотопа «следование и неоднократность»	85
2.1.6 Репрезентация хронотопа «следование и однократность»	88
2.2 ВПС как кондициональный актанта	91
2.2.1 Репрезентация хронотопа «симметрия и единство времени»	91
2.2.2 Репрезентация хронотопа «симметрия и отсутствие единства времени»	93
2.2.3 Репрезентация хронотопа «асимметрия и единство времени»	95
2.2.4 Репрезентация хронотопа «асимметрия и отсутствие единства времени»	97
2.3 ВПС как модусный актанта	99
2.3.1 Репрезентация хронотопа «неотделимость и единство времени»	99
2.3.2 Репрезентация хронотопа «отделимость и единство времени»	102
2.4 ВПС как цель, каузал, концессив	103
2.5 ВПС как атрибут	107
2.6 ВПС как перспективизация объекта	108
2.7 Когнитивно-дискурсивные основания выбора ВПС для репрезентации хронотопа в англоязычном медицинском дискурсе	110
2.7.1 ВПС с максимальной степенью актуализации хронотопа	119
2.7.2 ВПС со средней степенью актуализации хронотопа	122
2.7.3 ВПС с минимальной степенью актуализации хронотопа	125
2.7.4 ВПС с конститутивной актуализацией хронотопа	128
Выводы по главе 2	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	137
ПРИЛОЖЕНИЕ Классификация ВПС в англоязычном медицинском дискурсе	168

ВВЕДЕНИЕ

Вторично-предикативные структуры («структуры со свернутой предикативностью», «структуры незавершенной предикации», «структуры с неканонической предикативностью», ВПС), к которым в современном английском языке относятся WHEN + Ving, WHEN + V3, IF + Ving, FOR + N + V, WITH + N + Ving и т.п., находятся в фокусе исследований лингвистов уже не одно десятилетие. Рассматривается их формальная структура, предпринимаются попытки построения моделей таких структур, приводятся сопоставления подобных структур в разных языках, в том числе в аспекте перевода.

Вместе с тем, в современной науке, развивающейся в русле антропоцентризма, существует необходимость рассмотрения отдельных грамматических явлений в системе координат, связанных с дискурсом, «погружением языковых явлений в жизнь», то есть во взаимосвязи с той или иной сферой человеческой деятельности. Один из основоположников теории институционального дискурса в отечественной лингвистике В.И. Карасик, обобщая подходы других исследователей, отмечает, что основным их посылом является переход от статической модели языка к динамической, основанной на коммуникации, в которой центральная роль принадлежит людям, а не средствам коммуникации [Карасик 2002а: 192]. Исходя из этого, заслуживающим внимания является подход, при котором анализ языковых явлений осуществляется с учетом среды, детерминирующей их функционирование, раскрывающий их функционально-семантический потенциал в полной мере, а именно – дискурса.

Степень разработанности темы исследования. ВПС и осложненные предложения, их включающие, исследуются на материале английского языка в отечественной и зарубежной науке в структурно-семантическом, функциональном, логико-синтаксическом аспектах (Н.Н. Беклемешева, Н.М. Джандубаева, Т.И. Кармазина, А.В. Киселева, А.Г. Кончибаева, М.В. Крат, А.В. Куikliна, Е.А. Ронина, А.Ю. Фомина, J. Bowers, А.А. Verkerk, E. Williams и др.), а также в

сравнительно-сопоставительном аспекте (Л.А. Широбокова, E. Schultze-Berndt, N.P. Himmelmann и др.).

Подобным структурам с имплицитной предикативностью посвящены исследования на материале других языков, например, немецкого (Е.В. Боднарук, О.А. Кострова, Р.Т. Саттаров, I.F. Нюуем, К.К. Brodahl и др.) и русского (Г.Н. Манаенко, А.М. Пешковский, А.Ф. Прияткина и др.).

Осложненное предложение в английском языке рассматривается с разных позиций: как простое предложение с усложненной структурой (R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik, Г.Г. Почепцов, А.Г. Швец (Петрова) и др.), как результат компрессии сложного предложения (Р.Ж. Саурбаев, Е.А. Шипилова и др.) и как отдельный вид предложений, переходный между простым и сложным (М.Я. Блох, Т.Г. Николаева, А.А. Худяков и др.). При этом в классических работах зарубежных ученых XX века (H. Sweet [Sweet 1930], R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik [Quirk 1973] и др.) предложения подразделяются однозначно на простые и сложные. Осложняющие элементы рассматриваются отдельно, но соотносятся с частями простого предложения. Среди отечественных исследователей сложнее проследить единую традицию: примерно в один период времени публикуются как работы, в которых постулируется четкая оппозиция простое – сложное предложение (напр., Г.Г. Почепцов [Почепцов 1971]), так и труды, в которых осложненное предложение рассматривается как самостоятельная единица, третий полноправный тип предложения (напр., М.Я. Блох [Блох 1983]). Следует отметить, что на данный момент не существует единой позиции относительно места осложненных предложений в синтаксической системе английского языка, что затрудняет поиск возможных оснований для их подклассификации. В настоящей работе предпринята попытка построения классификации ВПС как компонента осложненных предложений на основе дискурсивных параметров, а именно репрезентации хронотопа медицинского дискурса.

Проблематика институционального дискурса также является объектом многочисленных исследований, пик которых в отечественной науке пришелся на

начало 2000-х, когда в свете становления когнитивно-дискурсивной парадигмы (В.З. Демьянков, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова и др.) начали активно появляться работы, связанные с анализом коммуникации в различных сферах деятельности. Медицинскому дискурсу посвящены исследования Э.В. Акаевой, Н.В. Гончаренко, Т.Г. Карымшаковой, Н.Ф. Крюковой, N. Ainsworth-Vaughn, K. Aronsson, U. Sätterlund-Larsson, D.P. Gray и др. В большинстве вышеприведенных трудов внимание уделяется устному медицинскому дискурсу, а именно коммуникации наиболее прототипичных его участников – врача и пациента. Интерес к рассмотрению письменного медицинского дискурса возрастает в последние годы [напр., Линник 2021; Swear 2021], во многом благодаря развитию современных технологий, обеспечивающих доступ к большому объему письменных медицинских текстов, созданных специалистами из разных стран мира. В связи с тем, что большинство международных изданий (научных журналов, учебных пособий, онлайн-курсов) по медицине публикуется на английском языке, англоязычный письменный медицинский дискурс является перспективной областью для дальнейших исследований.

В настоящей работе ВПС рассмотрены во взаимосвязи с характеристиками англоязычного медицинского дискурса как среды их функционирования. Наряду с формальной структурой и семантической моделью английских ВПС, проанализированы их синтаксические роли, когнитивные процессы, лежащие в основе интеграции пропозиций, репрезентируемых ВПС и первично-предикативной структурой, и особенности реализации посредством ВПС хронотопа как одного из ключевых параметров англоязычного медицинского дискурса.

Актуальность исследования обусловлена интегративным подходом к описанию ВПС в англоязычном медицинском дискурсе, учитывающим их когнитивно-дискурсивные характеристики наряду с формально-грамматическими, функциональными и семантическими характеристиками; потребностью в уточнении классификации ВПС в англоязычном медицинском дискурсе. Кроме того, требуется преодолеть противоречивость мнений относительно статуса

импликативной предикации в частности и осложненного предложения с ВПС в грамматической системе английского языка в целом. Актуальность работы связана и с недостаточностью системно-функциональных и когнитивно-дискурсивных исследований по данной проблематике на материале англоязычного медицинского дискурса.

Объектом исследования являются ВПС в англоязычном медицинском дискурсе, **предметом** – когнитивно-дискурсивные характеристики ВПС в англоязычном медицинском дискурсе.

Цель исследования – выявить когнитивно-дискурсивные характеристики, раскрывающие функционально-семантический потенциал ВПС в англоязычном медицинском дискурсе.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть различные подходы к описанию ВПС в современном английском языке;
- 2) выявить характер интеграции пропозиции, репрезентируемой ВПС, и пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой;
- 3) изучить особенности репрезентации хронотопа англоязычного медицинского дискурса посредством ВПС;
- 4) уточнить классификационную иерархию ВПС в русле интегративного подхода с учетом когнитивно-дискурсивных характеристик наряду с формально-грамматическими, семантическими, функциональными характеристиками;
- 5) проанализировать интенсивность репрезентации хронотопа в зависимости от типа ВПС.

Материалом исследования является корпус осложненных предложений с ВПС, собранный методом сплошной выборки из англоязычных медицинских статей, англоязычных учебных пособий по медицине, англоязычных инструкций к медицинскому оборудованию и препаратам, англоязычных описаний клинических случаев, общим объемом более 8000 страниц. В целом, материал исследования составил 1245 осложненных предложений с ВПС.

Список медицинских статей включает англоязычные работы, опубликованные в международных журналах по медицине. В качестве учебных пособий использованы материалы в открытом доступе, публикуемые медицинскими университетами разных стран мира. Инструкции к медицинскому оборудованию и медицинским препаратам опубликованы на официальных сайтах производителей. Использованные описания клинических случаев были представлены как в публикациях (например, в журнале «Clinical Case Reports»), так на сайтах университетов в обучающих целях (в качестве кейсов и заданий). При сборе материала учитывалась интернациональность англоязычного медицинского дискурса, в рамках которого в настоящее время осуществляется коммуникация специалистов во всем мире.

Теоретическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные изучению предикативности (труды В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, Г.А. Золотовой, С.Г. Ильенко, Е.В. Падучевой, А.М. Пешковского, А.И. Смирницкого, Ю.С. Степанова, А.А. Худякова, А.А. Шахматова, J. Bowers и др.), в том числе, вторичной предикативности (труды Н.Н. Беклемешевой, М.Я. Блоха, М.Н. Гудухиной, Н.А. Кобриной, А.Г. Кончибаевой, Г.Н. Манаенко, Т.Г. Николаевой, А.Ф. Прияткиной, Е.А. Рониной, Р.Т. Саттарова, Р.Ж. Саурбаева, А.Ю. Фоминой, М.А. Irimia, T. Rapoport, E. Schultze-Berndt, N. P. Himmelmann, A.A. Verkerk, E. Williams, S. Winkler и др.), структуре пропозиции и процессам концептуальной интеграции пропозиций (труды Н.Н. Болдырева, Т.А. Клепиковой, G. Fauconnier, L. Talmy, M. Turner, M. Verspoor и др.).

Исследование опирается также на работы по дискурсу (Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, О.К. Ирисхановой, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, M. Foucault и др.) и, в частности, по институциональному медицинскому дискурсу (Л.М. Алексеевой, М.И. Барсуковой, Л.С. Бейлинсон, В.В. Жура, Ф.Л. Косицкой, Л.А. Линник, С.Л. Мишлановой, N. Ainsworth-Vaughn, K. Aronsson, D.P. Gray, U. Sätterlund-Larsson и др.).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты способствуют развитию функционально-семантических и когнитивно-дискурсивных исследований актуальных грамматических аспектов английского языка в рамках интегративного подхода в анализе англоязычного медицинского дискурса. Обозначенные в диссертационном исследовании подходы к анализу и классификации ВПС в англоязычном медицинском дискурсе могут стать основой изучения других грамматических явлений английского языка в том же дискурсе; изучения ВПС на базе разработанного в диссертации алгоритма в ином институциональном дискурсе; исследований на материале других языков, а также сравнительно-сопоставительных исследований.

Практическая значимость работы состоит, в первую очередь, в возможности использования ее результатов в прикладных целях при чтении лекционных курсов по дисциплинам «Теория первого иностранного языка (английского)», «Теоретическая грамматика английского языка», «Общее языкознание», при руководстве курсовыми проектами и выпускными квалификационными работами студентов лингвистических направлений подготовки. Собранный эмпирический материал может быть включен в учебные пособия по медицинскому английскому языку в качестве объекта аналитической работы, а также как речевой образец для заданий продуктивного характера.

Методология исследования построена в русле интегративного подхода к описанию грамматических явлений с учетом их когнитивно-дискурсивных характеристик наряду с формально-грамматическими, функциональными и семантическими характеристиками.

На этапе отбора и классификации исследуемого материала использован **метод лингвистического описания** конкретных выявленных языковых фактов (наблюдение, сопоставление, обобщение). Каждый пример подвергался **комплексному системному анализу** с позиций семантического синтаксиса (с использованием ресурсов проекта FrameNet), когнитивной грамматики, прототипической семантики (Н.Н. Болдырев). Подклассификация с учетом ключевых параметров медицинского дискурса (хронотоп) разрабатывалась на

основе модели описания институционального дискурса, предложенной В.И. Карасиком, с использованием метода **семантической интерпретации смысла высказывания**. Для экспликации свернутых элементов и связей ВПС использовался **трансформационный метод** декомпрессии (развертывания структуры до придаточного предложения). При моделировании прототипичных ситуаций, репрезентируемых ВПС в медицинском дискурсе, использовался вспомогательный **метод семантического анализа** лексических единиц, частотно функционирующих в роли вторичных предикатов.

Выбор методологических принципов исследования обусловлен целью и задачами исследования, а также особенностями исследуемого материала.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1) С семантико-функциональной точки зрения ВПС имеют собственную предикатно-актантную организацию и репрезентируют пропозицию, которая интегрирована с пропозицией, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Характер этой интеграции определяется:

- а) актантом, в роли которого в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, выступает пропозиция, репрезентируемая ВПС;
- б) актантами в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, которые имплицитно являются одновременно актантами пропозиции, репрезентируемой ВПС;
- в) дополнительными семантическими ролями пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, в роли которых выступает ВПС;
- г) имплицитно или эксплицитно выраженными связями пропозиции, репрезентируемой ВПС, и пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой.

2) Когнитивные механизмы функционирования ВПС включают концептуальную интеграцию пропозиций, репрезентируемых первично-предикативной структурой и ВПС, а также синтаксическую метонимию. Синтаксическая метонимия проявляется как механизм, при котором ВПС в

осложненном предложении репрезентирует пропозицию, эксплицируя только часть ее элементов, которая функционирует в качестве целого.

3) Ключевые параметры медицинского дискурса, такие как статусно-ролевые характеристики участников, цель, ценности и когнитивные стратегии, обуславливают семантику предиката и предикатных актантов ВПС. Интеграция пропозиций отражает специфику хронотопа как одного из ключевых параметров медицинского дискурса.

4) Для подклассификации ВПС в англоязычном медицинском дискурсе в русле интегративного подхода релевантными являются такие когнитивно-дискурсивные характеристики, как хронологическая соотнесенность, кратность, симметрия, равноправность ВПС и первично-предикативной структуры в репрезентации сложной ситуации (макрособытия).

5) Градуальность актуализации хронотопа позволяет выделить ВПС с максимальной степенью актуализации хронотопа (ядро), ВПС со средней степенью актуализации хронотопа, ВПС с минимальной степенью актуализации хронотопа (периферия) и ВПС с конститутивной актуализацией хронотопа.

Научная новизна работы определяется интегративным подходом к описанию ВПС в англоязычном медицинском дискурсе, который позволил:

1) уточнить существующие подходы к классификации ВПС, создав подклассификацию, учитывающую когнитивно-дискурсивные характеристики ВПС и релевантную для англоязычного медицинского дискурса;

2) выявить характер и интенсивность репрезентации хронотопа медицинского дискурса посредством ВПС;

3) определить когнитивные основания интеграции пропозиций в предложениях с ВПС в англоязычном медицинском дискурсе.

Соответствие содержания диссертации требованиям Паспорта научной специальности.

Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами Паспорта научной специальности 5.9.6. «Языки народов зарубежных стран (германские языки)»:

- грамматический строй языка или языковой семьи (морфология, синтаксис, единицы и категории, их классификация, формирование, развитие; семантика и функциональная специфика грамматических единиц и категорий, грамматические модели передачи смысла);

- текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран;

- методы исследования языковых единиц и категорий: структурные и функциональные исследования конкретного языка или языковой семьи, корпусные исследования языка или языковой семьи, когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка или языковой семьи.

Апробация работы. Основные результаты и выводы исследования представлены на 19 всероссийских и международных конференциях: IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние», Нижний Новгород (2020); II Международной конференции «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования», Санкт-Петербург (2020); VII Международной научной междисциплинарной конференции «Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues», Москва (2020); XXVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021», Москва (2021); IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие Северо-Арктического региона: история и традиции народов Арктики в меняющихся климатических условиях», Архангельск (2021); XX Международном арктическом конгрессе социальных наук (ICASS X), Архангельск (2021); XXXI Международной научной конференции «Язык и культура», посвященной 143-летию Томского государственного университета и 25-летнему юбилею Факультета иностранных языков, Томск (2021); Международной научно-практической конференции «Иностранные языки в экосистеме современного университета», посвященной 80-летию иноязычного образования в Архангельске, Архангельск (2021); Республиканском научно-практическом семинаре с международным участием

«Дискурсивные практики современной межкультурной коммуникации», Горловка (2021); XXIX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022», Москва (2022); X Всероссийской научно-практической конференции «Развитие Северо-Арктического региона: вопросы сохранения культурного наследия народов Арктики», Архангельск (2022); Всероссийской научной конференции с международным участием «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках», Новосибирск (2022); XI Международном конгрессе по когнитивной лингвистике, Москва (2022); XXX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023», Москва (2023); юбилейной Всероссийской научной конференции с международным участием «Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования», посвященной 20-летию РАЛК, Тамбов (2023); XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие Севера и Арктики: потенциал наставничества и инновации в социально-гуманитарной сфере», Архангельск (2023); Международной научно-практической конференции VI Фирсовские чтения «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте», Москва (2023); VI Международной научно-практической конференции «Магия ИННО: Перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях», Москва (2023); III Межрегиональном научно-практическом семинаре «Дискурсивные практики современной межкультурной коммуникации» (Горловка, 2023); XII Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Нижний Новгород, 2024); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков-2026» (Мурманск, 2026).

По теме диссертации опубликовано 4 работы в рецензируемых изданиях, включенных в перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, и 6 работ в изданиях, индексируемых в российских системах научного цитирования.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы (206 наименований), списка словарей, списка источников иллюстративного языкового материала, приложения. Общий объем диссертации составляет 167 страниц.

1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛИЙСКИХ ВТОРИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СТРУКТУР В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1 Предикативность и типы предикативности в английском языке

1.1.1 Понятие предикативности

В современной науке проблематика предикативности является дискуссионной. Традиционное, «классическое» определение предикативности основано на том, что предикативность – свойство предложения, характеризующееся определенными отношениями между его компонентами. В первой половине XX в. эти отношения зачастую сводились к отношениям подлежащего и сказуемого. Так, А. М. Пешковский напрямую отождествлял предикативность со сказуемостью, считая ее важнейшей грамматической категорией, в которой «тесно сцепляются речь с мыслью», вне которой нет предложения [Пешковский 2001: 165]. В. Г. Адмони рассматривал ее как связывание предмета и признака [Адмони 1955: 38]. Аналогичных позиций придерживались А. А. Шахматов [Шахматов 1925: 10], А. И. Смирницкий [Смирницкий 1954: 195] и другие. Однако существование в языке и речи таких конструкций, как рассматриваемые в рамках нашего исследования ВПС, свидетельствует о неполноте таких определений. В работах зарубежных структуралистов конца XX в. [напр., Bowers 2001: 299; Williams 1980; Williams 1983] под предикативностью понимаются в более широком смысле отношения между субъектом и предикатом, а связь между подлежащим и сказуемым рассматривается лишь как один из простейших ее примеров.

Другое определение предикативности принималось примерно в тот же период времени отечественными лингвистами. Например, В. В. Виноградов рассматривал предикативность как отнесение содержания предложения к действительности [Виноградов 1975: 55]. Такой взгляд на предикативность, учитывающий не только природу, но и назначение данного явления, стал основой

функционального (напр., А.В. Бондарко [Бондарко 1984]) и коммуникативного (напр., Г.А. Золотова [Золотова 2004]) подходов к его определению.

Так, один из основоположников теории функциональной грамматики А.В. Бондарко предлагал соотносить содержание предложения не напрямую с действительностью, а с самим процессом коммуникации [Бондарко 1984: 20]. Представители коммуникативно-структурного подхода Г.А. Золотова и С.Г. Ильенко определяли предикативность как сопряженность предикативного признака с субъектом – его носителем, выражающую в языковых категориях модальности, времени и лица отнесенность к действительности [Золотова 2004: 104; Ильенко 2009: 40]. Приведенное определение является более конкретизированным, так как указывает на категории, с помощью которых осуществляется соотнесение с действительностью. Следует отметить, однако, что все упомянутые труды отечественных лингвистов основаны на исследованиях на материале русского языка. Несмотря на то, что выявленные общие закономерности вполне могут быть распространены на другие языки, рассматриваемые нами ВПС являются специфичным для английского языка способом репрезентации пропозиции (см. п. 1.1.3), который отличается от аналогичных структур в русском языке (см. обсуждения примеров в п. 2.7). Поэтому коммуникативно-структурные и функциональные исследования на материале русского языка могут стать теоретической основой изучения ВПС только в дополнение к работам на материале английского языка.

Большую универсальность с точки зрения объяснения самого явления, а не его частных реализаций, демонстрируют, на наш взгляд, определения предикативности с позиции когнитивно-дискурсивного подхода [напр., Болдырев 2016а: 31; Кобрина 2009; Манаенко 2003; Фомина 2007]. С этой точки зрения предикативность представляет собой «форму приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации» и «подсказывает» адресату коммуникативную значимость отображаемой мысли [Манаенко 2003: 182]. Процесс приписывания признака предмету осуществляется путем актуализации характеристик предиката (прототипично для английского языка – глагольного

сказуемого), позволяющих ему связывать субъект и признак [напр., Болдырев 2016a; Kintsch 2001].

Таким образом, в современных исследованиях, в том числе в нашей работе, предикативность понимается как способность соотносить субъект с признаком, не присущим ему постоянно. Предикативность в предложении связана с наличием предиката, которым не всегда выступает формальное сказуемое.

1.1.2 Типы предикативности в английском языке

Определив понятие предикативности с релевантных для нашего исследования позиций, рассмотрим типы предикативности, характерные для английского языка. Как уже было сказано выше, наиболее простая предикативная связь – это связь подлежащего со сказуемым. Схематически, используя метод трансформационной грамматики [напр., Chomsky 1965], ее можно представить следующим образом:

$S \rightarrow NP VP$, где NP – именная группа, VP – глагольная группа [Bowers 2001: 300].

Такая модель применима для предложений с эксплицитно выраженными предикативными связями. Например: *John (NP) is a good fellow (VP)*.

Дословно: Джон (именная группа) является хорошим товарищем (глагольная группа) (здесь и далее перевод наш – Н.С. Пак).

Однако, помимо связи подлежащего и сказуемого, в английском языке выделяют и другой тип предикативной связи. Анализ зарубежной научной литературы показывает, что такая предикативность исследуется в рамках теории «small clauses» [напр., Bowers 1993; Bowers 2001; Williams 1980; Williams 1983], представляющих, по своей сути, редуцированные придаточные предложения. Схематически такие предложения можно представить как:

NP1 (именная группа 1) – V (глагол) – NP2 (именная группа 2) – NP3 (именная группа 3).

При этом не во всех предложениях, построенных по данной модели, между NP3 и NP2 действительно существует предикативная связь. В качестве примера J. Bowers приводит следующие два предложения:

a. *I (NP1) consider (V) John (NP2) a good fellow (NP3)*. – Я (именная группа 1) считаю (глагол) Джона (именная группа 2) хорошим товарищем (именная группа 3).

b. *I (NP1) gave (V) John (NP2) an interesting book (NP3)*. – Я (именная группа 1) дал (глагол) Джону (именная группа 2) интересную книгу (именная группа 3) [Bowers 2001: 300-301].

Анализируя первое предложение, можно заметить, что в нем содержится две предикативные линии. Первая – связь подлежащего и сказуемого. Я – субъект, и я выполняю определенное действие (считаю). Вторая линия – связь между двумя именными группами. Джон – хороший товарищ. Данное предложение можно развернуть до сложноподчиненного, и тогда обе предикативные линии станут грамматически выраженными:

I (NP) consider (V) that John (NP) is a good fellow (VP). – Я (именная группа) считаю (глагол), что Джон (именная группа) является хорошим товарищем (глагольная группа).

Предложение по второму примеру, имея аналогичную поверхностную структуру, не содержит предикативной связи между NP2 и NP3. Все три именные группы относятся к одному предикату, выраженному трехвалентным глаголом *to give*, следовательно, предложение не содержит дополнительных предикативных линий.

Существуют также примеры, когда одно и то же предложение, в зависимости от его интерпретации, может содержать одну или две предикативные линии. Например:

I found John a good psychotherapist [Bowers 2001: 300]. – 1) Я считал Джона хорошим психотерапевтом. 2) Я нашел для Джона хорошего психотерапевта.

В случае, если глагол *to find* обозначает мнение говорящего (аналогично глаголу *to consider* в предыдущем примере), между именными группами «Джон» и

«хороший психотерапевт» существует предикативная связь (Джон является хорошим психотерапевтом). В случае же, если глагол *to find* употребляется в значении «находить», все именные группы относятся к этому глаголу (Кто нашел? Для кого нашел? Кого нашел?) [Bowers 2001: 300-301].

Таким образом, в тех случаях, когда речь идет не об отношениях между подлежащим и сказуемым, предикация является синтаксически невыраженной. При этом справедливо утверждение N. Chomsky, который называл такие сочетания «complete functional complex» («полнофункциональные комплексы») [Chomsky 1986], акцентируя внимание на том, что они передают завершенную мысль. Такую предикативность, которая не находит отражения в формальной структуре предложения, в научной литературе называют неполной [напр., Николаева 2019], имплицитной [напр., Николаевская 2017], дополнительной [напр., Прияткина 1990, Ронина 2004] или полупредикативностью [напр., Чубарова 2008]. Однако наиболее широко употребляемым как в русскоязычных [напр., Фомина 2007; Николаева 2008; Беклемешева 2011; Бондарко 2011], так и в англоязычных работах [напр., Winkler 1997; Irimia 2005; Verkerk 2009; Rapoport 2019] является термин «вторичная предикативность» (англ. «secondary predication»). Он отражает как дополнительную, факультативность такого типа предикативности (она обязательно предполагает наличие в предложении основной, первичной, синтаксически выраженной предикативности), так и ее несамостоятельность (в конструкциях с вторично-предикативной связью отсутствуют самостоятельно выраженные категории предикативности: модальность, время, лицо). Далее выделим другие особенности вторичной предикативности, важные для нашего исследования.

В первую очередь, следует остановиться на синтаксической функции ВПС. В отличие от первичной предикативности (связи между подлежащим и сказуемым), которая образует простое и сложное предложения, конструкции с вторичной предикативностью образуют особые переходные («маргинальные», промежуточные) [Худяков 2005: 74] предложения, поверхностная структура которых аналогична простому предложению, а глубинная структура соответствует

сложному предложению. Такие предложения принято называть осложненными (англоязычный термин – «semi-composite») [напр. Блох 1983: 340]. Проблема осложненных предложений и их места в системе синтаксиса английского языка до настоящего момента не имеет однозначного решения (см. п. 1.1.4).

Заслуживает внимания также рассуждение о том, насколько вторичная предикативность является реализацией асимметрии плана содержания и плана выражения [напр. Васильева 2010; Николаева 2019]. Симметричными в плане содержания и выражения являются предложения, содержащие только предикативную связь между подлежащим и сказуемым. Все остальные случаи «неканонической» [Николаева 2019] предикативности, включающие в себя вторичную предикативность и все входящие в нее и смежные с ней явления, асимметричны. Чтобы проиллюстрировать это, вернемся к примеру, приведенному J. Bowers:

I consider John a good fellow [Bowers 2001: 300].

В плане выражения приведенный пример представляет собой простое предложение. В плане содержания это простое предложение является репрезентацией двух ситуаций или (по Т.А. Клепиковой) метарепрезентацией [Клепикова 2008: 5]. Первая ситуация – я имею некое мнение. Вторая ситуация – Джон является хорошим товарищем. Для сравнения, предложение: «I gave John an interesting book» отражает всего одну ситуацию – ситуацию передачи книги от меня к Джону. Из изложенного следует, что для интерпретации предложений с вторичной предикативностью необходимо идентифицировать за поверхностной структурой простого предложения несколько ситуаций, которые она выражает.

Ряд ученых отмечают роль вторичной предикативности как средства компрессии [напр., Беклемешева 2011; Гудухина 2020; Мкртчян 2017; Овчинникова 2006]. По сравнению со сложными предложениями, содержащими две полностью выраженные предикативные линии, в предложениях с ВПС реализовано свертывание придаточной части, что в свою очередь ведет к повышению плотности информации при одновременной экономии языковых средств. Такая сжатость особенно характерна для текстов определенных стилей

(например, научного) и жанров (например, научная статья, инструкция, см. п. 1.6.4). Согласившись с вышеприведенными авторами относительно компрессии как важного, возможно даже доминирующего механизма, обуславливающего функционирование ВПС, считаем релевантным в рамках нашей работы рассмотрение компрессии через призму когнитивных процессов концептуальной метонимии и концептуальной интеграции [напр., Болдырев 2021]. Подробнее компрессия и ее понимание в рамках настоящей работы будут представлены далее (см. п. 1.1.5.).

Обобщенные результаты обзора источников по проблематике предикативности и ее типов приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Характеристики первичной и вторичной предикативности

Характеристики	Первичная предикативность	Вторичная предикативность
Синонимичные и смежные понятия	сказуемость	неполная предикативность, имплицитная предикативность, дополнительная предикативность, полупредикативность
Степень самостоятельности	самостоятельна, способна выражать категории лица, времени, модальности	несамостоятельна, не имеет средств выражения лица, времени, модальности
Образуемые предложения	простое, сложное (сложносочиненное, сложноподчиненное)	осложненное (осложненно-сочиненное, осложненно-подчиненное)
Симметрия плана содержания и плана выражения	симметричны	ассимметричны
Формально-грамматическая выраженность отношений	полностью выражены	не выражены (свернутость, компрессия)

Предикативные структуры являются отражением ситуаций внеязыковой действительности. Однако как любой объект действительности отражается в языке не напрямую, а опосредовано, через мыслительный образ (концепт), так и ситуация соотносится с предикативной структурой через ментальный коррелят [напр., Манаенко 2011; Худяков 2005], называемый пропозицией. Далее рассмотрим структуру пропозиции и ее составляющие.

1.1.3 Пропозиция и ее структурные элементы

Термин «пропозиция», как и обсуждаемые нами ранее термины «предикация» и «предикативность», понимается по-разному в работах исследователей. Помимо уже упомянутой позиции, согласно которой пропозиция является ментальным коррелятом ситуации, существует широкий спектр определений данного понятия: от отождествления пропозиции, в узком смысле, с предикатом [напр., Степанов 2012] до рассмотрения пропозиции как семантического инварианта предложения, некоей базисной структуры, которой далее приписывается степень достоверности и эмоциональное отношение говорящего [напр., Арутюнова 1976; Арутюнова 1990]. Однако как раз существование таких конструкций, как рассматриваемые в нашей работе ВПС, ставит под сомнение возможность соотнесения границ пропозиции с границами предиката или предложения. Осложненные предложения, содержащие ВПС, репрезентируют не одну, а две и более пропозиции, следовательно, на языковом уровне пропозиция может коррелировать как с предложением, так и с его частью (словосочетанием), а иногда даже с отдельным словом. Таким образом, соотнесенность с элементами языкового уровня не является постоянной, а значит, не может служить основанием для определения пропозиции.

Более перспективным мы, вслед за Е.В. Падучевой, считаем определение пропозиции через ее роль в концептуальных структурах. В этом смысле пропозиция как «потенциальный концепт предложения», т.е. такой компонент смысла, который выражается предикатной группой, противопоставляется смыслу, являющимся «потенциальными концептами предметов» [Падучева 1985:

36–37]. Приведенное определение можно дополнить тезисом о том, что пропозиция не имеет формальной структуры и представляет собой «смысловой набор компонентов, классифицированных человеческим сознанием» [Селеменова 2014: 183]. В структурной типологии концептов, приведенной Н.Н. Болдыревым, пропозиция относится к концептуально-сложным единицам знания [Болдырев 2016в: 18-19]. Таким образом, в нашей работе пропозиция понимается как концептуально-сложная единица знания, отражающая фрагмент внеязыковой действительности (ситуацию), не имеющая формальной структуры и выражающаяся в языковом плане предикативной линией.

Например, в предложении с ВПС: *If left untreated, babies born with severe combined immunodeficiency will most likely die before the age of 2* [Abraham 2013] репрезентируется две пропозиции. Первая пропозиция, репрезентируемая первично-предикативной структурой, отражает ситуацию (является ее «ментальным коррелятом») «ребенок умирает в возрасте менее двух лет». Вторая пропозиция, репрезентируемая ВПС, отражает ситуацию «ребенок остается без лечения».

Несмотря на то, что на ментальном уровне пропозиция формально не структурирована, в ее составе всегда выделяется предикат (мыслительный коррелят отношений) и некоторое количество предикатных актантов (мыслительных коррелятов предметов объективного мира) [Худяков 2000: 33]. Предикат играет роль «связующего звена» (см. п. 1.1.1), объединяющего актанты в пропозицию как единое целое и определяющего их ролевые характеристики. В приведенном выше примере предикат пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, на формальном уровне представлен глаголом в простом будущем времени *will die*, а предикат пропозиции, репрезентируемой ВПС, представлен причастием II (см. п. 1.3.3) *left*.

Рассмотрим семантические типы предикатов и предикатных актантов. Для задач исследования (описание и классификация ВПС) одним из значимых критериев является характер отображаемого предикатом признака или связи. По этому основанию выделяется два основных типа предикатов. В научной литературе

представлены подходы, согласно которым предикаты подразделяются на динамичные и статичные [напр., Падучева 1974; Николаева 2019], или **акциональные** (отражающие действия) и **статальные** (отражающие свойства или состояния). К числу статальных можно отнести предикаты, отражающие абстрактные отношения, чувственное восприятие, эмоциональные и ментальные состояния. При этом, когда речь идет о направленном, произвольном чувственном восприятии (to look, to listen), предикат классифицируется как акциональный [напр., Худяков 2005]. В настоящей работе использованы термины «акциональный предикат» и «статальный предикат», так как данная классификация логически перекликается с функциональной типологией английского глагола, описанной Н.Н. Болдыревым.

Согласно представленной таксономии, все глаголы делятся на акциональные и неакциональные. Акциональные глаголы обладают такими признаками, как **активность, волитивность, контролируемость, локализованность во времени** и др. К неакциональным глаголам относятся **процессуальные глаголы** (концептуальные признаки – **псевдо-активность**, часто – **безобъектность**), **глаголы-свойства** (концептуальные признаки – **генерализованная активность, обобщенное воздействие**), **глаголы-отношения** (концептуальные признаки – **инактивность субъекта, статичность объекта**) и **статальные глаголы** (концептуальные признаки – **нереферентная активность, нереферентное воздействие**) [Болдырев 2016а; Болдырев 2016г].

Мы считаем, что таксономия, разработанная для английского глагола как прототипичного первичного предиката (см. 1.1.1), применима и для классификации вторичных предикатов. При описании ВПС (см. п. 2.1–2.6) мы характеризуем предикат как акциональный или статальный, а также идентифицируем его концептуальные признаки, актуализируемые при репрезентации пропозиции посредством ВПС.

Еще одной важной характеристикой предикатов, выступающей основой для их классификации, является валентность, т.е. способность предикатов «притягивать» определенное количество актантов. Л. Теньер образно сравнивал

этот феномен с «драмой», в которой есть действие и есть определенный набор действующих лиц. По признаку валентности предикаты делятся на ноль-местные (или **авалентные**), одноместные (или **моновалентные**), двуместные (или **бивалентные**), трех- и многоместные (**поливалентные**) [Теньер 1988: 117]. Наблюдения относительно преобладания предикатов определенных валентностей в тех или иных типах и подтипах ВПС в медицинском дискурсе приведены нами в п. 2.1–2.6.

Относительно семантических типов предикатных актантов следует отметить, что их общепринятой классификации в настоящее время не разработано. Количество выделяемых актантов может варьироваться от 6-8 до нескольких десятков [Худяков 2005: 104]. Также, согласно классификации Л. Теньера, помимо актантов (к которым он относит предметных и, как правило, обязательных участников ситуации), выделяются сирконстанты – необязательные участники ситуации, например, обстоятельства и характеристики [Теньер 1988]. В настоящей работе при моделировании ситуаций, репрезентируемых ВПС, мы не подразделяем их участников на актанты и сирконстанты, так как категории «обязательности» и «факультативности» в случае с ВПС представляются спорными.

Например, в предложении: *When preparing vaccines, it is important for healthcare professionals to follow aseptic technique when accessing vials* [St-Amant 2020] пропозиции, репрезентируемые обеими ВПС, являются темпоральными локативами (характеризуют временную соотнесенность ситуаций) пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Являясь характеристиками ситуации, темпоральные локативы были бы отнесены к сирконстантам (непредметные участники), при этом назвать их «факультативными» можно, только если рассматривать исключительно формальную структуру предложения (без них предложение останется грамматически правильным). С точки зрения интегративного принципа формирования смысла предложения-высказывания содержание предложения-высказывания не равно простой сумме значений его элементов. Оно представляет собой результат сложного взаимодействия их лексических и грамматических

значений, а также коммуникативного значения самого предложения-высказывания [напр. Болдырев 2016а]. Это означает, что пропозиции, репрезентируемые ВПС, так же обязательны для формирования общего смысла, как и пропозиция, репрезентируемая первично-предикативной структурой. Исходя из вышеизложенного, далее в нашей работе все участники ситуации (элементы пропозиции) будут именоваться актантами.

Как уже было отмечено ранее, разработанные к настоящему времени классификации актантов существенно различаются. Когда Л. Теньер ввел понятие «актант», он выделял всего три актанта [Теньер 1988]. Количество сирконстантов примерно соответствовало количеству второстепенных членов предложения.

Ю.Д. Апресян, расширяя классификацию ролей Ч. Филлмора [Филлмор 1981], выделяет 25 семантических ролей: субъект, контрагент, глава, объект, содержание, адресат, получатель, посредник, источник, место, начальная точка, конечная точка, маршрут, средство, инструмент, способ, условие, мотивировка, причина, результат, цель, аспект, количество, срок, время [Апресян 1995: 130].

А.А. Худяков, следуя принципу нейтральности, приводит «усредненную» классификацию предикатных актантов (не расширенную до максимума, но и не сокращенную до минимума). Согласно этой классификации выделяется 4 одушевленных актанта: агентив, пациентив, бенефактив, экспериенсив и 6 неодушевленных актантов: объектив, фактитив, инструментатив, элементатив, локатив, партитив [Худяков 2005: 108-109].

В рамках нашего исследования релевантна классификация, разработанная для описания фреймов (стереотипных ситуаций) в рамках проекта FrameNet [Ruppenhofer 2016]. Эта классификация, помимо стандартных актантов – одушевленного **агента** (агентива), неодушевленного **объекта** (объектива) и т.п., включает, например, значимые для описания ситуаций в медицинском дискурсе позиции **соучастника** (co-participant), **роли** (role); разделяет **реципиента** (recipient, участник ситуации, на которого направлено действие), **бенефициара** (beneficiary, участник ситуации, чье положение улучшается от совершения действия) и

малефициара (maleficiary, участник ситуации, чье положение ухудшается от совершения действия).

Практический материал нашего исследования позволяет выделить и описать актанты, в роли которых может выступать сама ВПС (см. пример выше). Так, **кондициональные актанты** включают **профилируемую возможность** (profiled possibility) и **противоположную возможность** (opposite possibility). Профилируемая возможность – ситуация, явно представленная как возможность (соблюдение условия), в то время как противоположная возможность представляет собой имплицитную возможность (несоблюдение условия). **Модусный актант** (manner) рассматривается как характер, образ или метод протекания действия. Также в приведенной классификации уточняется классификация пространственных и темпоральных локативов. Локатив **местоположение участника** (location of participant) определяется как положение актанта в пространстве, локатив **местоположение наблюдателя** (location of observer) – как точка перспективы, **точка контакта** (point of contact) – как область пересечения положений актантов в процессе их взаимодействия. Темпоральный локатив **фокусное время** (focal time) – конкретный, существенный момент времени, **относительное время** (relative time) – актант, определяющий время относительно идентифицируемой контрольной точки [FrameNet]. Кроме того, метаязык нашего исследования, учитывающий подход Ч. Филлмора и Ю. Д. Апресяна, а также уточненную типологию актантов в рамках проекта FrameNet, включает **цель**, которая определяется как конечная точка движения; **каузаль** – причину, по которой сложилась описываемая ситуация; **концессив** – указание на ситуацию, которая не привела к ожидаемому результату. Следует отметить, что эти актанты, кроме цели, являются периферийными (см. концепция градиентности, п. 1.5) и могут не выделяться в ряде классификаций. Тем не менее, в контексте нашего исследования, в котором в роли актантов выступают целые пропозиции, репрезентируемые ВПС (см. 2.1-2.6), считаем необходимым включить данные элементы в список актантов при описании осложненных предложений с ВПС.

Наряду с актантными ролями считаем также необходимым выделить **атрибут** – характеристику всей ситуации или одного из ее участников.

Определение роли пропозиции, репрезентируемой ВПС, в актантной структуре пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, вносит вклад в описание характера **концептуальной интеграции** обозначенных пропозиций. Концептуальная интеграция [Fauconnier 1998] представляет собой интеграцию исходных концептуальных структур при конструировании новых смыслов. Образованное интегрированное пространство не является простой комбинацией исходных элементов, в его состав могут входить элементы, не характерные для исходных концептуальных структур и образованные в процессе интеграции. L. Talmy, посвящая целый раздел своей монографии рассмотрению типологии интеграции событий (A Typology of Event Integration), приходит к выводу о том, что образованное путем такой интеграции макрособытие, с одной стороны, может быть концептуализировано как два простых события и связь между ними, но с другой стороны, эти два события в макрособытии слиты в единое целое [Talmy 2000: 213]. В современных дискурсивных исследованиях концептуальная интеграция рассматривается как один из универсальных когнитивных механизмов, стоящих за процессами взаимной адаптации различных семиотических единиц в ходе дискурсивной деятельности [Ирисханова 2022: 20]. По определению Н.Н. Болдырева, «объединение пропозиций, лежащее в основе формирования сложных предложений и вторично-предикативных структур, представляет собой особый формат языкового знания, и в этом качестве может рассматриваться как когнитивная схема разной языковой интерпретации концептуального содержания» [Болдырев 2016б: 18]. Способ концептуальной интеграции связан с семантикой и валентностью глагола-предиката (вербоцентрический подход, напр., N. Chomsky [Chomskiy 1965]), актуализацией его категориальных значений (прототипическая семантика [Болдырев 2016а]), семантикой конструкции (напр., концепция A. Wierzbicka [Wierzbicka 1990], контекстная семантика [Колшанский 2010]). Как отмечает Т.А. Клепикова, современные методологические подходы, учитывающие концептуальные основания формирования языковых структур и их

функционирование в дискурсе, позволяют постулировать **интегративный подход** к проблематике [Клепикова 2011: 118].

Таким образом: а) ВПС способны репрезентировать пропозицию; б) пропозиция, репрезентируемая ВПС, имеет свою собственную актантную структуру; в) пропозиция, репрезентируемая ВПС, выступает в роли актанта пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; г) связь между пропозицией, репрезентируемой ВПС, и пропозицией, репрезентируемой первично-предикативной структурой, рассматривается как проявление концептуальной интеграции, при которой образованное сложное единство не является простой суммой его элементов.

1.2 Вторично-предикативные структуры: проблема определения и классификации

Как и в случае с предикативностью как явлением, взгляды исследователей на то, какие структуры в английском языке следует относить к ВПС, весьма неоднозначны.

О.И. Бродович определяет ВПС в английском языке как структуры, обладающие такими характеристиками, как: субъектно-предикативные отношения между элементами; взаимозависимость связи от первого элемента ко второму и обратно; совместная связь компонентов структуры с опорным словом; оформление второго компонента безглагольным способом или в виде неличного глагола. Элементы ВПС автор, по аналогии со структурами с первичной предикацией (подлежащим и сказуемым), подразделяет на подлежащий компонент и сказуемый компонент. Подлежащий компонент чаще всего выражен существительным или местоимением. Специфика сказуемого компонента, который может быть выражен причастием I, причастием II, прилагательным, существительным или герундием, то есть, частями речи, не имеющими категорий, присущих «настоящему» сказуемому, является отличительной чертой ВПС. При этом О.И. Бродович отмечает, что к ВПС не относятся структуры с субъектно-

предикатными отношениями плана содержания, в которых элементы связаны подчинительными отношениями, элементы связаны не только друг с другом, но также каждый в отдельности с опорным словом, либо элементы вообще не связаны между собой в плане выражения [Бродович 1972: 88–90].

Н.Н. Беклемешева в своем диссертационном исследовании называет ВПС все структуры-носители редуцированной предикативности в английском языке. В рамках вторичной предикативности автор выделяет:

- структуры-носители полупредикативности. В эту группу входят английские инфинитивные и причастные конструкции, так как они сохраняют некоторые категории предикативности (например, модальность и темпоральность);

- структуры-носители свернутой предикативности. К этой группе в английском языке относятся сложные определения, выраженные атрибутивной конструкцией с причастием I и II. Данные структуры не выражают базовых категорий предикативности, но описывают ситуацию объективного мира на основании семантической близости к глаголу;

- структуры-носители скрытой предикативности. К таким структурам относятся структуры с существительным, обозначающим результат действия, адвербиальной частицей, указывающей направление, прилагательным в сравнительной степени, указывающим на результат изменений. В таких структурах предикативность на грамматическом уровне отсутствует, но восстанавливается адресатом в результате когнитивных логических операций [Беклемешева 2011: 11–12].

Комплексный подход к проблематике предлагает Т.Г. Николаева. В качестве родового понятия, объединяющего типы предикативности, отличные от связи «подлежащее-сказуемое», она предлагает понятие «неканоническая предикативность», статус которой определяет термин «зависимая предикативность», а природу – термин «неполная предикативность». Что касается вторичной предикативности, автор отмечает двусмысленность данного термина, так как «вторичность» предполагает не только наличие некоего «первичного», но и существование между «первичным» и «вторичным» отношений производности и

предшествование первого члена второму, что не всегда соответствует структуре неполной предикативности. Тем не менее, сам термин «вторичный предикат» упоминается в работах автора неоднократно, так как именно структуры с вторичным предикатом («secondary predicate») находятся в фокусе исследований зарубежных лингвистов [Николаева 2019: 38–42].

В работе E. Schultze-Berndt и N. Himmelmann подчеркивается, что одной из существенных характеристик ВПС является то, что в одном предложении содержится две предикативные линии, которые не образуют сложный предикат, в отличие от последовательности глаголов или однородных сказуемых. Анализу подвергаются конструкции с предикативными атрибутами и обстоятельствами, делается вывод об отсутствии четкой грани между этими двумя структурами [Schultze-Berndt 2004].

В трудах Н.А. Кобриной используется понятие «предикативные комплексы» (англ. «predicative complexes»). Обращается внимание на промежуточный характер этих конструкций между словосочетанием и придаточным предложением. Подчеркивается, что предикативные комплексы не имеют грамматически выраженного субъекта и предиката. Предикативные комплексы в английском языке делятся на:

- субъектно-предикативные конструкции. Главной особенностью таких конструкций автор считает тот факт, что между частями конструкции находится личная форма глагола. Таким образом, вся конструкция не является одной частью предложения, а представляет собой две части, функционирующие отдельно;
- объектно-предикативные конструкции. Представляют собой сложное дополнение с предикативной частью, выраженной инфинитивом, причастием, существительным или прилагательным;
- абсолютные номинативные конструкции. Являются независимыми от других частей предложения, но при этом не могут функционировать самостоятельно ввиду отсутствия личной формы глагола, и, соответственно, грамматической невыраженности предиката. Абсолютные конструкции в свою очередь подразделяются на конструкции с неличными формами глагола и

конструкции с другими частями речи (прилагательным, наречием или существительным с предлогом);

- инфинитивные конструкции с предлогом for. Состоят из существительного в общем падеже или местоимения в объектном падеже и инфинитива с частицей to. Как следует из их названия, такие конструкции вводятся предлогом for;

- герундиальные предикативные конструкции. Именная часть таких конструкций представлена существительным или сочетанием существительного с местоимением, предикативная часть представлена герундием [Кобрина 1972; Кобрина 1999: 283–297].

Другой подход к классификации предлагает М.Я. Блох. Относя ВПС к структурам с частичной (потенциальной) предикативностью, он выделяет в их числе инфинитивные, причастные и герундиальные конструкции. В инфинитивных конструкциях субъект выражается с помощью словосочетания с предлогом for, в герундиальных конструкциях – с помощью притяжательной или объектной формы субстантива, в причастных – с помощью номинативной (общей) формы субстантива [Блох 1983: 87].

Таким образом, обобщенно классификацию ВПС можно представить в виде таблицы 2. За основу взята классификация Н.Н. Беклемешевой, так как в ее работе охарактеризованы как полупредикативные ВПС, так и структуры со свернутой и скрытой предикативностью. М.Я. Блох также выделяет полупредикативные ВПС, но дает иную их классификацию. Работы Т.Г. Николаевой и Н.А. Кобриной посвящены рассмотрению ВПС, которые можно считать полупредикативными.

Таблица 2 – Классификация ВПС

Вторично-предикативные структуры		
полупредикативные [Беклемешева 2011; Блох 1983; Кобрина 1999, Николаева 2019]	со свернутой предикативностью [Беклемешева 2011]	со скрытой предикативностью [Беклемешева 2011]
- субъектно-предикативные; - объектно-предикативные;	- атрибутивные конструкции с причастием I и II	- структуры с существительным, обозначающим результат действия, адвербиальной

<ul style="list-style-type: none"> - абсолютные номинативные; - инфинитивные; - герундиальные [Кобрина 1999]	(сложные определения) [Беклемешева 2011].	частицей, указывающей направление, прилагательным в сравнительной степени, указывающим на результат изменений [Беклемешева 2011].
<ul style="list-style-type: none"> - предикативные атрибуты, соотнесенные с подлежащим; - предикативные атрибуты, соотнесенные с дополнением; - результативы [Николаева 2019]		
<ul style="list-style-type: none"> - инфинитивные конструкции; - причастные конструкции; - герундиальные конструкции [Блох 1983].		

Нетрудно заметить, что во всех классификациях так или иначе представлены большие группы структур, в качестве предикативного центра которых выступают неличные формы глагола (инфинитив, причастие или герундий). В нашей работе (см. п. 2.1–2.6) ВПС с неличными формами глагола также будет уделено особое внимание, так как, во-первых, они присутствуют во всех выявленных нами типах ВПС в исследуемом материале. Во-вторых, их количество в исследуемом материале превышает суммарное количество ВПС со всеми остальными предикативными центрами (прилагательное, существительное с предлогом, наречие). И, в-третьих, наличие у неличных форм глагола некоторых глагольных категорий (длительность, совершенность и др.) позволяет им интенсивно и эксплицитно репрезентировать хронотоп и делает их наиболее прототипичными элементами ВПС каждого подтипа. Далее мы рассмотрим подробнее особенности неличных форм глагола в составе ВПС.

1.3 Неличные формы английского глагола как элементы вторично-предикативных структур

1.3.1 Инфинитив

В ряде трудов по теоретической [напр., Блох 1983; Иванова 1981; Кобринина 1999; Кобринина 2009; Joos 1964] и практической [напр., Блинова 2000; Голицынский 2018; Foley 2008] грамматике английского языка инфинитив определяется как наиболее абстрактная, отвлеченная форма глагола. Отмечается, что эта форма имеет смешанную процессно-предметную природу [напр., Ривлина 2009], иными словами, инфинитив сочетает в себе признаки глагола и существительного.

К категориям глагола, которыми обладает инфинитив, относятся вид (длительность и перфектность) и залог. Наличие у инфинитива некоторых глагольных категорий, как уже обсуждалось выше, дает ему возможность образовывать полупредикативные конструкции [Беклемешева 2011]. Признаки существительного проявляются в особенностях функционирования инфинитива. Так, инфинитив, в отличие от других форм глагола, может выступать любым членом предложения, в том числе в роли подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства цели, составной части именного или глагольного сказуемого.

В качестве предикативного центра ВПС инфинитив является одной из широко исследуемых неличных форм глагола в различных языках, а также в аспекте сопоставления языков. Анализу подвергаются структурные особенности инфинитивных конструкций [напр., Куклина 2008], их семантика [напр., Муковозова 2004; Ефремова 2005] и синтаксические функции [напр., Кузьмичева 1999; Ряжская 2007]. Перспективными являются исследования инфинитива и инфинитивных конструкций с позиций когнитивного подхода как средства репрезентации концептов и фреймов [напр., Баклашкина 2013; Крат 2005; Тетерина 2007], а также анализ их прагматического потенциала [напр., Широбокова 2011].

Рассмотрим подробнее несколько значимых в рамках нашей темы исследований. В работе Т.Ю. Мкртчян и В.А. Борисенко инфинитивные конструкции рассматриваются как результат реализации одного из способов

языковой компрессии – замены придаточного предложения конструкцией с неличными формами глагола [Мкртчян 2017]. Не ставя под сомнение важность синтаксической компрессии и ее соответствие базовым принципам функционирования языка в речи, позволим себе не согласиться с авторами в их однозначной трактовке всех инфинитивных конструкций как результата компрессии. В работе авторы обсуждают частотность появления различных типов инфинитивных конструкций и их структуру, однако не дают ответа на вопрос: действительно ли их употребление связано со стремлением к экономии языковых средств. Говоря о замене придаточного предложения инфинитивной конструкцией, авторы не предпринимают попыток развернуть конструкции до придаточных предложений, что хотя бы косвенно подтвердило бы главный тезис работы. В связи с этим мы, соглашаясь с утверждениями М.Я. Блоха [Блох 1983], считаем, что компрессия – это лишь одна из возможных причин существования и употребления ВПС, и она не сводится к экономии речевых средств (см. п. 1.5). Существуют другие основания выбора между ВПС и придаточным предложением (см. п. 2.7).

В этом ключе интерес представляет исследование V. Pavlovic, которое подтверждает идею о том, что ВПС, и, в частности, инфинитивные конструкции, помимо компрессии, реализуют семантическую функцию, отражая глубину связи между объектами и событиями. В фокусе исследования находятся инфинитивные конструкции с инфинитивом без частицы «to» и конструкции с частицей «to». Путем анализа выборки примеров с одними и теми же глаголами доказано наличие семантических различий, связанных с наличием или отсутствием инфинитивной частицы. Также в работе выдвигается и обосновывается тезис о том, что употребление инфинитивной частицы детерминируется пропозициональным содержанием [Pavlovic 2014]. В рамках принятого в нашем исследовании интегративного подхода такие исследования на семантико-синтаксическом уровне имеют несомненную ценность, так как позволяют рассматривать ВПС с неличными формами глагола не только с точки зрения их функции, но и с точки зрения их пропозиционального содержания и семантических свойств.

Семантике инфинитивных конструкций посвящена и работа К. Jensen. Отмечая сложность данного явления в английском языке, исследователь анализирует внутренние семантические субъектно-предикатные отношения в конструкции и субъектно-предикатные отношения в предложении. В качестве основных типов отношений в процессе корпусного анализа автор выделяет наблюдение и принуждение [Jensen 2013].

Таким образом, инфинитивная конструкция как ВПС проявляет свои собственные семантические и функциональные особенности, с точки зрения которых она не тождественна придаточному предложению и имеет свою сферу употребления.

Так, в примере: *The CP has, however, been shown to exhibit alterations following chronic stress in rats, a model known to induce depression-like behavior* [Turner 2014] инфинитивная ВПС функционирует в составе уточнительной конструкции, которая с точки зрения концептуальной интеграции (см. п. 1.1.3) представляет собой появление новой структуры путем проецирования некоторых признаков ментальных пространств уточняющего и уточняемого в пространство-бленд [Ашмарина 2018]. Сконструированная таким образом структура реализует стратегию объективации (см. 1.6.2), т.е. не только объясняет сущность обсуждаемой модели поведения, но и представляет ее как общеизвестный в медицинском сообществе факт.

Многие из упомянутых выше характеристик можно отнести к конструкциям с неличными глаголами в целом, однако мы считаем необходимым все же рассмотреть отдельно причастие I и герундий, так как они имеют ряд других особенностей, к которым относится, например, их омонимия и связанные с этим подходы к разграничению.

1.3.2 Герундий и причастие I

Одной из дискуссионных проблем исследований герундия и причастия I является вопрос о целесообразности разграничения этих двух форм [напр., Ильиш 1971; Smet 2010; Smet 2011]. В зарубежных грамматиках английского языка [напр.,

Alexander 1990] устоявшимся является термин «ing-form», который употребляется по отношению к обеим неличным формам глагола с окончанием –ing. Исследования аргументов в пользу такого объединения, проведенные Н. Smet [Smet 2010], показывают, что в некоторых случаях это имеет смысл, так как конструкции с герундием и причастием функционируют схожим образом. Несмотря на то, что не ставится под сомнение наличие атрибутивной функции у причастия и номинативной функции у герундия, есть основания полагать, что для носителей современного английского языка эти свойства не являются основными и структуры строятся по аналогичному друг другу принципу. В то же время, нельзя сказать, что в современном английском языке совсем исчезли различия между герундием и причастием. Например, только герундий может сочетаться с притяжательным существительным или местоимением в качестве субъекта, в то время как спектр сочетаемости причастия в большей степени близок к сочетаемости прилагательного [Smet 2011]. Таким образом, причастие и герундий объединяются в одну группу [напр., Джандубаева 2015; Николаева 2017; Arseneau 2006] или рассматриваются как отдельные формы английского глагола [напр., Крат 2005; Роева 2009; Баклашкина 2013] в зависимости от того, какие характеристики принимаются в качестве ключевых.

В некоторых случаях выбор ракурса рассмотрения причастия настоящего времени и герундия обусловлен прикладными целями исследования. Практическую значимость исследований, разграничивающих эти две формы, иллюстрирует, например, работа Н.В. Бабушкиной, в которой рассматривается герундий с точки зрения машинного перевода. В этом аспекте омонимия герундия и причастия настоящего времени и схожесть конструкций не является доказательством их тождественности. Напротив, снятие грамматической омонимии является одной из главных задач, обеспечивающих повышение качества перевода с английского языка на другие языки [Бабушкина 2007]. Это обусловлено тем, что английское причастие I часто по значению и употреблению соответствует русскому действительному причастию. Герундий же как форма в русском языке отсутствует, но имеет эквиваленты в других языках, например, в языках романской

группы. Другие рассмотренные нами прикладные исследования причастия и герундия в английском языке включают работы в области переводческих трансформаций С.В. Зимина [Зимин 2013], М.М. Демидовой [Демидова 2018]; автоматической обработки текстов О.И. Бабиной [Бабина 2006]; функционирования неличных форм глагола в речи W. Gu [Gu 2020], в которых также наблюдается тенденция к разграничению герундия и причастия настоящего времени.

В нашей работе причастные и герундиальные ВПС анализируются как разные типы структур, согласно классификации М.Я. Блоха, Н.А. Кобриной, Н.Н. Беклемешевой и других исследователей. Однако это не означает, что мы считаем проблему разграничения причастия и герундия решенной. Анализ исследований показывает, что в настоящее время эти две неличные формы в английском языке находятся в переходном состоянии с тенденцией к сближению. Это дает нам основания при моделировании структуры ВПС использовать для обозначения причастия и герундия общее обозначение *Ving* и не акцентировать внимание на разграничении причастия и герундия там, где сама структура ВПС не открывает возможности двойной интерпретации.

1.3.3 Причастие II

Причастие II в грамматике английского языка рассматривается как особая неличная форма глагола, так как, в отличие от других неличных форм, она не имеет выраженных морфологических категорий. Тем не менее, считается, что такие категории глагола, как вид и залог все же присущи причастию прошедшего времени, но для их идентификации необходимо обращаться к глаголу, от которого оно образовано [Кобрина 1999: 108–110].

В качестве предикативного центра причастие II участвует в формировании таких ВПС, как объектно-предикативная конструкция и абсолютная конструкция [там же: 112–113].

Как самостоятельный объект исследования конструкции с причастием II рассматриваются на материале немецкого языка [напр., Саттаров 1984; Нюет

2019]. Некоторые из выводов этих исследований (например, относительно лексико-семантических характеристик данных структур, их сочетаемости) справедливы и для английских конструкций с причастием II. Что касается последних, они чаще выступают как один из типов конструкций в рамках более широких исследований. Тем не менее, обратившись к этим исследованиям, можно выявить ряд особенностей конструкций с причастием II.

Так, в работе А.В. Киселевой в фокусе внимания находится осложненное предложение с причастным оборотом и реализация в нем категорий темпоральности, модальности и персональности. По результатам исследования к характеристикам предложений с причастием II автор относит политемпоральность, мономодальность и моно / полисубъектность [Киселева 2006].

Интересные выводы относительно синтактико-семантических характеристик конструкций с причастием II содержатся в работе А.Г. Кончибаевой. Исследователь выделяет 4 группы элементов в позиции предидирующего компонента, выраженного причастием II в составе контаминированного сказуемого:

- 1) передающие стативное значение;
- 2) передающие процессуальное направленное значение;
- 3) передающие процессуальное результативное значение;
- 4) передающие квалитативное значение.

Исходя из этого стативность, процессуальность и квалитативность определяются в качестве категориальных синтактико-семантических признаков контаминированного сказуемого с причастием II [Кончибаева 2003: 14–15].

Таким образом, английское причастие II как особая неизменяемая неличная форма глагола:

- обладает способностью образовывать объектно-предикативые и абсолютные конструкции;
- входит в состав причастного оборота, характеризующегося политемпоральностью, мономодальностью и моно / полисубъектностью;

- входит в состав контаминированного сказуемого, обладающего такими категориальными признаками, как стативность, процессуальность и квалитативность.

Отметим, что в этом параграфе обзорно рассмотрены исследования неличных форм глагола с тех позиций, которые обуславливают их функционирование в составе ВПС. Выявлены следующие характеристики: **темпоральность** – позволяет ВПС с предикативным центром, выраженным неличной формой глагола, с максимальной, средней или минимальной степенью, а также конститутивно репрезентировать хронотоп (см. п. 2.7); **стативность** или **процессуальность** – обуславливают концептуальные характеристики неличных форм как вторичных предикатов (см. п. 2.1–2.6); **атрибутивность** или **номинативность** – открывают возможность функционирования пропозиции, репрезентируемой ВПС как актанта пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой. В целом, проблематика неличных форм глагола и конструкций с неличными формами глагола гораздо шире и охватывает круг вопросов, до настоящего времени не решенных однозначно в современной лингвистике.

1.4 Роль и место осложненного предложения в типологии английских предложений

Еще одним неоднозначным вопросом английской грамматики является проблема классификации предложений и, в частности, места осложненного предложения в этой классификации. Традиционная грамматика предполагает деление предложений на два больших класса – простые и сложные. Осложненное предложение обладает характеристиками обоих типов: по формальным признакам (содержит одно грамматически выраженное подлежащее и одно сказуемое) оно относится к простым предложениям, но наличие двух и более предикативных линий, пусть и не полностью выраженных, обуславливает сходство глубинной структуры таких предложений со сложными предложениями. Такая

неоднозначность неизбежно ведет к существованию кардинально различающихся мнений, которые можно условно разделить на три подхода.

Согласно одному из подходов, осложненное предложение представляет собой простое предложение, содержащее дополнительные элементы, усложняющие его структуру [напр., Почепцов 1971]. Такой подход представлен в работах по теоретической грамматике англоязычных авторов (напр., Н. Sweet [Sweet 1930], R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik [Quirk 1973]). Осложняющие компоненты рассматриваются отдельно, но интерпретируются как часть простого предложения. В отечественной науке аналогичный подход отражен, например, в учебном пособии по теоретической грамматике И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой и Г.Г. Почепцова (раздел «Предложение», автор Г.Г. Почепцов). В пособии не рассматривается осложненное предложение как тип, вместо этого обсуждаются способы усложнения членов предложения [Почепцов 1981: 216–230]. Существенным недостатком первого подхода является то, что не все способы усложнения членов предложения образуют ВПС. Так, усложнение сказуемого глаголом с модальным значением не добавляет в предложение дополнительных предикативных линий. Усложнение же дополнения в связи с глаголами, обозначающими процессы умственной деятельности [Почепцов 1981: 225], образует «классическую» ВПС – сложное дополнение (Complex Object). Неоднородность классификации способов усложнения и отсутствие учета предикативных связей существенно ограничивают возможность рассмотрения ВПС как способов усложнения членов предложения. Однако отметим практическую ценность такого подхода: отнесение осложненных предложений к простым с последующим анализом усложняющих элементов широко представлено в пособиях по грамматике для изучающих английский язык [Блинова 2000; Голицынский 2018], а также в работах, посвященных формальному синтаксису. Например, А.Г. Швец (Петрова) в своем диссертационном исследовании рассматривает осложненное предложение как монопредикативную, но полипропозитивную конструкцию и останавливается на каждом усложняющем компоненте [Швец (Петрова) 2006].

Противоположной позиции придерживаются авторы, рассматривающие осложненное предложение как конструкцию, больше приближенную к сложному предложению по признаку наличия нескольких предикативных линий. Так, Р.Ж. Саурбаев определяет осложненное предложение как «полипредикативное предложение со слитным выражением предикативных линий» [Саурбаев 1998: 8]. Аналогичного мнения придерживается Е.А. Шипилова, рассматривая осложненное предложение как результат свертывания сложного предложения, в котором его полипредикативность сохраняется, но на языковом уровне выражается в конструкциях вторичной предикации [Шипилова 2007: 63–65]. В учебном пособии А.А. Ривлиной полипредикативность и семантическая близость осложненных предложений к сложным подчеркивается тем, что осложненные предложения рассматриваются в разделе «Сложное предложение» [Ривлина 2009]. Важность рассмотрения переходных, промежуточных структур в рамках исследования сложного предложения в немецком языке постулируется в трудах А.М. Поликарпова [напр., Поликарпов 2001; Поликарпов 2013]. Этот подход представляется более релевантным в русле современных тенденций антропоцентризма, так как основывается не на формальных признаках (наличие или отсутствие группы подлежащее – сказуемое), а на пропозициональном содержании предложения-высказывания.

И, наконец, существует третий подход к классификации, основанный на том, что осложненные предложения не вписываются в представления классической грамматики, и предлагающий выделить осложненные предложения как отдельный тип, наряду с простым и сложным. Наиболее подробно осложненное предложение с этой позиции рассматривается в работах М.Я. Блоха [Блох 1983; Блох 2004]. О промежуточном, «маргинальном» характере осложненных предложений упоминается также в трудах таких авторов, как А.А. Худяков [Худяков 2005], Т.Г. Николаева [Николаева 2008; Николаева 2019] и др.

Представив кратко все три подхода, отметим сильные и слабые стороны каждого из них в контексте нашего исследования. Первый подход, классифицирующий осложненные предложения как простые с усложнением

отдельных членов предложения, наименее подходит для решения поставленных перед нами задач. В первую очередь, это связано с тем, что понятие «усложнение» слишком размыто по значению и может включать в себя целый ряд разнородных структур, некоторые из которых не увеличивают количество предикативных линий в предложении. Иными словами, простые предложения с усложнением некоторого члена предложения могут быть как полипредикативными, так и монопредикативными. Кроме того, понятие «усложнение» имеет смысл только с точки зрения формального синтаксиса. На семантическом, коммуникативном и прагматическом уровнях такие «усложненные» члены предложения несут совершенно новые смыслы и интенции. С точки зрения анализа текста и дискурса рассмотрение осложненного предложения как простого также нецелесообразно, так как многими авторами [напр. Саурбаев 1998; Беклемешева 2011] уже отмечено несоответствие актуального членения осложненного предложения актуальному членению простого.

Итак, осложненное предложение не равно простому предложению со сложными членами предложения, потому что:

- а) в нем две и более предикативные линии;
- б) оно отражает семантически, коммуникативно и прагматически другую ситуацию (которую чаще всего можно разделить на две и более, репрезентируемые разными предикативными линиями);
- в) оно имеет иное актуальное членение, а значит и связь с другими элементами текста и дискурса.

Второй подход, предусматривающий рассмотрение осложненного предложения как полипредикативной структуры, аналогичной сложному предложению, образованной из сложного предложения путем свертывания (компрессии), является более приемлемым для нашего исследования. В рамках этого подхода на первый план выходят не внешние признаки (наличие только одного подлежащего и сказуемого), а внутренняя структура (наличие двух и более предикативных линий). Положительной особенностью также является учет

когнитивных механизмов речевой деятельности, таких как принцип языковой экономии и стратегия отбора наиболее значимой информации.

Однако, признавая несомненную роль осложненных предложений как средства компрессии, мы, вслед за М.Я. Блохом [Блох 1983: 340], позволим себе утверждать, что этот тип предложений имеет собственную семантическую функцию, которая не сводится к компрессии в ее упрощенном понимании (см. п. 1.6). Таким образом, в нашей работе осложненное предложение будет рассматриваться как полипредикативная структура, близкая к сложному предложению и являющаяся результатом его компрессии, но при этом имеющая свои собственные семантические и прагматические особенности. Далее вновь обратимся к работам М.Я. Блоха и приведем классификацию осложненных предложений.

По аналогии со сложными предложениями, автор разделяет осложненные предложения на осложненно-сочиненные (semi-compound) и осложненно-подчиненные (semi-complex). В свою очередь, осложненно-подчиненные предложения включают несколько подтипов:

- осложненно-подчиненное с общим подлежащим. Образуется путем слияния двух предложений, относящихся к одному субъекту: The man stood. + The man was silent. → The man stood silent;

- осложненно-подчиненное с общим дополнением. Образуется путем слияния двух предложений, в которых дополнение главного предложения совпадает с подлежащим зависимого. Семантически отражает одновременность действий, причинно-следственные связи, отношения или ментальные действия. They painted the fence. + The fence was (became) green. → They painted the fence green;

- осложненно-подчиненное с атрибутивным осложнением. Образуется путем слияния двух предложений, в которых подлежащее зависимого предложения совпадает с любым членом главного предложения. The waves sent out fine spray. + The waves rolled over the dam. → The waves rolling over the dam sent out fine spray;

- осложненно-подчиненное с адвербиальным осложнением. Образуется путем слияния двух предложений, одно из которых редуцируется и включается в

главное предложение в адвербиальной позиции. The windows were closed. + She did not hear the noise in the street. → The windows being closed, she did not hear the noise in the street;

- осложненно-подчиненное с номинативным осложнением. Образуется путем слияния двух предложений, одно из которых трансформируется в инфинитивную или герундиальную конструкцию и встраивается в главное предложение в позиции подлежащего или обстоятельства. It was unusual that he came so late. → For him to come so late was unusual [Блох 1983: 340–350].

Ценность приведенной классификации заключается в том, что в ее основе лежит способ слияния двух предложений, образующих одно осложненное. Данный способ описания дает возможность проследить и обратный процесс. Для каждого осложненного предложения можно выделить «исходные» предложения, слиянием которых оно было образовано.

Сопоставляя классификацию осложненных предложений с представленными ранее классификациями ВПС, можно отметить, что осложненно-подчиненные предложения с общим подлежащим, осложненно-подчиненные предложения с общим дополнением и осложненно-подчиненные предложения с атрибутивным осложнением содержат ВПС со свернутой и скрытой предикативностью; осложненно-подчиненные предложения с адвербиальным осложнением и осложненно-подчиненные предложения с номинативным осложнением содержат полупредикативные структуры (герундиальные и инфинитивные конструкции). Тем не менее, даже объединение нескольких существующих подходов к классификации ВПС и осложненных предложений с ВПС (например, М.Я. Блоха и Н.Н. Беклемешевой, которые не противоречат друг другу) не позволяет создать релевантную с точки зрения целей настоящей работы классификацию ВПС, характеризующую их функционирование в медицинском дискурсе.

Проиллюстрировать это можно, сравнив два примера, которые подробно будут рассмотрены в следующих параграфах работы (см. п. 2.1.1; 2.1.5):

a) *Limit initially and then gradually increase/adjust duration of staying in cold water, be prudent when starting to shiver, get out of the water, know your limits* [Manolis 2019].

б) *When performing a procedure, ensure the patient understands how to prevent contamination of equipment...* [Doyle 2015: 54].

Согласно любой из приведенных выше классификаций, выделенные ВПС (как и содержащие их осложненные предложения) будут определены в одну группу. Тем не менее, они репрезентируют разные темпоральные характеристики: в первом случае, неполную одновременность (см. п. 2.1.1), во втором случае – контактное предшествование (см. п. 2.1.5), и на этом основании могут быть отнесены к разным подтипам ВПС.

Для построения классификации, учитывающей не только формально-синтаксические и функциональные, но и когнитивно-дискурсивные характеристики ВПС, необходимо рассмотреть когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования смысла осложненного предложения-высказывания. Один из механизмов – концептуальная интеграция – уже обсуждался применительно к интеграции пропозиций, репрезентируемых ВПС и первично-предикативной структурой. В следующем параграфе мы обратимся к механизму компрессии, с которым часто связывают функционирование ВПС, в том числе, представим когнитивный подход к этому явлению.

1.5 Когнитивные механизмы компрессии в английском осложненном предложении

В ряде исследований, в том числе уже упомянутых выше (п. 1.2, 1.3), предложения, осложненные ВПС, рассматриваются как реализация механизма компрессии [напр., Гудухина 2020; Дьяконова 2024; Кармазина 1984; Маракушина 2008; Овчинникова 2006].

Термин «компрессия» (от лат. *compression* – сжатие) впервые начал употребляться в контексте передачи и кодирования информации и обозначал процесс сжатия звукового сигнала [Харкевич 1955]. Позже, с развитием технологий

и нарастанием объема и типов информации, нуждающейся в обработке, термин стал широко использоваться в самых различных областях от физики до современных компьютерных технологий. В лингвистике термин «компрессия» традиционно связывается с явлением экономии языковых средств.

Тенденция к экономии языковых средств имеет универсальный характер [напр., Занина 2008; Панченко 2016], иными словами, она проявляется во всех естественных языках и на всех уровнях языка. Исследователи называют эту тенденцию одной из движущих сил развития языка [напр., Пешковский 2001: 139]. По мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, язык подобен живому организму, который стремится экономить силы и не растрчивать их без нужды [Бодуэн де Куртенэ 1963: 226].

Термин «лингвистическая экономия» определяется О.С. Ахмановой как «стремление говорящего экономить усилия при пользовании речью как одна из причин изменения языка, в особенности фонетического изменения» [Ахманова 2004: 219]. О. Есперсен пользуется термином «экономия речи» по отношению к ситуациям, когда некоторые формальные показатели (например, показатели времени или числа) опускаются, если их можно восстановить из контекста [Есперсен 1958: 249–250]. По его мнению, разные языки характеризуются экономией в разной степени. В работах А. Мартине лингвистическая экономия рассматривается шире и включает в себя «все: и ликвидацию бесполезных, и новоявление новых различий, и сохранение существующего положения» [Мартине 1960: 130]. По мнению ученого, на всех уровнях языковой системы существует противоречие между потребностью выражения и речевыми усилиями, которые необходимо израсходовать. Количество усилий увеличивается с увеличением количества знаков, необходимых для выражения. Если знаков слишком много, речь неэкономна.

Принимая во внимание несколько формальный подход к рассмотрению экономии языковых средств в ее классическом определении, следует отметить, что отнесение такого сложного явления как компрессия к одному из способов реализации лингвистической экономии было бы весьма спорным. Тем не менее,

отношения между данными понятиями часто определяются как родовидовые: компрессия рассматривается как один из способов реализации принципа экономии [напр., Дюндик 1970; Ястреб 2006; Шокина 2009] или ее результат [напр., Примерова 1988; Панченко 2016].

Более релевантной с точки зрения современной научной парадигмы представляется позиция, согласно которой компрессия, особенно на уровне синтаксиса, не может сводиться только к экономии языковых средств. В первую очередь, в связи с тем, что экономия языковых средств чаще всего наблюдается в речи (эллипсис) [напр., Грудева 2008: 4], а не в языке. В языке же тенденция к экономии обуславливает процесс исторического развития, но никак не может объяснять функционирование структур, уже в нем заложенных. Выбор грамматической структуры для языковой репрезентации концептуального содержания представляет собой когнитивный процесс, и механизмы, его регулирующие, более многоаспектны, чем просто количественное сжатие.

Для того, чтобы определить, что представляет собой компрессия в грамматических структурах (таких как ВПС), следует рассмотреть другие подходы к этому явлению. Так, представитель пражской лингвистической школы J. Vachek в своей работе, опубликованной в 1955 году, использовал термин «комплексная конденсация» («complex condensation»), введенный В. Матезиусом. Под этим термином понималась замена придаточного предложения (там, где оно было бы неизбежно) номинальным элементом или фразой [Vachek 1955]. По своей сути это явление представляет собой компрессию, которая объясняется внутриязыковыми тенденциями: снижением «динамичности» личных глаголов в английском языке и одновременным возрастанием роли конденсаторов (неличных глаголов). Происходит сближение смысла придаточных предложений, центром которых является личный глагол, и конструкций с неличными глаголами, благодаря которому становится возможной замена первых вторыми (конденсация). Безусловно, в основе этого явления изначально могла лежать тенденция к экономии языковых средств, но сама возможность функционирования таких конструкций без потери смысла объясняет регулярность и нормативность их употребления.

Идея о том, что компрессия обусловлена не столько экономией языковых средств, сколько естественной, зафиксированной в языке когнитивной возможностью различной репрезентации одной и той же концептуальной структуры (пропозиции), лежит в основе понимания компрессии грамматических структур как реализации **синтаксической** (пропозициональной, концептуальной) **метонимии** [напр., Падучева 2003; Раевская 2000; Barcelona 2002]. Концептуальная метонимия определяется как «использование одного концепта для описания другого концепта в пределах одной концептуальной области» [Болдырев 2021: 40].

Для того, чтобы в процессе концептуальной интеграции (см. п. 1.1.3) одна из концептуальных структур (в данном случае, пропозиций) получила возможность метонимической репрезентации с помощью другой концептуальной структуры, должно осуществиться их максимальное сближение [Turner 2003].

Иными словами, ВПС в осложненном предложении репрезентирует пропозицию, эксплицируя только часть ее элементов, но эта часть достаточна для полноценного функционирования в качестве целого. Остальные элементы либо проецируются в интегрированное пространство из пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, либо образуются заново в процессе концептуальной интеграции как новые смыслы, либо не нуждаются в экспликации, так как являются прототипичными элементами дискурса, в рамках которого создается предложение-высказывание. Таким образом, в настоящей работе английское осложненное предложение рассматривается как результат компрессии, в основе которой лежит синтаксическая метонимия.

Компрессия в английском осложненном предложении осуществляется не в виде механического «свертывания» придаточной части, а в ходе сложного процесса концептуальной интеграции, благодаря которому одна из ситуаций внутри комплексного события (макрособытия по L. Talmy [Talmy 2000]) получает возможность метонимической репрезентации с помощью ВПС.

Рассматривая когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования смысла осложненных предложений с ВПС, следует также остановиться на таких

понятиях, как фигуρο-фоноевое восприятие действительности [напр., Talmy 2000; Talmy 2007] и концепция градиентности [напр., Aarts 2004].

Термины «фигура» и «фон» в психологии используются для описания перцептивной связи между объектом фокусирования (фигурой) и остальной частью перцептивного поля (фоном) [Оксфордский толковый словарь по психологии]. По определению L. Talmy, макрособытие (см. п. 1.1.3) представляет собой комплекс взаимосвязанных событий, организованный по **фигуро-фоновому принципу** [Talmy 2000: 213]. Фигуро-фоновый принцип обеспечивает фокусировку внимания на определенной части ситуации внеязыковой действительности. Соответственно, одна и та же ситуация может получать разную языковую репрезентацию в зависимости от того, какая ее часть мыслится как фигура, а какая как фон. Фигуро-фоновый принцип является одним из возможных когнитивных оснований выбора осложненного предложения для презентации пропозиций (см. п. 2.7). Как отмечает Н.А. Голубева, грамматические структуры выполняют важную интерпретирующую функцию, позволяя говорящему при помощи механизмов выбора перспективы, фокусирования и др. представить ситуацию в выгодном для целей коммуникации ракурсе [Голубева 2021: 269]. Аналогичным образом, выбор между развернутым придаточным предложением и компрессированной ВПС (например, *when comparing* и *when we compare*) позволяет автору медицинского текста вывести на первый план (сделать фигурой) одну ситуацию и перевести в статус фона (свернутой пропозиции) другую. Кроме того, благодаря фигуρο-фоновому принципу, осложненные предложения с ВПС выполняют дополнительные функции, например, реализуют когнитивную стратегию акцентуализации (см. п. 1.6.2).

Концепция **градиентности** связана с формированием лингвистических категорий. Согласно обозначенной концепции, элементы внутри одной категории располагаются по принципу ядра и периферии в зависимости от интенсивности репрезентации свойств, присущих данной категории (внутрикатегориальная градиентность). Элементы, находящиеся ближе к периферии, могут обладать свойствами, позволяющими одновременно отнести их к другим категориям

(межкатегориальная градиентность) [Aarts 2004]. В соответствии с концепцией градиентности могут быть описаны ВПС, которые репрезентируют пропозиции, выступающие одновременно в роли разных актантов в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой (напр., см. п. 2.6.3). Кроме того, в современной грамматике использование периферийных синтаксических структур рассматривается как выражение когнитивных способностей человека [Голубева 2018: 493], что обосновывает необходимость выявления когнитивных оснований их выбора для репрезентации пропозиции (см. п. 2.7).

Помимо когнитивных механизмов, формирование смысла осложненного предложения-высказывания с ВПС связано с характеристиками дискурса, в котором они функционируют. В качестве одного из аспектов, обуславливающих характер концептуальной интеграции пропозиций, репрезентируемых ВПС, и пропозиций, репрезентируемых первично-предикативными структурами, далее будет рассмотрен хронотоп как один из ключевых параметров медицинского дискурса.

1.6 Медицинский дискурс как институциональный дискурс

Рассмотрение грамматических явлений, в частности ВПС, невозможно в отрыве от единиц высшего порядка, таких как текст и дискурс. В современной науке, со второй половины XX века развивающейся в русле антропоцентризма [напр., Воркачев 2001: 14–15; Карасик 2002б: 4; Кубрякова 1995: 136], в фокусе внимания оказывается, по Э. Бенвенисту, «отражение человека в языке» [Бенвенист 2002: 18], т.е. субъект, его речь и прагматические установки. Исходя из этого, релевантным для нашего исследования является рассмотрение ВПС с позиции когнитивно-дискурсивной парадигмы [см. труды по когнитивно-дискурсивному подходу к рассмотрению языковых явлений, напр., Болдырев 2001; Демьянков 2007; Ирисханова 2022; Кобрина 2009; Кубрякова 2000; Худяков 2005]. Актуальность исследований грамматики во взаимосвязи с дискурсом подтверждается возрастающим количеством и разнообразием подобных работ, особенно, за последние 5 лет. Так, в трудах О.В. Байковой, В.М. Бухарова и

соавторов с 2023 года рассматриваются синтаксические характеристики структуры немецких фронтовых текстов, которые лежат в основе выделения особой разновидности фронтового дискурса [Байкова 2023: 4108]. В зарубежной публикации 2026 года «Complex Predicate Structures in Institutional Digital Discourse: A Morphosyntactic Analysis» [Dimangadap 2026] обосновывается влияние особенностей институционального дискурса социальных сетей учебного заведения на преобладание определенных типов сложных предикатов в письменных текстах, относящихся к данному дискурсу. В статье 2025 года «Синтаксические клише в англоязычных интернет-мемах» [Левочкин 2025] анализируются устойчивые синтаксические конструкции, характерные для американского и британского интернет-дискурса на материале мемов. Особенно интересной в контексте нашего исследования представляется статья 2025 года «Morphological complexity of Russian and English medical news articles» [Al-lami 2025], где в фокусе внимания находятся номинативные и глагольные конструкции в англоязычных и русскоязычных медицинских новостных статьях, и анализируется уровень их морфологической сложности. Таким образом, в современной лингвистике уже достаточно устойчиво закрепилось понимание грамматики как репертуара конструкций, которые, тем не менее, усваиваются, воспроизводятся и модифицируются только в процессе дискурсивной деятельности.

В нашей работе в первую очередь следует обратить внимание на сложность и многоаспектность понятия «дискурс». Исторически сложились различные подходы к его определению, от «социального конструирования реальности» М. Фуко [Foucault 1977: 138] до «социокультурного взаимодействия, характерные черты которого интересы, цели, стили» Т.А. ван Дейка [ван Дейк 1989: 8]. Широко известен подход Н.Д. Арутюновой, которая определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их

сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136–137] или, по активно цитируемому определению, «речь, погруженную в жизнь» [там же].

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода социальная природа дискурса, его событийность и взаимосвязь с экстралингвистическими факторами, постулированные представителями функционального и коммуникативного подходов, получает иную интерпретацию: дискурс, будучи по своей сути явлением когнитивным, имеет дело «с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова 2000: 12]. Именно знание лежит в основе дискурсивной деятельности. Грамматическая организация дискурса, в том числе выбор осложненных предложений с ВПС, исследуемых в нашей работе, для репрезентации пропозиций, отражает когнитивную обработку и структурирование знаний, а также интеграцию имеющихся знаний для получения нового знания.

Представляется необходимым также определить релевантную для нашей работы позицию относительно соотношения между понятиями «текст» и «дискурс». В первую очередь следует отметить, что для исследования медицинского (как и любого профессионального) дискурса важными являются характеристики, приведенные выше: соотнесенность с экстралингвистическими факторами, социальный характер, событийность, когнитивный характер. Текст представляет собой статический объект, результат дискурсивной деятельности [Демьянков 2007; Кибрик 2003, Кубрякова 2004]. При этом, как отмечает А.А. Кибрик, предпочтительнее не противопоставлять динамический объект «дискурс» и статический – «текст», а рассматривать дискурс как двукомпонентное явление – процесс и результат, т.е. текст [Кибрик 2003: 10]. И текст, и дискурс могут существовать как в устной, так и в письменной форме, что позволяет нам исследовать ВПС в письменных жанрах медицинского дискурса.

При анализе специфики медицинского дискурса исследователи обращают особое внимание на его неоднородность, проявляющуюся как на уровне входящих в его состав форматов и жанров, так и на уровне фоновых знаний потенциальных коммуникантов [Крюкова 2023: 186]. Данное наблюдение подтверждает

необходимость учета жанрового разнообразия (медицинские статьи, учебные пособия, инструкции, описания клинических случаев) при отборе материала для анализа ВПС в англоязычном медицинском дискурсе.

В настоящем параграфе будут рассмотрены характеристики медицинского дискурса как институционального дискурса согласно модели описания, предложенной В.И. Карасиком [Карасик 2000; Карасик 2002б] и впоследствии дополненной в диссертационных исследованиях Э.В. Акаевой [Акаева 2007], М.И. Барсуковой [Барсукова 2007], Л.С. Бейлинсон [Бейлинсон 2001], Н.В. Гончаренко [Гончаренко 2007] и других исследователей.

Под ключевыми характеристиками медицинского дискурса понимаются статусно-ролевые характеристики участников, хронотоп, цели, ценности, когнитивные стратегии [напр., Алексеева 2002; Кобозева 2010; Линник 2021; Соколова 2025; Хомутова 2015], а также прототипичные жанры медицинского дискурса [напр., Косицкая 2017; Косицкая 2018].

Начнем рассмотрение характеристик медицинского дискурса с анализа статусно-ролевых характеристик участников.

1.6.1 Статусно-ролевые характеристики участников медицинского дискурса

К участникам медицинского дискурса, в зависимости от целей исследования, могут относиться довольно разнородные группы. Так, Ф. Л. Косицкая и М. В. Матюхина считают, что участниками медицинского дискурса в качестве адресантов являются врачи, медсестры, фармацевты, а в качестве адресатов – пациент, его родственники, близкие друзья, знакомые [Косицкая 2017: 45]. Однако последние две (а иногда и три) указанные группы адресатов могут никогда не вступать в прямую коммуникацию с адресантами (за исключением близких родственников несовершеннолетнего или тяжелобольного пациента), а объем опосредованной коммуникации может быть настолько незначителен (например, просмотрное чтение рецепта на препарат, чтобы приобрести его в аптеке по просьбе пациента), что трудно отметить какое-либо их влияние на развитие прототипичных ситуаций в медицинском дискурсе.

Тем не менее, отказ признавать родственников, друзей и знакомых пациента полноправными участниками медицинского дискурса не означает, что соответствующие роли должны быть исключены из рассмотрения. Принимая во внимание прототипический принцип построения лингвистических категорий [напр., Болдырев 2002; Болдырев 2016а], в том числе дискурсивных категорий, на наш взгляд, следует выделять ключевых, прототипичных участников медицинского дискурса (врач и пациент) [напр., Акаева 2007: 4; Жура 2007: 59; Карымшакова 2016: 3; Jones 2015: 843] и, двигаясь к периферии, затрагивать других вовлеченных. Среди них, безусловно, могут оказаться и те, кто напрямую связан с ключевыми участниками, и те, кто взаимодействует с ними косвенным образом (например, читатели медицинской литературы и просто интересующиеся медициной люди).

Итак, наиболее прототипичным **адресантом** медицинского дискурса является врач [напр., Барсукова 2007: 7; Жура 2008: 12; Aronsson 1987: 1; Gray 1984: 34] как представитель социального института и профессионального сообщества. Авторитет врача в медицинском дискурсе непререкаем: именно он берет на себя ответственность за эффективность взаимодействия всех участников, и как следствие – за эффективность лечения. Отмечается символичность и сакральность профессии врача [напр., Бейлинсон 2001: 7; Карасик 2002б: 239, Шуравина 2013: 67], а также высокая степень суггестивности [напр., Гончаренко 2007; Кочеткова 2018: 467], так как врачу необходимо убедить пациента в необходимости лечения, сформировать у него установку на выздоровление, помочь преодолеть страхи и сомнения.

Наиболее прототипичным **адресатом** медицинского дискурса является пациент [напр., Акаева 2007: 4; Jones 2015: 849]. Он (как правило), в отличие от врача, не обладает обширными знаниями и опытом в медицинской сфере, но от его ответственности, готовности выполнять рекомендации врача, настроя на выздоровление также зависит успех лечения. Одной из значимых характеристик пациента как участника медицинского дискурса является то, что он находится не только в позиции менее компетентного, но и в позиции испытывающего

дискомфорт (физическую боль, неопределенность, отсутствие информации). В монографии исследователей из Ланкастерского университета «Applying Corpus Linguistics to Illness and Healthcare» приведены наиболее частотные лексические репрезентации болезни (на примере рака) и тревоги, которые отражают состояние данной группы участников медицинского дискурса: война, атака (anxiety attack, battle, fight), страдание (sufferer, struggle), разрушение (destroy; shatter) [Semino 2025: 137–146]. Таким образом, пациент постоянно находится в состоянии борьбы, испытывает страдание, его жизнь может быть как спасена, так и разрушена болезнью, и он как никто другой нуждается в своевременном предоставлении информации на понятном для него языке.

Роли врача и пациента могут быть по-разному концептуализированы в зависимости от ряда факторов. Например, установлено, что в русском медицинском дискурсе преобладает патерналистская когнитивная модель, а в американском – партнерская [Куприянова 2025: 185]. Несмотря на эти различия, ключевое значение этих двух прототипичных участников остается неизменным и находит отражение в актантной структуре прототипичных пропозиций (см. п. 2.7) и способах их интеграции (см. п. 2.1, 2.2, 2.3).

Помимо врача, **адресантом** медицинского дискурса может являться медицинский работник как представитель более широкой профессиональной группы (представитель среднего медицинского персонала, работник учреждения здравоохранения и др.). В отличие от врача – носителя сакрального знания, авторитета и ответственности за жизнь и здоровье пациента, – медицинский работник воспринимается как часть команды, специалист, на которого возложена определенная функция (уход за пациентом, выполнение определенных процедур, прием и распределение вызовов и др.).

Еще одним **адресантом** в медицинском дискурсе является исследователь, которым может являться то же лицо, что и врач или медицинский работник, либо отличный от них субъект. В отличие от цели врача или медицинского работника – вылечить пациента, – исследователь преследует цель установления истины [напр., Линник 2021: 7] и трансляции этой истины другим участникам.

Адресатом медицинского дискурса, как уже упоминалось ранее, помимо пациента, может выступать представитель круга общения пациента (родственник, друг), так или иначе вовлеченный в ситуацию, а также читатель медицинской статьи, студент-медик, преподаватель медицинского учреждения. На периферии категории также находятся представители других социальных институтов – педагоги, социальные работники, волонтеры, спасатели, криминалисты, сотрудники правопорядка и другие специалисты, которым хотя бы иногда приходится иметь дело с жизнью и здоровьем людей.

Таким образом, участниками медицинского дискурса являются как прототипичные, так и непрототипичные участники. Прототипичные участники медицинского дискурса определяют наиболее частотный лексический состав ВПС (см. п. 2.7). При этом, для ВПС, репрезентирующих разные виды ситуаций, будет характерен разный набор актантов (см. п. 2.1–2.6).

1.6.2 Цели, ценности и когнитивные стратегии медицинского дискурса

Специфика **цели и ценностей** медицинского дискурса определяется тем, что ключевым концептом для медицинского дискурса является концепт **ЗДОРОВЬЕ** [Косицкая 2017: 44]. По мнению Н.В. Гончаренко, цель медицинского дискурса – оказание помощи заболевшему человеку [Гончарова 2007: 3]. М.И. Барсукова придерживается близкого определения, уточняя, что помощь должна быть квалифицированной [Барсукова 2007: 8]. А. Ю. Соколова дополняет формулировку цели в виде оказания медицинской помощи пунктом об обеспечении физического и психического благополучия [Соколова 2025: 27]. Ф. Л. Косицкая и М. В. Матюхина выделяют несколько целей медицинского дискурса, среди которых, помимо оказания помощи пациенту, постановка правильного диагноза, рекомендация определенных методов лечения заболевания и проведение лечения [Косицкая 2017: 45]. На наш взгляд, наиболее универсальной формулировкой **цели** медицинского дискурса, максимально охватывающей его жанры (см. п. 2.2) и отражающей когнитивный подход к дискурсу, является создание нового медицинского знания, оперирование медицинскими знаниями и их передача.

Ценности медицинского дискурса также соотносятся с ключевым концептом ЗДОРОВЬЕ, которое само по себе и представляет одну из главных ценностей медицинского дискурса [напр., Бейлинсон 2001: 3; Карасик 2002б: 240; Мишланова 2002: 93–94]. В качестве других ценностей медицинского дискурса и англоязычного медицинского дискурса в частности, исследователи выделяют жизнь [напр., Карасик 2002б: 3], тело [напр., Косицкая 2017: 45], душу [напр., Косицкая 2017: 45], уважение [напр., Жура 2008: 7], правду / истину [напр., Жура 2008: 7; Линник 2021: 5], научную дискуссию [напр., Линник 2021: 5] и другие.

Механизм концептуальной интеграции пропозиций, репрезентируемых ВПС и первично-предикативной структурой, позволяет проецировать в интегрированное пространство те их элементы, которые соответствуют цели и ценностям медицинского дискурса, профилировать («высвечивать») их и тем самым реализовывать стратегию акцентуализации (см. далее в п. 1.6.2).

Репрезентация цели и трансляция ценностей медицинского дискурса посредством ВПС, помимо прочего, задает предел их компрессии, т.е. минимальный набор элементов, способный к метонимической репрезентации целой пропозиции. Например, даже при максимальном сжатии в формальной структуре конструкции остаются прецизионная информация (ценность правды / истины):

The World Health Organization (WHO) reports a 300% rise in the global average of measles cases in 2019, with a 100% rise observed in the Eastern Mediterranean Region (EMR) alone [Zmerli 2020],

репрезентации психологических и физических состояний (ценность души и ценность тела):

*The patient should be fully exposed, **maintaining dignity**, and examined for any other possible causes of critical illness **while avoiding hypothermia** [Brown 2019: 1]*

указания на необходимость оказания помощи (ценность здоровья и жизни):

*Examples of unprofessional conduct include: a) practice that fails to meet accepted standards; b) the abandonment of a patient in danger **without first ensuring that the patient has obtained alternative medical or nursing services** [Exner-Pirot 2018: 392]*

и другие ключевые элементы, связанные с целью и ценностями медицинского дискурса.

Переходя к **когнитивным стратегиям**, следует отметить, что, как и само понятие «дискурс», понятие «когнитивная стратегия» в исследованиях дискурса не является однозначно определенным. Некоторые исследователи определяют когнитивные стратегии как знания о процессах познания [напр., ван Дейк 1996], другие авторы научных работ связывают их с речевым поведением [напр., Bever 1970] или со способом получения информации [напр., Брунер 1977]. Такие стратегии, как обобщение, уточнение, повторение или добавление нового, сочетают когнитивные функции с межличностными [напр., Демьянков 1986]. В нашей работе мы будем придерживаться определения, предложенного Д.Н. Павловым на основе обобщения различных подходов: «когнитивная стратегия – закономерности выбора способов решения задач познания для достижения определенных целей» [Павлов 2006: 63].

Применительно к медицинскому дискурсу, когнитивные стратегии рассмотрены в работе Л.А. Линник, в которой построена иерархическая классификация по интенсивности их актуализации в тексте аннотаций к англоязычным медицинским статьям: приоритетные, центральные (информирование, сравнение), промежуточные (моделирование субъекта, обобщение), периферийные (оценка, акцентуализация, объективация, убеждение) [Линник 2021: 10].

А.Г. Самарина и О.Д. Проскурнич, также на материале медицинского дискурса, рассматривают стратегии эвфемизации и конкретизации как когнитивные механизмы формирования бесконфликтности [Самарина 2023]. В нашем исследовании функционирование ВПС в медицинском дискурсе соотносится с реализацией следующих когнитивных стратегий:

- **сравнение** – стратегия, частотная в исследуемом материале, особенно в текстах жанра «медицинская статья». Это наблюдение соотносится с использованием сравнения как общенаучного метода исследования и с ценностью медицинской дискуссии как ценностью медицинского дискурса. В анализируемом

нами корпусе вторичный предикат, выраженный причастием I *comparing* (сравнивать), является одним из самых частотных (см. п. 2.7) и моделирует прототипичную ситуацию «исследуемый объект сравнивается со стандартным объектом»;

- **оценка** – также является одной из прототипичных ситуаций, смоделированных в ходе анализа корпуса английских осложненных предложений с ВПС. Следует оговориться, что речь не идет об оценке, передающей авторское отношение или об оценке самого явления, которые характерны для текстов СМИ и являются, в том числе, инструментом их жанровой дифференциации [напр., Коломиец 2025]. Оценка в медицинском дискурсе соотносится, прежде всего, с ценностями медицинского дискурса (полезно ли для выздоровления пациента; правдиво ли с точки зрения доказательной медицины, соответствует ли ожидаемому результату и т.д.) и применяется либо по отношению к прототипичной ситуации в целом, либо по отношению к конкретному участнику ситуации. В качестве частотных выявлены вторичные предикаты *assessing* и *measuring*. Смоделированная ситуация – «оценщик дает оценку объекту» (см. п. 2.7);

- **акцентуализация** представляет собой важный элемент **управления пониманием**, особенно в сферах с большими информационными потоками, таких как медицина. Применяя стратегию акцентуализации, адресант обращает внимание адресата на ключевую информацию, что помогает адресанту удержать внимание адресата и предотвратить неверные интерпретации. Механизмы концептуальной интеграции и синтаксической метонимии позволяют реализовывать данную стратегию во всех осложненных предложениях с ВПС, но анализ корпуса показал, что наибольшее значение акцентуализация имеет в формировании смысла ВПС как кондиционального актанта «профилируемая возможность» (см. п. 2.2) и ВПС как перспективизации объекта (см. п. 2.6);

- **объективация** направлена на представление суждения, выдвинутого автором, как объективного, демонстрацию его компетентности и принадлежности высказывания «общенаучному медицинскому дискурсивному пространству» [Линник 2021: 80]. В исследуемом материале реализация стратегии объективации

отмечена в ВПС как атрибутах, особенно функционирующих в составе уточнительной конструкции (см. п. 1.3.1; 2.4).

Переходя к рассмотрению следующего ключевого параметра – хронотопа медицинского дискурса – следует подчеркнуть, что вышеприведенные статусно-ролевые характеристики, цели, ценности и когнитивные стратегии медицинского дискурса, хоть и важны для интерпретации и классификации ВПС, но в большей степени, определяют их лексический состав. Хронотоп же, напротив, напрямую связан с грамматическим оформлением конструкции. Таким образом, именно репрезентация хронотопа в медицинском дискурсе положена нами в основу классификации ВПС [Пак 2024], так как отражает характер концептуальной интеграции пропозиций.

1.6.3 Хронотоп медицинского дискурса

Хронотоп в институциональном дискурсе определяется исследователями [напр., Карасик 2002б: 239; Бейлинсон 2001: 8] как единство места и времени.

Языковым средствам репрезентации темпоральных отношений посвящен целый ряд научных трудов [напр., Боднарук 2019; Нильсен 2015; Кострова 2023, Лутфуллина 2024; Тананыхина 2023; Храковский 2009]. Результаты исследований на материале других типов дискурса (например, художественного) демонстрируют, что пространственно-временной континуум конструируется в тексте посредством широкого спектра лексико-грамматических средств: от видовременных форм глагола, формирующих темпоральное поле, до лексико-тематических групп, участвующих в концептуальном моделировании пространства [Тырыгина 2022: 22–23]. Это позволяет нам выдвинуть предположение о том, что ВПС, сочетая в себе грамматические (неличные формы глагола) и лексические (семантика вторичного предиката) характеристики, являются эффективным средством репрезентации хронотопа в медицинском дискурсе.

Рассмотрим характеристики времени, которые будут использованы нами для описания ВПС как репрезентации хронотопа медицинского дискурса.

Как уже было отмечено ранее (см. п. 1.1.3), пропозиция, репрезентируемая ВПС, может функционировать как темпоральный локатив «относительное время» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Отношения между ситуациями, при которых одна из них хронологически соотносится с другой, определяются как таксисные (термин введен Р.О. Якобсоном). Выделяются такие таксисные отношения, как одновременность, предшествование и следование [напр., Храковский 2009; Thompson 2007].

Одновременность подразумевает отношения, при которых ситуация, выражаемая (репрезентируемая) синтаксически зависимой конструкцией, существует одновременно с ситуацией, выражаемой синтаксически независимой конструкцией (кореференция [Лутфуллина 2024: 103]). Одновременность подразделяется на полную одновременность и неполную одновременность.

Полная одновременность – ситуации занимают один и тот же временной период; **неполная одновременность** – одна из ситуаций локализуется в рамках временного периода, занимаемого другой ситуацией, но не занимает его полностью.

В случае **предшествования** [Ли 2025: 422] ситуация, выражаемая синтаксически зависимой конструкцией, хронологически ориентирована относительно следующей за ней ситуации, выражаемой синтаксически независимой конструкцией. Предшествование подразделяется на прерываемое предшествование (не будет рассматриваться далее в работе в связи с отсутствием примеров в собранном корпусе), контактное предшествование и дистантное предшествование.

Прерываемое предшествование реализуется, когда ситуация, выражаемая синтаксически независимой конструкцией, следует за ситуацией, выражаемой синтаксически зависимой конструкцией, прерывая ее.

Контактное предшествование – ситуация, выражаемая синтаксически независимой конструкцией, следует непосредственно за ситуацией, выражаемой синтаксически зависимой конструкцией, после ее естественного завершения.

Дистантное предшествование – ситуация, выражаемая синтаксически независимой конструкцией, следует за ситуацией, выражаемой синтаксически зависимой конструкцией, через какой-либо интервал после ее естественного завершения.

И наконец, в случае **следования**, ситуация, выражаемая синтаксически зависимой конструкцией, хронологически ориентирована относительно предшествующей ей ситуации, выражаемой синтаксически независимой конструкцией. Аналогично предшествованию, следование подразделяется на прерывающее (не будет рассматриваться далее в работе в связи с отсутствием примеров в собранном корпусе), контактное и дистантное.

Прерывающее следование реализуется, когда ситуация, выражаемая синтаксически зависимой конструкцией, следует за ситуацией, выражаемой синтаксически независимой конструкцией, прерывая ее.

Контактное следование – ситуация, выражаемая синтаксически зависимой конструкцией, следует непосредственно за ситуацией, выражаемой синтаксически независимой конструкцией, после ее естественного завершения.

Дистантное следование – ситуация, выражаемая синтаксически зависимой конструкцией, следует за ситуацией, выражаемой синтаксически независимой конструкцией, через какой-либо интервал после ее естественного завершения [Храковский 2009: 29–33].

Следует отметить, что в цитируемой работе В.С. Храковского зависимость / независимость соотносится непосредственно с глаголом и его формой. В нашем исследовании мы, используя приведенную классификацию применительно к осложненным предложениям с ВПС, будем считать синтаксически зависимыми конструкциями все ВПС, даже если вторичный предикат не выражен глаголом, а синтаксически независимыми – первично-предикативные структуры.

Еще одной темпоральной характеристикой, которая легла в основу описания ВПС как репрезентации хронотопа в медицинском дискурсе в настоящей работе, является кратность возникновения ситуаций. По нашему мнению, эта

характеристика связана с динамичным восприятием времени (напр., линейная и циклическая темпериодинамичные модели [Нильсен 2015]).

Каждая ситуация мыслится либо как возникшая единожды на временной шкале (**однократность**) либо как возникающая (реально или потенциально) с определенной периодичностью (**неоднократность**) во временном цикле. При этом, в ситуациях, которые могут возникать неоднократно, отношения между ситуацией, репрезентируемой ВПС, и ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой, могут быть:

симметричными – всякий раз, когда возникает ситуация, репрезентируемая ВПС, возникает и ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, и наоборот, когда ситуация, репрезентируемая ВПС, не возникает, ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, меняется на противоположную;

асимметричными – если ситуация, репрезентируемая ВПС, не возникает, ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, может существовать и без нее.

И наконец, ситуации могут быть настолько глубоко интегрированы, что хронотоп ВПС невозможно определить в отрыве от первично-предикативной структуры. В этом случае в качестве его характеристики можно выделить **неотделимость**, подразумевая, что все характеристики хронотопа попадают в интегрированное пространство из пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой.

В медицинском дискурсе время имеет особую важность: передавать информацию и осуществлять все действия необходимо «здесь и сейчас» [напр., Карымшакова 2016], от скорости действий может зависеть здоровье и жизнь человека. На грамматическом уровне это проявляется в преобладании настоящего времени, использовании однородных сказуемых, передающих последовательность действий [напр., Косицкая 2017], а также, что наиболее важно в контексте нашего исследования, в использовании грамматических средств выражения концептуальной интеграции ситуаций. Именно специфика актуализации хронотопа

в интегрированной структуре смысла осложненного предложения-высказывания с ВПС позволяет локализовать ситуации относительно друг друга во времени.

С точки зрения пространственной локализации прототипичным для медицинского дискурса местом считается кабинет врача или больничная палата [напр., Гончаренко 2007: 2; Кочеткова 2018; Ainsworth-Vaughn 2001]. Тем не менее, с развитием технологий (например, телемедицины, дистанционных образовательных технологий и т.п.) стираются границы между прототипичным и непрототипичным местом: врач может вести консультацию, находясь у себя дома, студент-медик – обучаться на онлайн-курсах, читатель – знакомиться со статьей с экрана компьютера или мобильного устройства.

Локализация ситуаций, репрезентируемых ВПС и первично-предикативной структурой, в пространстве также является компонентом интегрированного смысла осложненного предложения-высказывания с ВПС. Эксплицитно она выражается путем включения локатива в актантную структуру пропозиции, репрезентируемой ВПС, например:

*Ware and Kleinman illustrated this point **when comparing chronic fatigue syndrome (CFS) sufferers in America** with Chinese neurasthenia patients [McLlvenny 2000: 20]*

или первично-предикативной структурой, например:

In small communities in the north, when looking for other professionals with whom to share in delivery of health care services, often the only other professionals present in the community are teachers and police officers [Exner-Pirot 2018: 370].

Регламентированность медицинского дискурса открывает возможность имплицитного выражения локализации ситуаций. Например, в следующем предложении-высказывании локализация в пространстве заложена в понятии *follow-up*:

***When seen at the last follow-up 2 months ago, our patient was in complete remission, with no evidence of tumor recurrence on CT and echocardiography** [Xu 2013].*

Так как контрольный осмотр после курса лечения является стандартной процедурой (прототипичной ситуацией), она задает прототипичное место – у того

же врача/ в том же медицинском учреждении, в котором пациент проходил лечение. Также следует отметить, что при отношениях полной одновременности и, тем более, неотделимости хронотопа, ситуации сближаются, в том числе и пространственно. Отношения же дистантного предшествования и дистантного следования, при которых ситуации наиболее удалены друг от друга по времени, в большинстве случаев предполагают и разное место действия (см. примеры в п. 2.1.1–2.1.6).

1.6.4 Письменные жанры медицинского дискурса

Жанровая палитра медицинского дискурса разнообразна, и охватывает как устные, так и письменные жанры. Ряд российских и зарубежных исследований посвящены устному дискурсу – общению врача и пациента [напр., Акаева 2007; Барсукова 2007; Бейлинсон 2000; Жура 2008; Карымшакова 2016; Aronsson 1987; Gray 1984]. Для нашего исследования релевантным материалом являются тексты, относящиеся к письменному медицинскому дискурсу. Это обусловлено тем, что 1) для исследования выбирались наиболее институциональные, кодифицированные жанры с целью избежать влияния индивидуальных особенностей автора и смещения стилей и 2) в письменном медицинском дискурсе, как показывает материал исследования, значимость грамматической структуры предложения с точки зрения репрезентации ситуации выше, чем в устном, так как отсутствует возможность невербальной передачи информации (интонация, мимика, жесты и т.п.).

К письменному медицинскому дискурсу относятся **жанры собственно-врачебного медицинского дискурса** [напр., Бейлинсон 2001; Косицкая 2017]): карта анамнеза (амбулаторная карта), справка объективной медицинской экспертизы, рецепт, медицинская справка (больничный лист), карта медицинского страхования, протокол операции, выписка пациента (эпикриз) [Жура 2025: 36], заключение скорой помощи, прививочная карта и др.; **жанры научно-медицинского дискурса**: монография, лекция, текст выступлений на конференциях и семинарах, научная статья, научный обзор, справочник, реферат,

диссертация, аннотация, рецензия, благодарность [напр., Косицкая 2017; Линник 2021]; **жанры академического (научно-учебного) медицинского дискурса:** учебник, учебное пособие, курс лекций, презентация, дипломная работа, реферат и др.; **жанры законодательного (юридического) медицинского дискурса:** закон о здравоохранении, лицензия, патент [напр., Косицкая 2017] и др.

Кроме перечисленных жанров, можно выделить и другие (например, научно-популярные медицинские статьи [Василенко 2023: 694], медицинские рекламные брошюры и т.п.), находящиеся на пересечении медицинского дискурса с другими дискурсами. Сразу следует отметить, что тексты таких жанров не включены в материал исследования, так как грамматически они ближе к другим дискурсам (рекламному, публицистическому и др.), чем к исследуемому медицинскому. Ввиду конфиденциальности медицинской информации, в исследуемом материале практически отсутствуют также тексты, относящиеся к собственно-врачебному медицинскому дискурсу, но отдельные элементы историй болезни представлены в опубликованных описаниях клинических случаев и кейсах для обучения студентов.

Таким образом, материал исследования (корпус предложений с ВПС) собран методом сплошной выборки из текстов следующих жанров англоязычного медицинского дискурса: медицинская статья (аналитическая, обзорная), медицинское учебное пособие, медицинская инструкция (к медицинским препаратам и к медицинскому оборудованию), описание клинического случая/кейс.

Медицинская статья относится к жанрам научно-медицинского дискурса. Обезличенность [напр., Иваницкая 2016: 68; Livnat 2010: 106; Swear 2021] и высокая плотность информации [напр., Линник 2021: 33; Николаева 2019: 272] в научном тексте делают использование ВПС не только частотным, но и даже предпочтительным способом репрезентации дополнительных ситуаций. Например, в следующем предложении-высказывании обезличенность подчеркивается использованием статального вторичного предиката, а также отсутствием агента (того, кто проводил сравнение) в пропозиции, репрезентируемой ВПС, и пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Актант

пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, имплицитно является актантом пропозиции, репрезентируемой ВПС, что способствует повышению плотности информации:

When directly compared to warfarin in large randomized clinical trials, NOACs showed similar efficacy in preventing ischemic stroke and a relatively lower risk of intracranial hemorrhage (ICH) compared to warfarin [Esenwa 2015: 444].

Характерной особенностью англоязычной научной медицинской статьи является ее структура IMRAD. В исследовании Heng Gong, Thi Ngoc Phuong Le и L. Buckingham подчеркивается зависимость лексического состава медицинской статьи, в частности, состава устойчивых лексических связок (lexical bundles) от структурного элемента статьи, внутри которого находятся данные лексические связки [Gong 2025: 16].

Несмотря на то, что количественный анализ ВПС в текстах каждого жанра не входил в задачи исследования, отметим разнообразие (выявлены ВПС всех типов, в том числе, периферийных) и высокую частотность (более 45% всех ВПС в корпусе извлечены из медицинских статей при равном объеме исходного материала разных жанров) ВПС в текстах жанра «научная статья», что согласуется с выводами вышеприведенных авторов. С точки зрения структуры научной статьи отмечаем, что грамматическое оформление разных ее элементов также различается. ВПС в большей степени представлены в таких разделах статьи, как аннотация (Abstract), введение (Introduction), результаты (Results) и, при наличии – заключение (Conclusion). Эти же разделы представляют собой наиболее компрессированные текстовые фрагменты с высокой плотностью информации, что не противоречит приведенным ранее рассуждениям о роли ВПС в реализации механизма компрессии (см. п. 1.5).

Медицинское учебное пособие относится к жанрам академического медицинского дискурса. Исследователи, занимающиеся изучением данного типа дискурса, отмечают его неоднородность, проявляющуюся в сочетании элементов медицинского и педагогического дискурса [напр., Бейлинсон 2001]. Характеристиками педагогического дискурса [Карасик 2000: 29–30],

проявляющимися в академическом медицинском дискурсе, являются наличие объяснений (дефиниций, описаний), указаний (заданий, правил), оценочных суждений, основанных на базовых ценностях медицинского и педагогического дискурса. На грамматическом уровне это проявляется в использовании повелительного наклонения, вопросительных предложений, а также неполных предложений (в таблицах, схемах и других средствах наглядности). Например, в следующем предложении-высказывании ВПС является частью повелительного предложения, репрезентируя профилируемую возможность в структуре условия:

If using equipment wrapped in linen, ensure sterility by checking the tape for date and to view chemical indicator [Doyle 2015: 77].

С точки зрения хронотопа в приведенном примере репрезентируется неоднократность, что также является особенностью медицинского учебного пособия: подразумевается, что полученные знания будущей медицинский работник будет применять всякий раз, когда они релевантны. Несмотря на значительный объем в собранном корпусе (более 25%), следует отметить небольшое разнообразие ВПС, извлеченных из текстов жанра «медицинское учебное пособие»: преобладает тип ВПС как кондициональный актант «профилируемая возможность» (см. п. 2.2), в меньшем количестве обнаружены ВПС как темпоральные локативы «относительное время» (см. п. 2.1) и перспективизации объекта (см. п. 2.6).

Медицинская инструкция находится на пересечении юридических и собственно-врачебных медицинских жанров. Клишированность, наличие строго установленных структурных элементов (например, отказ от ответственности), ссылки на нормативно-правовую документацию сближают медицинскую инструкцию с текстами, относящимися к юридическому медицинскому дискурсу. В то же время, характерная для английской инструкции персонифицированность (личные местоимения, обращения, формулы вежливости) и большое количество косвенных речевых актов (например, косвенный запрет в виде просьбы) делают инструкцию подобием рекомендации врача [напр., Aronsson 1987], которая относится к собственно-врачебному дискурсу.

Как и грамматическая структура учебного пособия, грамматическая структура инструкции должна быть максимально простой для потребителя, но в случае с инструкцией возможность упрощения ограничивают юридические клише и обязательные структурные элементы. Например, в предложении-высказывании, составляющем пункт инструкции, целью является не только предупреждение пользователя о возможных неудобствах, но и снятие ответственности с производителя за последствия долгого ношения устройства:

Uncomfortable or painful feeling may appear if using the device ceaselessly, especially for the microcirculation barrier users [User Manual CMS50NA...].

В собранном корпусе предложений, извлеченных из текстов жанра «медицинская инструкция», большая часть ВПС отнесена к типу ВПС как кондициональный актант, в меньшем количестве представлены ВПС как модусные актанты.

Описания клинических случаев/ кейсы для студентов также находятся на пересечении собственно-врачебного и научно-медицинского дискурсов, либо собственно-врачебного и академического медицинского дискурсов. Как собственно-врачебному дискурсу, описанию клинического случая/ кейсу свойственна персонифицированность и временная локализованность, как научно-медицинскому или академическому медицинскому дискурсу – высокая плотность информации. Например, в следующем предложении-высказывании ВПС локализует ситуацию во времени и пространстве:

When admitted to the hospital, her CRP and WBC values were 218 mg/L and 37,100/ μ l, respectively [Güler 2019].

Осложненные предложения с ВПС, извлеченные из текстов жанра «описание клинического случая», составляют около 20% собранного корпуса и демонстрируют разнообразие, аналогичное осложненным предложениям с ВПС, извлеченным из текстов жанра «медицинская статья».

Таким образом, несмотря на то что жанры медицинского дискурса обладают рядом общих характеристик (цель, ценности, когнитивные стратегии), в каждом жанре они проявляются с разной интенсивностью и играют разную роль, что

отражается, в том числе, и в специфике функционирования ВПС. Этим обусловлена неоднородность распределения ВПС разных типов в разножанровых текстах. При этом во всех исследуемых жанрах сохраняется значительная плотность ВПС, что позволяет рассматривать их в рамках одного корпуса при построении классификации.

Выводы по главе 1

1. Понятие «предикативность» определяется как способность предложения (или его части) репрезентировать ситуацию действительности через соотнесение субъекта с признаком, не присущим ему постоянно. Предикацию можно определить как процесс «приписывания» субъекту этого признака, а предикат, которым часто (но не во всех случаях) выступает сказуемое, – как инструмент, с помощью которого оно осуществляется.

2. Вторичная (или неполная, имплицитная, неканоническая и т.д.) предикативность в английском языке связана с наличием синтаксически невыраженной предикативной линии, предикативным центром которой является неличная форма глагола или другая (отличная от глагола) часть речи.

3. Предложения, содержащие ВПС, являются переходным типом предложений от простого к сложному. Их формальная структура соответствует простому предложению, однако, глубинная структура аналогична сложному предложению, так как такие предложения содержат две и более предикативные линии. Целесообразно выделять осложненные предложения как отдельный тип предложений.

4. Осложненные предложения являются полипропозитивными. Пропозиция в данном случае понимается как концептуально-сложная единица знания, отражающая фрагмент внеязыковой действительности (ситуацию), не имеющая формальной структуры и выражающаяся в языковом плане предикативной линией. Осложненное предложение репрезентирует две и более пропозиции, объединенные в ментальном пространстве посредством сложного механизма концептуальной интеграции. Интеграция происходит путем:

- a. проецирования в интегрированное ментальное пространство элементов каждой пропозиции,
- b. представления пропозиции, репрезентируемой ВПС, как актанта пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой,
- c. имплицитного представления в ВПС актантов, совпадающих с актантами пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой.

5. Компрессия в английских предложениях с ВПС выходит за рамки простой реализации лингвистической экономии и представляет собой синтаксическую метонимию, отражающую характер концептуальной интеграции пропозиций.

6. К ключевым параметрам медицинского дискурса как институционального дискурса относятся статусно-ролевые характеристики участников, цель, ценности, когнитивные стратегии, жанры, хронотоп. Статусно-ролевые характеристики участников, цель, ценности и когнитивные стратегии обуславливают семантику предиката и предикатных актантов ВПС. Интеграция пропозиций отражает специфику хронотопа как одного из ключевых параметров медицинского дискурса.

7. Характер концептуальной интеграции пропозиций, репрезентируемых осложненным предложением с ВПС, играет существенную роль в репрезентации характеристик хронотопа (одновременность, предшествование, следование и др.), так как позволяет локализовать ситуации во времени и в пространстве.

В следующей главе нашей работы будет построена и описана классификация ВПС (см. Приложение 1) в англоязычном медицинском дискурсе. Основаниями классификации являются параметры, обуславливающие характер концептуальной интеграции пропозиций: а) актант пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, в роли которого выступает пропозиция, репрезентируемая ВПС; б) характеристики хронотопа медицинского дискурса,

репрезентируемые посредством ВПС; в) степень актуализации хронотопа в интегрированном ментальном пространстве.

2 КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВТОРИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СТРУКТУР В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1 ВПС как темпоральный локатив

Классификацию ВПС, учитывающую репрезентацию характеристик хронотопа медицинского дискурса, следует начать с ВПС, примарной ролью которых является репрезентация темпоральных отношений. Среди ВПС в англоязычном медицинском дискурсе наиболее частотными (более 60% всех ВПС в корпусе) в анализируемом материале являются ВПС как темпоральный локатив «относительное время». Общий смысловой компонент таких конструкций – временная соотнесенность ситуаций. Характер этой соотнесенности позволяет выделить 6 подтипов ВПС в англоязычном медицинском дискурсе, являющихся темпоральными локативами «относительное время».

2.1.1 Репрезентация хронотопа «одновременность и неоднократность»

ВПС данного подтипа репрезентируют ситуацию, возникающую (реально или потенциально) неоднократно, но всегда одновременно с ситуацией, выраженной в первично-предикативной структуре. С точки зрения хронологических отношений ситуации могут находиться в отношениях **полной одновременности** или **неполной одновременности** (см. п. 1.6.3).

Отношения полной одновременности можно проиллюстрировать следующим примером:

*Use clean gloves **when handling all blood and body fluids*** [Doyle 2015: 16].

В приведенном примере репрезентируется ситуация «адресат имеет дело с кровью и другими органическими жидкостями», которая может возникать неоднократно. Одновременно с этой ситуацией репрезентируется ситуация «адресату следует использовать чистые перчатки». С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат задает не только **временные рамки**, но и **условие** репрезентации ситуации, отображаемой первичным предикатом. В описываемой ситуации репрезентируется необходимость

использовать перчатки с актуализацией времени и условия: а) когда адресат работает с кровью и другими органическими жидкостями, в строго ограниченное время, б) если адресат работает с кровью и другими органическими жидкостями. При этом, темпоральные отношения являются доминирующими.

Отношения неполной одновременности иллюстрирует ВПС в следующем предложении:

*Limit initially and then gradually increase/adjust duration of staying in cold water, be prudent **when starting to shiver**, get out of the water, know your limits* [Manolis 2019: 403].

В приведенном примере ситуация «адресат начинает дрожать», репрезентируемая ВПС, потенциально происходит неоднократно. В одном временном промежутке с ней репрезентируется ситуация «адресату следует проявлять осторожность и выходить из воды» с помощью первично-предикативной структуры. Иными словами, ситуации локализуются в одних временных рамках, но ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, не занимает весь промежуток времени. С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат задает **временные рамки и условие** репрезентации ситуаций, отображаемых первичными предикатами (проявить осторожность и выйти из воды необходимо, только когда и если адресат начинает дрожать, не раньше и не позже). Темпоральные отношения здесь также превалируют над отношениями условия, что на формальном уровне отражается в использовании причастия настоящего времени, содержащего смысловой компонент «длительность».

При репрезентации хронотопа «одновременность и неоднократно» предикативным центром ВПС является акциональный вторичный предикат, который может быть:

моновалентным (напр., *sleeping, breathing in*): ***When sleeping**, individuals cycle through two phases of sleep: rapid eye movement (REM) and non-REM sleep* [Open Resources for Nursing 2021]; *Grunting is an inspiratory breath sound produced **when breathing in against a closed glottis*** [Kuti 2013],

бивалентным (напр., *sitting, managing, performing*): *When sitting on a ball in a flexed posture, intradiscal pressure increases by 30%* [Roman-Liu 2023]; *It is important to be aware of and understand the strengths and limitations of the medical equipment on board commercial aircraft when managing in-flight medical emergencies* [Kodama 2018]; *Additional infection control measures include the appropriate use of aseptic technique and sterile technique when performing nursing procedures to protect the patient from transmission of microorganisms* [Open Resources for Nursing 2021]

или **поливалентным** (напр., *asking, positioning*): *The results indicate that clinicians are in favour of using open questions when asking patients about their 'problem presentation' in both initial and follow-up clinical encounters* [Chester 2014]; *Using pressure mapping when positioning the patient in bed or on the operating table makes it possible to control the amount of pressure experienced by the patient...* [Sving 2023]. Вторичный предикат разделяет общий **агент** с первичным предикатом.

С точки зрения прототипической семантики вторичный предикат выражен чаще причастием I или причастием II, образованным от **активного волитивного** глагола, а также (например, в сочетании с локативом: *while in the water* или атрибутом: *when in contact*) может быть оформлен **безглагольным** способом. Активность и волитивность вторичного предиката открывают возможность **неоднократной** реализации ситуации.

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «одновременность и неоднократность» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль темпорального локатива «относительное время» и одновременно роль кондиционального актанта «профилируемая возможность» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) в ряде случаев агент пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, имплицитно является агентом пропозиции, репрезентируемой ВПС; в) характеристики вторичного предиката открывают возможность неоднократной реализации ситуаций.

2.1.2 Репрезентация хронотопа «одновременность и однократность»

В отличие от ВПС, рассмотренных выше, ВПС данного подтипа репрезентируют ситуацию, возникшую однократно, одновременно с ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой. С точки зрения хронологических отношений ситуации также могут находиться в отношениях **полной одновременности** или **неполной одновременности** (см. п. 1.6.3).

Отношения полной одновременности можно проиллюстрировать следующим предложением:

When seen as an outpatient for a routine endomyocardial biopsy, given his history over the preceeding 2 weeks, chest x-rays and a CT scan were obtained which showed mediastinal and right hilar lymph node enlargement and a focal, pleural-based, mass-like consolidation of the right lower lobe with focal cavitation. He was admitted for further evaluation [Case 146].

В приведенном примере репрезентируются ситуации «пациента приняли амбулаторно (один раз)» и «пациента отправили на рентген и компьютерную томографию (в рамках того же приема)». С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат задает только **временные рамки**.

Следующий пример иллюстрирует отношения неполной одновременности:

When comparing BVM vs. SGA and BVM vs. endotracheal intubation, no difference was found [Lv 2022]

Ситуации «применен метод исследования (сравнение)» и «получен результат» возникают в одном временном промежутке (в рамках одного исследования). Однако, если в предыдущем примере ситуация, репрезентируемая ВПС, задавала общие временные рамки двух ситуаций, в данном случае ситуация, репрезентируемая ВПС, и ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, могут только частично пересекаться по времени. С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат не задает **временные рамки**, но не условие.

При репрезентации хронотопа «одновременность и однократность» предикативным центром ВПС является акциональный или статальный вторичный предикат, который может быть:

моновалентным (напр. *coughing*): *He suffered from a ground-level fall at home while coughing with brief duration of loss of consciousness for few seconds and sustained 2 centimeters linear laceration over the occipital region* [Sheikh 2022],

бивалентным (напр., *seen, admitted*): *Her breathing had become labored and, when seen in the Acute Admission Unit, her pO2 saturation fluctuated between 90 and 92% which was refractory to supplementary oxygen* [McLoughlin 2010]; *When admitted to the hospital, her CRP and WBC values were 218 mg/L and 37,100/μl, respectively* [Güler 2019]

или **поливалентным** (напр., *comparing* (см. пример выше), *given*): *Healthy volunteers were exposed to a low and a high demand cognitive task while given cutaneous thermal stimulations and asked to report the moment they perceived the stimulation as painful during the two tasks* [Florea 2023].

С точки зрения прототипической семантики вторичный предикат выражен чаще причастием, образованным от активного волитивного **акционального** (напр., *to give, to treat*) или нереферентно-активного **статального** (напр., *to feel*) глагола. Безглагольное оформление встречается значительно реже, чем в структурах первого подтипа, что связано с необходимостью приписывания ситуации определенной позиции на шкале **времени**. Так как речь идет о конкретной, а не о гипотетической ситуации, в составе ВПС данного подтипа часто присутствует **пространственный** локатив «местоположение участников».

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «одновременность и однократность» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль темпорального локатива «относительное время» без дополнительных ролей в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) характеристики вторичного предиката указывают на однократную реализацию ситуаций в заданное время и в заданном месте.

2.1.3 Репрезентация хронотопа «предшествование и неоднократность»

ВПС данного подтипа репрезентируют ситуацию, возникающую (реально или потенциально) неоднократно и всегда в одном временном промежутке с ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой. При этом ситуация, описанная в первично-предикативной структуре, следует после ситуации, описанной в ВПС (поэтому ситуация, описанная в ВПС, предшествует). Предшествование может быть выражено как **эксплицитно** (через союз или предлог *after*), так и **имплицитно** (через ВПС, присоединяемые союзом *when*). При этом имплицитное выражение, как показывает материал исследования, преобладает как по частотности, так и по разнообразию конструкций. Практически все конструкции с *after* в анализируемом материале имели вид AFTER + Ving, в то время как конструкции с *when* строились и как WHEN + Ving, и как WHEN + V3, и, реже, как WHEN + безглагольная структура.

Примером имплицитного выражения предшествования и неоднократности служит ВПС в следующем предложении:

When used consistently, IPAC practices will prevent the transfer of health care associated infections (HAIs) in all health care settings [Doyle 2015: 13].

В приведенном примере, несмотря на использование союза *when*, временные рамки репрезентируемых ситуаций не совпадают. Ситуация «методы профилактики будут последовательно использоваться» предшествует ситуации наступления результата «передача инфекций будет предотвращена». Таким образом, ситуации находятся в хронологических отношениях **дистантного предшествования** (см. п. 1.6.3). С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный причастием II, задает **начальную временную точку**, после которой становится возможной ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой. Кроме того, между первичным предикатом и предикативным центром ВПС наблюдаются **условная или причинно-следственная связь**.

Примером эксплицитного выражения дистантного предшествования и неоднократности является предложение:

It is usually an astute clinician who, after having seen or heard one or two extraordinary patient histories, makes the connection and sees the first signs of an event of emergence [van Doorn 2014: 63].

Отношения **дистантного предшествования** в приведенном примере эксплицируются не только предлогом *after*, но и перфектным герундием *having seen* в качестве вторичного предиката, который с точки зрения лексико-семантических отношений задает **начальную временную точку**, после которой становится возможной ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой. Ситуация «врач видит необычные клинические случаи или слышит о них» предшествует ситуации «врач может установить связь и определить возникновение нового инфекционного заболевания».

К этому же подтипу можно отнести и конструкции, репрезентирующие ситуации, находящиеся в хронологических отношениях **контактного предшествования** (см. п. 1.6.3). Следует отметить, что и такие отношения более частотно репрезентируются конструкциями WHEN + Ving или WHEN + V3:

Patients who have been immobile for a long period of time may experience vertigo, a sensation of dizziness, and orthostatic hypotension, a form of low blood pressure that occurs when changing position from lying down to sitting, making the patient feel dizzy, faint, or lightheaded [Doyle 2015: 179].

Начальной временной точкой является ситуация «переход из положения лежа в положение сидя». Репрезентация на уровне формальной структуры осуществляется вторичным предикатом, выраженным причастием I. Реакция на смену положения тела не может возникнуть одновременно с этим действием, что доказывает наличие отношений **предшествования**. В приведенном примере **условная** или **причинно-следственная** связь между ситуациями еще более выражена, однако связь **относительное время** является первичной: ситуация «пациент меняет положение тела» предшествует ситуации «пациент испытывает головокружение и ортостатическую гипотензию».

Контактное предшествование может реже выражаться и эксплицитно, ВПС вида AFTER + Ving:

NEVER recap needles after giving an injection [Doyle 2015: 469].

Отношения **контактного предшествования** в приведенном примере эксплицируются предлогом *after* и типовым сценарием развития репрезентируемой прототипичной ситуации медицинского дискурса. Вторичный предикат, выраженный герундием, с точки зрения лексико-семантических отношений задает **начальную точку**, после которой становится возможной ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой: ситуация «НЕ закрывать колпачком иглу» следует за ситуацией «выполнить инъекцию».

При репрезентации хронотопа «предшествование и неоднократность» предикативным центром ВПС является **акциональный** или **статальный** вторичный предикат, который может быть:

моновалентным (напр., *fainting, eating* в значении приема пищи в целом):
These attacks of syncope were observed to be related to mood during hospitalization. After fainting, external stimulation could help the child to wake up [Yue 2019]; *Our findings suggest that the timing of light physical activity shortly after eating affects the time-course of postprandial blood glucose* [Reynolds 2018],

бивалентным (напр., *used, having seen*, см. примеры выше),
 или **поливалентным** (напр., *giving* (см. пример выше), *diagnosed*): *When diagnosed with cancer, some patients attempt to answer questions about the meaning of this illness and their suffering, yet not all patients with cancer will inevitably engage in searching for meaning* [Quinto 2022].

ВПС может разделять общий **агент** с первично-предикативной структурой или иметь свой собственный агент, имплицитно или эксплицитно (например, в виде дополнения) содержащийся в первично-предикативной структуре. Вторичный предикат с точки зрения прототипической семантики выражен чаще причастием или герундием, образованным от активного волитивного **акционального** глагола (*to eat, to diagnose, to treat* и др.).

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «предшествование и неоднократность» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль темпорального локатива «относительное время»; б) при имплицитном выражении предшествования ВПС принимает одновременно роль кондиционального актанта «профилируемая возможность» (см. п. 1.1.3) в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; в) агент или другой актант пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, имплицитно является агентом пропозиции, репрезентируемой ВПС; г) характеристики вторичного предиката открывают возможность неоднократной реализации ситуаций.

2.1.4 Репрезентация хронотопа «предшествование и однократность»

ВПС данного подтипа репрезентируют ситуацию, возникающую однократно в одном временном промежутке с ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Как и со структурами предыдущего подтипа, ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, следует после ситуации, репрезентируемой ВПС (ситуация, репрезентируемая ВПС, предшествует).

Рассмотрим структуру, в которой ВПС репрезентирует ситуацию, находящуюся в хронологических отношениях **дистантного предшествования** с ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Отмечаем, что конструкции WHEN + Ving, WHEN + V3 и WHEN + безглагольная структура преобладают по частотности в качестве репрезентации предшествования:

*Early in the pandemic, 26% of adults across seven European countries including the UK were unsure or unwilling to get a COVID-19 vaccine **when available** [Paul 2021].*

В приведенном примере темпоральные отношения дистантного предшествования выражены **имплицитно**: ситуация «вакцина станет доступна» предшествует ситуации «опрошенные не захотят вакцинироваться». С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный прилагательным, задает **начальную временную точку**, после которой становится возможной ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой.

Следующий пример иллюстрирует **эксплицитное** выражение дистантного предшествования, которое вновь представлено только конструкцией AFTER + Ving:

*She was worried about the possibility of relapse and intensification of her pain, together with increased workload **after resuming work*** [Enomoto 2022].

Отношения дистантного предшествования в приведенном предложении эксплицируются союзом *after* и логическими связями внутри предложения: хотя ситуации «возвращение к работе» и «усиление боли» логически взаимосвязаны в рамках описываемого клинического случая, не репрезентируется ситуация немедленного начала боли после возвращения к работе. Вторичный предикат, выраженный герундием *resuming*, с точки зрения лексико-семантических отношений задает **начальную временную точку**, после которой становится возможной ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой.

К рассматриваемому подтипу можно отнести также и конструкции с предикатами, находящимися в отношениях **контактного предшествования**:

*Kim et al. reported that external focus increased step and stride lengths, walking speed, and load on the paralyzed leg **when employed during walking in stroke patients*** [Esenwa 2015: 9].

В приведенном примере репрезентируется ситуация «метод реабилитации применяется в работе с пациентами после инсульта», вследствие чего появляется результат: «увеличивается скорость ходьбы, длина шага и перенос тяжести на парализованную ногу». Ситуация «метод реабилитации применяется в работе с пациентами после инсульта» предшествует ситуации «увеличивается скорость ходьбы, длина шага и перенос тяжести на парализованную ногу» (**имплицитное** выражение предшествования) и вторичный предикат, выраженный причастием II *employed*, так же, как и в предыдущем примере, задает **начальную точку**, но анализ экстралингвистического контекста показывает, что соотнесенность по времени реабилитации и ее эффекта ближе, чем выпуска вакцины и отказа от вакцинации.

Эксплицитное выражение контактного предшествования можно проиллюстрировать следующим предложением:

After examining and diagnosing affected HCP, we required them to follow strict home isolation with instructions to return to work four days after the appearance of their rash [Zmerli 2020].

В приведенном примере ситуации складываются последовательно одна за другой: «заболевшим провели осмотр и диагностику», после чего «заболевших изолировали». Вторичные предикаты, выраженные герундием, с точки зрения лексико-семантических отношений задают **начальную временную точку**, после которой складывается ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой.

При репрезентации хронотопа «предшествование и однократность» предикативным центром ВПС является **акциональный** или **статальный** вторичный предикат, который может быть:

моновалентным (единичные случаи, напр., *having fainted*): *A 21-year-old man was taken to the emergency department **after having fainted*** [McDonnell 2014],

чаще **бивалентным** (напр., *examining* (см. пример выше), *assessing*): *The patient was shifted to the ward **after assessing the discharge criterion** and later discharged home with full neurologic score* [Chowdhury 2012]

или **поливалентным** (напр., *employing* (см. пример выше), *administering*): *Our case report reveals the potential for this benign eye drop to cause a life-threatening systemic reaction and emphasises the importance of considering this consequence **when administering topical fluorescein 2% to a patient with a history of anaphylaxis to other allergens*** [Shahid 2010].

С точки зрения прототипической семантики вторичный предикат выражен чаще причастием или герундием, образованным от активного волитивного **акционального** глагола (напр., *to examine, to take*). Безглагольное оформление встречается в сочетании с атрибутом (в приведенном выше примере – *when available*).

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «предшествование и однократность» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль темпорального локатива «относительное время» без дополнительных ролей в

пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) характеристики вторичного предиката указывают на однократную реализацию ситуаций в заданное время.

2.1.5 Репрезентация хронотопа «следование и неоднократность»

ВПС данного подтипа репрезентируют ситуацию, возникающую в одном временном промежутке с ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой, но ситуация, репрезентируемая ВПС, следует после ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Как и предшествование, следование может быть выражено эксплицитно (через союз или предлог *before*), но преобладает имплицитный способ выражения через конструкции вида WHEN + Ving / WHEN + безглагольная конструкция.

Имплицитное выражение **дистантного следования** (см. п. 1.6.3) можно проиллюстрировать следующим примером:

When immunizing young children, it is helpful for health professionals to remind parents or substitute decision makers (SDMs) about the upcoming vaccination and explain the site and route anticipated for the next visit [St-Amant 2020].

Несмотря на то, что обе репрезентируемые ситуации происходят в одном временном промежутке, с точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный причастием I, задает **момент, до которого** необходимо осуществить описанные первично-предикативной структурой действия: ситуация «врач предупреждает родителей (законных представителей) и объяснит им дальнейшие действия» предшествует ситуации «врач выполняет вакцинацию». Кроме того, между первичным предикатом и предикативным центром ВПС наблюдаются **условная** или **причинно-следственная** связь.

Пример **эксплицитного** выражения **дистантного следования**:

*What additional data would you need to collect **before making a decision about care for this patient?** [Doyle 2015: 98].*

Отношения дистантного следования в приведенном примере эксплицируются предлогом *before* и типовым сценарием развития

репрезентируемой прототипичной ситуации медицинского дискурса. Вторичный предикат, выраженный герундием, с точки зрения лексико-семантических отношений задает **момент, до которого** должна произойти ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой: ситуация «принять решение по работе с пациентом» следует после ситуации «собрать необходимые дополнительные сведения».

Аналогичным образом репрезентируется **контактное следование** (см. п. 1.6.3). Приведем примеры, отметив, что по характеру лексико-семантических отношений они будут максимально близки к предыдущим двум, с той разницей, что репрезентируемые ситуации происходят последовательно одна за другой.

Пример имплицитного выражения **контактного следования**:

When performing a procedure, ensure the patient understands how to prevent contamination of equipment and knows to refrain from sudden movements or touching, laughing, sneezing, or talking over the sterile field [Doyle 2015: 54].

В приведенном предложении обе репрезентируемые ситуации должны происходить в одном временном промежутке, но, с точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный причастием I, задает **момент, до которого** необходимо осуществить описанные первично-предикативной структурой действия: ситуация «врач выполняет процедуру следует сразу после ситуации «врач объясняет пациенту, как избежать загрязнения стерильного поля».

Пример эксплицитного выражения **контактного следования**:

Before stepping away from the bed, ask the patient if they feel dizzy or lightheaded [Doyle 2015: 185].

Отношения контактного следования в приведенном примере эксплицируются предлогом *before* и типовым сценарием развития репрезентируемой прототипичной ситуации медицинского дискурса. Вторичный предикат, выраженный герундием, с точки зрения лексико-семантических отношений задает **момент, до которого** должна произойти ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой: сначала «медицинский

работник спрашивает у пациента, не чувствует ли он головокружения», потом «медицинский работник помогает пациенту отойти от кровати».

При репрезентации хронотопа «следование и неоднократность» предикативным центром ВПС является **акциональный** или **статальный** вторичный предикат, который может быть:

моновалентным (напр., *standing up*): *Various factors such as hydration, food-intake, ambient temperature, medications, and time spent in sitting or flat positions before standing up can affect postural hemodynamic changes* [Ju 2023],

бивалентным (напр., *performing* (см. пример выше), *starting*): *If possible, obtain a culture specimen before starting antimicrobial therapy* [Open Resources for Nursing 2021]

или **поливалентным** (напр., *recommending*, *allowing*): *This means that while the risks may be elevated, individual risks vs benefits should be considered before recommending immunization* [Marsh 2021]; *The medical profession can contribute by providing evidence on what works in primary and secondary prevention of injury and by developing guidelines for practitioners and coaches on mandatory recovery times before allowing players to return to play* [Ackery 2011].

ВПС может разделять общий **агент** с первично-предикативной структурой или иметь свой собственный агент.

Вторичный предикат с точки зрения прототипической семантики выражен чаще причастием или герундием, образованным от активного, волитивного **акционального** (напр., *to remove*, *to stand up*) или нереферентно-активного **статального** (напр., *to consider*, *to think*) глагола.

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «следование и неоднократность» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль темпорального локатива «относительное время»; б) при имплицитном выражении следования ВПС принимает одновременно роль кондиционального актанта «профилируемая возможность» или «положение дел» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; в) агент или другой актант пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой,

имплицитно является агентом пропозиции, репрезентируемой ВПС; г) характеристики вторичного предиката открывают возможность неоднократной реализации ситуаций.

2.1.6 Репрезентация хронотопа «следование и однократность»

ВПС данного подтипа репрезентируют ситуацию, возникающую однократно в одном временном промежутке с ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Ситуация, репрезентируемая ВПС, следует после ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Следование может быть выражено **эксплицитно** (через союз или предлог *before*), но чаще, как и во всех предыдущих подтипах ВПС, выражается **имплицитно** через WHEN конструкцию.

Пример имплицитного выражения **дистантного следования**:

When asked about experience of specific CAM therapies (as defined by the researchers) more than 50% of respondents had tried massage, which exceeds prevalence of ever-use based on the general question on CAM use [Hanssen 2005: 61].

Несмотря на союз *when*, репрезентируемые ситуации не находятся в отношениях одновременности. Ситуация «респонденты пробуют массаж как метод терапии» происходит ранее, чем «исследователи опрашивают респондентов об опыте обращения к альтернативной медицине». С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный причастием II, задает **момент, до которого** могла происходить ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой. Ситуация «респонденты пробуют массаж как метод терапии» могла потенциально возникать однократно или неоднократно, но обязательно до ситуации «исследователи опрашивают респондентов об опыте обращения к альтернативной медицине».

Пример эксплицитного выражения **дистантного следования**:

A signed informed consent form for publication was obtained from the patient before reporting this case [Fujii 2023].

Отношения дистантного следования в приведенном предложении эксплицируются предлогом *before* и типовым сценарием развития репрезентируемой прототипичной ситуации медицинского дискурса. Вторичный предикат, выраженный герундием, с точки зрения лексико-семантических отношений **задает момент, до** которого произошла ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой. Сначала «от пациента получили добровольное согласие», потом «опубликовали клинический случай», при этом ситуации могли происходить и не строго последовательно, а с любым временным промежутком.

Аналогичным образом, имплицитно и эксплицитно, может репрезентироваться контактное следование и однократность в английских предложениях с ВПС. Пример эксплицитного выражения **контактного следования**:

*Compared with the subjective ratings in phase 1, i.e., **before engaging in the cognitive task**, 12 and 14 out of 18 participants in phases 2 and 3, respectively, reported increased mental fatigue [Yamada 2018: 45].*

Отношения контактного следования в приведенном примере, как и в примере дистантного следования, приведенном выше, эксплицируются предлогом *before* и типовым сценарием развития репрезентируемой прототипичной ситуации медицинского дискурса. С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный герундием, **задает момент, до которого** могла происходить ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой. Ситуация «участники проходили опрос» происходила однократно непосредственно перед тем, как произошла ситуация «участникам было выдано задание», но в рамках одного эксперимента.

Пример имплицитного выражения **контактного следования**:

*Patient #12 had an intermittent right upper quadrant pain for a week, **when admitted**, and at abdominal CT scan showed an acute thrombus partially occupying the inferior vena cava from the hepatic veins-caval anastomosis area to the left renal vein. [Loinaz 2020].*

Несмотря на союз *when*, ситуация «пациент обратился в медицинское учреждение», репрезентируемая ВПС, произошла после ситуации «пациент испытывал боль на протяжении недели», репрезентируемой первично-предикативной структурой. С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный причастием II, задает **момент, до которого** происходила ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой.

При репрезентации хронотопа «следование и однократность» предикативным центром ВПС является **акциональный** или **статальный** вторичный предикат, который может быть:

чаще **бивалентным** (напр., *admitted* (см. пример выше), *continuing*): *The patient was discharged home to rest for 1 month **before continuing treatment*** [Yang 2022],

или **поливалентным** (напр., *asked* (см. пример выше), *telling*): *The participants who gave sample for COVID-19 were assessed for their emotional state at two stages – after giving sample and during the waiting period **before telling results to them*** [Kathiravan 2021].

Вторичный предикат с точки зрения прототипической семантики выражен чаще причастием или герундием, образованным от **активного волитивного** акционального (напр., *to decompress*, *to engage*) глагола.

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «следование и однократность» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль темпорального локатива «относительное время» без дополнительных ролей в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) характеристики вторичного предиката указывают на однократную реализацию ситуаций в заданное время.

2.2 ВПС как кондициональный актанта

2.2.1 Репрезентация хронотопа «симметрия и единство времени»

Роль кондиционального актанта, а именно, актанта «профилируемая возможность» менее характерна для ВПС в исследуемом материале, чем обсуждаемая выше роль темпорального локатива «относительное время». Такие конструкции составляют меньшую, но все же значимую часть собранного корпуса (около 15% собранных ВПС). Эта группа ВПС более однородна и объединена смысловым компонентом условности: ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, воплотится в жизнь в том случае, если сложится ситуация, репрезентируемая ВПС. Репрезентация хронотопа для данной группы ВПС не является примарной функцией, но присутствует, являясь ценным основанием для их классификации.

При репрезентации хронотопа «симметрия и единство времени» ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, возможна только если соблюдается **условие**, репрезентируемое ВПС. Отношения между условием и следствием **симметричны**: при несоблюдении условия репрезентируется противоположная ситуация.

Проиллюстрируем вышесказанное следующим примером:

*Uncomfortable or painful feeling may appear **if using the device ceaselessly, especially for the microcirculation barrier users** [User Manual CMS50NA...].*

В приведенном предложении репрезентируется ситуация, в которой условием ситуации «возникновение неприятных или болезненных ощущений» является ситуация «непрерывное ношение устройства в течение долгого времени». Если возникает ситуация «НЕ использовать устройство длительно и непрерывно», следствием становится ситуация «отсутствие неприятных или болезненных ощущений». Таким образом, с точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат открывает возможность реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой, а для потенциального реципиента такое предложение-высказывание служит **предупреждением** и на

периферии своего значения содержит **запрет воплощения в жизнь условия / совет его не воплощать и последствия** его воплощения. С точки зрения хронологических отношений ситуация, репрезентируемая ВПС, создает временные рамки для обеих ситуаций: ситуация «возникновение неприятных или болезненных ощущений» является прямым последствием ситуации «непрерывное ношение устройства в течение долгого времени» и проявляется только тогда, когда используется устройство.

Аналогичным образом, симметричными являются отношения условия и следствия в предложениях с дополнительным компонентом смысла «**предписание**»:

If effectively applied, infection control and prevention practices will prevent and minimize transmission of infections in health care settings [Doyle 2015: 81].

ВПС с предикативным центром, выраженным причастием II, задает **условие**, при котором описанные меры предосторожности сработают. Отношения между условием и следствием **симметричны**: обратная ситуация «меры предосторожности не применяются или применяются некорректно» возможна, тогда возникает обратная ситуация «снижения передачи инфекции не будет». Таким образом, с точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат открывает возможность реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой, а для потенциального реципиента такое предложение-высказывание служит **предписанием** и на периферии своего значения содержит **запрет нарушать условие / совет его не нарушать и последствия** его нарушения. Хронологически две ситуации находятся в одном временном промежутке.

При репрезентации хронотопа «симметрия и единство времени» предикативным центром ВПС является **акциональный** или **статальный** вторичный предикат, который может быть:

моновалентным (напр., *deteriorating*): *If deteriorating, COVID-19 can lead to sepsis, septic shock, and multiple organ dysfunction syndrome, with mechanical*

ventilation or extracorporeal membrane oxygenation having low therapeutic efficacy [Taneri 2020]

или **бивалентным** (напр., *using* (см. пример выше), *planning*): *Keep sample at 4 °C if planning to use within 48 h; otherwise aliquot and store at –20 °C* [Saveria 2015]. ВПС разделяет **агент** с первично-предикативной структурой. Часто встречается безглагольное оформление (напр., с атрибутом – *if wet* или способом – *if in person*). На формальном уровне такие ВПС представляют собой конструкции IF + Ving или IF + V3, а также конструкции с WHEN, в которых, несмотря на это, условная связь значительно преобладает над хронологической (см. пример в п. 2.7.3).

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «симметрия и единство времени» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль кондиционального актанта «профилируемая возможность» и одновременно роль темпорального локатива «относительное время» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) семантические характеристики актантов пропозиции, репрезентируемой ВПС, допускают имплицитно существование противоположной возможности, при которой ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, изменится на противоположную; в) имплицитруется возможность неоднократной реализации ситуаций.

2.2.2 Репрезентация хронотопа «симметрия и отсутствие единства времени»

Принципиальное отличие ВПС с репрезентацией хронотопа «симметрия и отсутствие единства времени» от ВПС предыдущего подтипа заключается в том, что в данном случае репрезентируется не одновременность, а ее отсутствие, т.е. потенциальное нарушение единства времени и пространства.

Иллюстрацией служит следующий пример:

*Use assistive devices only **if properly trained in their safe use*** [Doyle 2015: 156].

Ситуация «использовать вспомогательные средства», репрезентируемая первично-предикативной структурой, должна сложиться, только если соблюдается **условие**, репрезентируемое ВПС – конструкцией с причастием II в роли

вторичного предиката. Отношения между условием и следствием **симметричны**: если возникает ситуация «адресат НЕ обучен безопасному использованию вспомогательных средств», следствием является возникновение ситуации «не использовать вспомогательные средства». При этом ситуации «адресат обучается безопасному использованию вспомогательных средств» и «использовать вспомогательные средства» могут происходить в разные временные промежутки и быть по-разному локализованы в пространстве. С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат открывает возможность реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой, а прагматически для потенциального реципиента такое предложение-высказывание служит **указанием** и содержит прямой **запрет нарушать условие / совет его не нарушать**.

К этому подтипу также относятся ВПС в осложненных предложениях, где симметрия реализуется противоположным образом:

If not prepared physically and psychologically for body image challenges after bariatric surgery, patients may experience disturbed body image in the postoperative phase [Perdue 2020: 74].

Симметрия условия и следствия в приведенном примере проявляется в том, что, если соблюдается **условие**, репрезентируемое ВПС – конструкцией с причастием II в роли вторичного предиката, – реализуется и ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, если же условие не соблюдается (ситуация «пациент физически и психологически готов»), то и последствий в виде ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой, не возникает. С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат открывает **возможность** реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой, а прагматически для потенциального реципиента такое предложение-высказывание служит **предупреждением** и на периферии своего значения содержит **совет не воплощать в жизнь условие** (т.е. готовить пациента физически и психологически к операции).

Ситуации не локализованы относительно друг друга во времени и пространстве: важен только факт соблюдения или несоблюдения условия.

Предикативным центром ВПС является преимущественно **статальный** вторичный предикат, который может быть:

моновалентным (напр., *vomited*): *Medicines are only efficacious if absorbed. **If vomited**, oral medicines will not work* [Tunncliffe 2011]

или **бивалентным** (напр., *prepared* (см. пример выше), *addressed*): *Prediabetes is reversible, and, **if addressed properly**, type 2 diabetes can be prevented or delayed* [Soler 2018].

ВПС разделяет **реципиента, бенефициара или малефициара** (см. п. 1.1.3) с первично-предикативной структурой. Данный подтип ВПС в роли условия «профилируемая возможность» чаще представлен конструкциями IF + V3.

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «симметрия и отсутствие единства времени» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль кондиционального актанта «профилируемая возможность» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) семантические характеристики актантов пропозиции, репрезентируемой ВПС, допускают имплицитно существование противоположной возможности, при которой ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, изменится на противоположную; в) характеристики вторичного предиката открывают возможность неоднократной реализации ситуации; г) темпоральные и пространственные локативы в первично-предикативной структуре и ВПС либо отсутствуют, либо не совпадают между собой, не формируя единый временной и пространственный континуум.

2.2.3 Репрезентация хронотопа «асимметрия и единство времени»

ВПС представленного подтипа репрезентируют ситуацию, которая должна воплотиться в жизнь для того, чтобы была репрезентирована сложная ситуация (макрособытие) полностью (см. 1.5). При этом ситуация, репрезентируемая

первично-предикативной структурой, может существовать и без ситуации, репрезентируемой ВПС. Например:

Wear a mask if suffering from a respiratory condition, and consider staying home [Doyle 2015: 16].

В приведенном предложении акциональный вторичный предикат, выраженный причастием I, с точки зрения лексико-семантических отношений открывает **возможность** реализации ситуаций, репрезентируемых первично-предикативной структурой. Ситуации «носить маску» «оставаться дома» релевантны только если возникает ситуация «болеть респираторным заболеванием». При невыполнении условия – в ситуации «не болеть респираторным заболеванием» – противоположного следствия («не носить маску», «не оставаться дома») не возникает. Таким образом, условие и следствие находятся в **асимметричных** отношениях. С точки зрения **хронологических** отношений репрезентируемые ситуации находятся в одном временном континууме (носить маску предписывается именно тогда, когда человек болен). Аналогичный пример:

Is the observed increase in HC common in the vegan population as a whole, or is it driven by an increase in just a few individuals? Is it possible that everyone would show an increase in HC if given a megadose of vitamin B12? [Morkbak 2007: 368].

В приведенном примере вторичный предикат, выраженный причастием II, открывает **возможность** реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Приведенное предложение также не получает противоположного следствия при невыполнении условия: обсуждается лишь ситуация «применение большой дозы витамина B12», обратная ситуация не предполагается и не рассматривается. Ситуации находятся в едином временном континууме, совпадающем с ситуацией «применение большой дозы витамина B12».

Предикативным центром ВПС является **акциональный** вторичный предикат, который может быть:

авалентным (редко, напр., *snowing*): *Warning middle-aged people to walk carefully when snowing is necessary* [Ohsaka 2014],

чаще **моновалентным** (напр. *self-isolated*): *Adopting avoidance behaviors was associated with trust in government/authorities, higher perceived rating of effectiveness of behaviors, higher levels of perceived ability to adopt social distancing strategies, higher trust in government (and higher level of concern if self-isolated* [Seale 2020];

или **бивалентным** (напр., *suffering* (см. пример выше), *left*): *If left unchecked, burnout compounds and leads to new problems* [Yates 2020]. ВПС разделяет агент с первично-предикативной структурой. Данный подтип ВПС чаще представлен конструкциями вида IF + Ving и IF + V3, и может также быть представлен WHEN-конструкцией.

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «асимметрия и единство времени» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль кондиционального актанта «профилируемая возможность» и одновременно роль темпорального локатива «относительное время» в пропозиции, б) репрезентируемой первично-предикативной структурой; в) противоположная возможность не имплицуруется; г) имплицуруется возможность неоднократной реализации ситуаций.

2.2.4 Репрезентация хронотопа «асимметрия и отсутствие единства времени»

ВПС с репрезентацией хронотопа «асимметрия и отсутствие единства времени» представляют, скорее, не динамичную ситуацию, а статичный факт, свойство или состояние, которые должны воплотиться в жизнь, чтобы ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, получила возможность реализации. Например:

Also, if used as a speech treatment, nonspeech oral exercises should be regarded as exploratory rather than evidenced-based techniques [Alhaidary 2021: 3].

Асимметрия условия и следствия проявляется в том, что другие варианты, кроме ситуации, репрезентируемой ВПС, не предполагаются и не обсуждаются. Предложение-высказывание представляет собой суждение, никак не локализованное во времени, поэтому хронологическая связь отсутствует. С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный

причастием II, открывает возможность реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Аналогичный пример:

*It was our impression that the FDA was in favor of uniform protocols, especially **if developed by national organizations**; they even expressed a willingness to participate* [Apple 2014: 1273].

Вторичный предикат, выраженный причастием II, с точки зрения лексико-семантических отношений открывает **возможность** реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой. При невыполнении условия («протокол не разработан государственной организацией») противоположного следствия не возникает, соответственно, условие и следствие находятся в **асимметричных** отношениях. **Хронологические** отношения между ситуацией, репрезентируемой ВПС, и ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой, отсутствуют.

Предикативный центр ВПС представлен преимущественно, **статальным** вторичным предикатом, который может быть:

моновалентным (напр., *known* в значении «известный»): *The choice of empiric antibiotics should take into consideration local epidemiology **if known**, early versus late disease, resistance patterns and availability within resource constraints* [Furyk 2011]

или **бивалентным** (напр., *used, developed*, см. примеры выше).

Условие представляет собой скорее нелокализованный во времени факт или свойство, нежели полноценную ситуацию.

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «асимметрия и отсутствие единства времени» происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль кондиционального актанта «профилируемая возможность» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) противоположная возможность не имплицитруется, в) темпоральные и пространственные локативы в первично-предикативной структуре и ВПС либо отсутствуют, либо не совпадают между собой, не формируя единый временной и пространственный континуум.

2.3 ВПС как модусный актант

2.3.1 Репрезентация хронотопа «неотделимость и единство времени»

Спецификой предложений с ВПС, выступающими в роли модусного актанта в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, является то, что пропозиции в составе сложной ситуации (макрособытия) интегрированы максимально тесно: общими являются не только агент, но и ряд других актантов. Группа ВПС, играющих в предложении роль модусного актанта, является частотной в медицинском дискурсе (составляет более 20% исследуемого материала) и неоднородной. С точки зрения грамматики такие структуры в основном представлены конструкциями Ving, N + Ving, WITH + N + Ving / WITH + N + V3/ WITH + N + Adj, WHEN + Ving, WHILE + Ving и др. Общий компонент смысла – ситуация, раскрывающая, конкретизирующая ситуацию, репрезентируемую первично-предикативной структурой.

При репрезентации хронотопа «неотделимость и единство времени» пропозиция, репрезентируемая ВПС, практически полностью сливается с пропозицией, репрезентируемой первично-предикативной структурой. ВПС сохраняет потенциал репрезентации лишь части ситуации, остальные элементы проецируются в интегрированное пространство из пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Предикаты находятся в отношениях **полной одновременности**, а с лексико-семантической точки зрения предикативный центр ВПС выражает **добавочное действие**, поясняя и конкретизируя ситуацию, репрезентируемую первично-предикативной структурой.

ВПС в роли модусного актанта при репрезентации хронотопа «неотделимость и единство времени» проиллюстрируем следующими примерами:

*The study participants placed objects on the marks in the virtual environment **while counting them** [Langer 2022]. **While holding the belt**, gently rock back and forth three times [Doyle 2015: 185].*

Несложно заметить, что предложения отличаются от всех ранее приведенных примеров со структурами рассмотренных подтипов. Первое предложение

описывает суть эксперимента, в котором ситуации «испытуемые размещали объекты в виртуальной среде» и «испытуемые считали объекты» происходят **параллельно** и имеют **равную** ценность. Ни одно из этих действий не может происходить без другого: если человек участвует в эксперименте, он выполняет оба действия, если не участвует – не выполняется ни одно из них. Во втором предложении, представляющем собой пункт медицинской инструкции, ВПС также неотделима от первично-предикативной структуры: действия «удерживать ремень» и «выполнять раскачивающие движения» выполняются **одновременно** и ни одна ситуация не является независимой.

Предикативным центром ВПС является чаще **бивалентный акциональный** вторичный предикат, который всегда разделяет общий **агент** с первичным предикатом. Вторичный предикат с точки зрения прототипической семантики выражен причастием, образованным от **активного** глагола. Безглагольного оформления в анализируемом корпусе не встречалось.

Потенциал репрезентации хронотопа «неотделимость и единство времени» имеют абсолютные конструкции [напр., Николаева 2017, Чернышова 2021], которые преобладают в собранном корпусе ВПС в роли модусного актанта. Приведем пример:

*Three days into his hospitalization, he became acutely ill **with temperatures spiking to 39.5°C*** [Case 146].

В приведенном примере первично-предикативная структура репрезентирует ситуацию «человек заболел». Ситуация «у человека поднялась температура до 39,5°C», репрезентируемая ВПС, является частью ситуации «человек заболел». Без одной из предикативных групп (первично-предикативной или вторично-предикативной) ситуация станет совершенно иной. Оба предиката (и первичный, и вторичный) вносят **равный вклад** в формирование смысла. С точки зрения лексико-семантических отношений ВПС с предикативным центром, выраженным причастием I *spiking*, вводит «часть ситуации» («подскакивала температура»), неразрывно связанную с самой ситуацией «становиться больным». При этом репрезентируется временная соотнесенность: температура поднимается в рамках

той же болезни, о которой говорится в первично-предикативной структуре. Аналогичный пример:

Patient lies on stomach with head turned to the side [Doyle 2015: 168].

В приведенном примере репрезентируется ситуация – «пациент лежит в определенной позе». Ситуация «у пациента повернута голова» является неотъемлемой частью этой ситуации. Без одной из предикативных линий ситуация станет иной. Такая **равноправность** с точки зрения вклада в формирование смысла связана, в том числе, с тем, что оба предиката (и первичный, и вторичный) выражены **активными, волитивными глаголами** *lie* и *turn*, один из которых – в форме причастия прошедшего времени. С точки зрения лексико-семантических отношений ВПС с предикативным центром *turned* вводит ситуацию «поворот головы пациента», являющуюся «частью» ситуации «пациент лежит в определенной позе».

Подобным образом можно интерпретировать следующие примеры:

In a sitting position with the back flexed at 20°, adding 10 kg to each hand increases the IP by about 50% [Roman-Liu 2023]. *Also, oxygen saturation (O_{sat}) of the patients was measured using pulse oximeter with appropriately sized paediatric probe attached to the finger or toe nail bed* [Kuti 2013].

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «неотделимость и единство времени» происходит путем почти полного их слияния: а) ВПС принимает роль модусного актанта и, при имплицитном выражении, одновременно темпорального локатива «относительное время» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) сразу несколько актантов пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, становятся имплицитно актантами пропозиции, репрезентируемой ВПС; в) сложная ситуация (макрособытие) состоит, по сути, из одной ситуации, в которой ВПС репрезентирует только часть ее элементов.

2.3.2 Репрезентация хронотопа «отделимость и единство времени»

Данный подтип ВПС, в отличие от ВПС рассмотренного выше подтипа, репрезентирует самостоятельную ситуацию, которая, соединяясь с ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой, полностью поглощается, проецируя в интегрированное ментальное пространство только те элементы пропозиции, которые уточняют содержание пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой.

Проиллюстрируем следующим примером:

*Age was unrelated to uncertainty around the COVID-19 vaccine and only slightly related to unwillingness, **with adults over 65 more likely to be willing than younger adults to get the COVID-19 vaccine** [Paul 2021].*

В приведенном предложении первично-предикативная структура вполне самостоятельна в плане репрезентации ситуации «возраст слабо связан с нежеланием получить вакцину». ВПС репрезентирует ситуацию, которая не складывается отдельно от ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой, а только **уточняет (доказывает, объясняет)** ее. Аналогичный пример:

*The crews of the Apollo landing missions have not presented evidence of dust-associated disease (e.g., silicosis), but the population is small and the exposure times quite limited, **with the longest surface stay being only about 72 hours** [Prisk 2019: 274].*

В приведенном примере ситуация – «выборка и время воздействия негативных факторов в полетах на Луну недостаточны для того, чтобы делать выводы» – могла бы без существенных искажений быть передана частью предложения без ВПС. ВПС только **доказывает, объясняет** ситуацию, репрезентируемую первично-предикативной структурой.

Предикативным центром ВПС является **статальный** вторичный предикат (напр., *willing, being*). Этим обусловлена неравноправность ситуаций в осложненном предложении.

Подобным образом можно интерпретировать следующие примеры:

*Air Canada data showed that between 2014 and 2016, roughly half (49%–53%) of in-flight medical emergencies were managed by a physician, nurse or paramedic, **with the remainder managed by flight attendants alone** (unpublished observations) [Kodama 2018]. The subscales were scored 1–4 with 1 indicating a total lack of function and 4 indicating full function [Sving 2022]. Turbulence sweeps around smaller particles, and eddies within the cloud resuspend the particles so that they settle more slowly, **with some particles traveling more than 8 feet horizontally through the air** [Dhand 2020].*

Интеграция пропозиций при репрезентации хронотопа «отделимость и единство времени» происходит путем поглощения ситуации, репрезентируемой ВПС, ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой; макрособытие состоит, по сути, из одной ситуации, в которой ВПС репрезентирует опциональную ее часть, уточняющую и раскрывающую содержание первично-предикативной структуры. Локализацию во времени и пространстве задает первично-предикативная структура, и распространяет эту локализацию на пропозицию ВПС.

2.4 ВПС как цель, каузалъ, концессив

Приведенные выше семантические роли являются наиболее частотными (составляют более 80% в собранном корпусе) для анализируемых ВПС в англоязычном медицинском дискурсе. Однако невозможно исключить из рассмотрения ВПС в периферийных для них в рамках медицинского дискурса ролях. Сразу оговоримся, что сравнительно небольшое количество (около 8% на все четыре семантические роли) и разнообразие (не более трех различных формальных структур в каждой семантической роли) ВПС в приводимых ролях не дает возможности их классификации. Тем не менее, их описание и включение в общую классификацию считаем необходимым для того, чтобы дать как можно более полную картину характеристик концептуальной интеграции пропозиций, репрезентируемых осложненными предложениями с ВПС.

ВПС в роли каузаля (причины) репрезентируют ситуацию, реализация которой привела к реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Например:

*Viscosity refers to the tendency of a fluid to resist flow **because of the friction of its molecules rubbing against each other*** [Doyle 2015: 658].

В приведенном предложении ВПС репрезентирует ситуацию «молекулы трутся друг о друга», поясняющую механизм возникновения вязкости. На лексико-семантическом уровне вторичный предикат, выраженный причастием I, открывает **возможность** реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой. ВПС в роли причины репрезентирует **уже реализованное условие**. Таким образом, связь между ситуациями уже не гипотетическая, а реальная. Аналогичный пример:

*Eye tracking data from two participants for the first experiment (one female and male; the female was more than 50 years old) were excluded from our analysis **because of problems calibrating the eye tracker*** [Yamada 2018].

В приведенном примере ситуация, репрезентируемая ВПС, объясняет ситуацию «данные двух участников эксперимента были исключены при анализе», репрезентируемую первично-предикативной структурой. Как и в предыдущем примере, на лексико-семантическом уровне вторичный предикат, выраженный причастием I, открывает **возможность** реализации ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой, и репрезентирует **уже реализованное условие**. Следует заметить, что в собранном нами материале ВПС как актанты «причина» (около 2,5% от всех ВПС в корпусе) присутствовали только в виде структур BECAUSE OF + N + Ving / BECAUSE OF + N + V3. С точки зрения репрезентации хронотопа медицинского дискурса анализируемые ВПС также существенно не различались: репрезентируется либо ситуация, объясняющая причины возникновения другой ситуации (предшествование), либо аргументация действий и мнений участником медицинского дискурса (одновременность).

Предикативный центр ВПС представлен, **акциональным** или **статальным** вторичным предикатом (напр., *rubbing, calibrating*). Ситуации, репрезентируемые

ВПС и первично-предикативной структурой, более или менее равноправны и независимы друг от друга. Объединение их в одно осложненное предложение лишь показывает наличие причинно-следственных связей. С точки зрения хронологических отношений как уже было сказано выше, преобладают отношения предшествования или одновременности.

Интеграция пропозиций происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль актанта «причина» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) имплицитруется реализованное условие, в) темпоральные и пространственные локативы (при наличии) в первично-предикативной структуре и ВПС могут совпадать или нет, но формируют единый временной и пространственный континуум.

ВПС как цель в исследуемом материале практически не представлены (1 пример в собранном корпусе). Потенциалом функционирования в данной роли, согласно классификации Н.А. Кобриной, обладает инфинитивная конструкция с предлогом *for* [Кобрина 1999: 295], т.е. ВПС FOR + N + To + V, однако в собранном нами корпусе она встретилась только один раз:

The daughter rang 999 for her to be taken to the ED [Campbell 2014: 115].

В приведенном предложении ВПС поясняет намерение участника медицинского дискурса: дочь пациентки звонила 999, чтобы пациентку забрали в отделение неотложной помощи. На лексико-семантическом уровне вторичный предикат, выраженный инфинитивом в страдательном залоге *to be taken*, репрезентирует желаемое участником медицинского дискурса действие (пациентку забирают в отделение неотложной помощи), для осуществления которого создается ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой (дочь пациентки звонит 999).

ВПС как concessiv (уступка) репрезентируют ситуацию, независимо от которой ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, возникнет. На формальном уровне в англоязычном медицинском дискурсе это конструкции EVEN IF + Ving / EVEN IF + V3 / EVEN IF + безглагольная конструкция (почти все конструкции в корпусе, около 1,5% всех ВПС), единично –

конструкции EVEN WHEN + безглагольная конструкция (напр., *even when asymptomatic*), усиливающие значение **неотвратимости** ситуации:

*Other studies have found that around one-quarter of French and US adults do not intend to receive the vaccine **even if offered it*** [Paul 2021].

С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный причастием II *offered*, открывает **возможность** реализации как сценария, репрезентируемого первично-предикативной структурой, так и противоположного сценария (как в случае с профилируемой и противоположной возможностью), но союз *even if* оставляет только одну из возможных ситуаций: «**не важно**, предложат им вакцину или нет, они от нее откажутся». Аналогичный пример:

*One should observe one's own reactions and tolerance and not cross one's own limits, **even if enthused with one's own endurance*** [Manolis 2019: 413].

С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный причастием II *enthused*, открывает **возможность** реализации как сценария, репрезентируемого первично-предикативной структурой, так и противоположного сценария, но семантика предложения не допускает существования альтернативы: «не важно, вдохновлен ли человек собственной выносливостью, нельзя превышать границы допустимого». Предикативный центр ВПС представлен **акциональным** или **статальным** вторичным предикатом, разделяющим агент с первично-предикативной структурой.

Интеграция пропозиций происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль концессива (уступки) в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) имплицитруется профилируемая возможность, не влияющая, однако, на реализацию ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой, в) темпоральные и пространственные локативы (при наличии) в пропозициях, репрезентируемых первично-предикативной структурой и ВПС, формируют единый временной и пространственный континуум.

2.5 ВПС как атрибут

ВПС как атрибут (составляют более 4% в собранном корпусе ВПС) относятся не ко всей первично-предикативной структуре, а только к одному из его актантов. Например:

*Patients with clinical and laboratory features suggestive of polycythemia vera and those patients without an apparent underlying condition **known to cause erythrocytosis** benefit from early referral to a hematologist for further specialized diagnostic evaluation and therapy considerations [Lee 2015].*

В приведенном предложении ВПС не является полноценным актантом, но характеризует один из элементов первично-предикативной структуры, поясняя, что «речь идет не о пациентах, не имеющих сопутствующих заболеваний вообще», а «о пациентах, не имеющих именно тех заболеваний, о которых известно, что они вызывают эритроцитоз». Вторичный предикат, выраженный причастием II *known* в сочетании с инфинитивом *to cause*, приписывает ситуацию, репрезентируемую ВПС, элементу первично-предикативной структуры (*underlying condition*).

Аналогичным образом осуществляется приписывание ситуации объекту:

*With eye-tracking data of individuals **watching only 30 s worth of video**, our model could determine whether that person was fatigued or not with 91.0% accuracy in ten-fold cross-validation (chance 50%) [Yamada 2018: 40].*

Несмотря на совершенно иную формальную структуру, ВПС с вторичным предикатом, выраженным причастием I *watching*, играет в предложении идентичную роль: поясняет, что «пациенты просматривали всего 30 секунд видео».

Еще одним вариантом функционирования ВПС в роли атрибута является ее включение в состав уточнительной конструкции (см. аналогичный пример в п. 1.3.1), где она также характеризует объект, приписывая ему ситуацию:

*This is particularly evident in dissections of the human hippocampus, a brain structure **known to respond to antidepressants and play a role in neurogenesis** [Turner 2014].*

Предикативным центром ВПС данного подтипа является **бивалентный** (напр., *watching, observing*) или **поливалентный** (напр., *exposing, compared*) **акциональный** или **статальный** вторичный предикат, разделяющий общий агент с первично-предикативной структурой.

Интеграция пропозиций происходит следующим образом: а) ВПС характеризует один из элементов в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой; б) в отличие от ранее рассмотренных ВПС (напр., ВПС как модусный актанта), не происходит ни слияния, ни даже наложения пропозиций: пропозиция, репрезентируемая ВПС, просто «прикрепляется» к одному из актантов пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой.

2.6 ВПС как перспективизация объекта

Функционирование ВПС с целью перспективизации объекта в исследуемом материале ограничено несколькими, в высокой степени шаблонными, ситуациями. В этом проявляется своеобразие медицинского дискурса, сочетающего в себе институциональность и, в то же время, личностную ориентированность: субъект-субъектные отношения в предложении превалируют над субъект-объектными. Тем не менее, количество ВПС в качестве перспективизации объекта в исследуемом материале (более 7%) достаточно для их подробного описания.

Такие ВПС относительно распространены в аналитических статьях, в которых их функция связана с реализацией когнитивной стратегии объективации (см. 1.6.2). ВПС в этом случае репрезентирует иной способ интеграции пропозиций, при котором подчеркивается, что утверждение не является субъективным мнением, а основано на фактах [Verspoor 2000]. Например:

*While toxicological studies of lunar dust show **it to be of only modest toxicological potential**, there have been no studies of unweathered lunar dust [Prisk 2019].*

В приведенном предложении ситуация, репрезентируемая ВПС, представляет собой утверждение без указания на его объективность или субъективность, но первично-предикативная структура выполняет важную

функцию **обоснования** утверждения как результата исследования. Аналогичный пример:

*The only study that has examined associations between general vaccine attitudes and intent to vaccinate against COVID-19 found **confidence in vaccine safety to be the largest determinant*** [Paul 2021].

Здесь наблюдается тот же способ интеграции пропозиций: ситуация, репрезентируемая ВПС, представляет собой не субъективное мнение, а объективный факт действительности, установленный в ходе исследования.

Иной характер и иные цели имеет употребление ВПС в качестве перспективизации объекта в анкетах и опросниках, представленных в учебных пособиях. Первичной функцией таких ВПС является **управление пониманием** (см. п. 1.6.2). Проиллюстрируем примером:

*What has caused **the pain to occur**?* [Doyle 2015: 92].

ВПС является сжатой, но при этом простой для понимания формой репрезентации достаточно сложной ситуации: «пациент испытывает боль, которая была вызвана некими предшествующими действиями (ситуацией). Для уточнения характера боли врачу необходимо выяснить, какие это действия». С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный инфинитивом *to occur*, репрезентирует момент возникновения боли в связи с ситуацией, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Аналогичный пример:

*What makes **the pain feel worse**?* [Avillion 2016].

В приведенном примере репрезентируется ситуация «пациент испытывает боль, но некие действия эту боль усиливают. Врачу необходимо выяснить, какие это действия». С точки зрения лексико-семантических отношений вторичный предикат, выраженный инфинитивом *feel*, характеризует боль, интенсивность которой изменяется в зависимости от ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой.

ВПС как перспективизация объекта содержит в качестве предикативного центра **моновалентный** (напр., *feel, occur*) или **бивалентный** (напр., *to be, to become*) **акциональный** или **статальный** вторичный предикат.

Интеграция пропозиций происходит следующим образом: а) ВПС принимает роль объекта в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, б) слияния или наложения пропозиции не происходит, в) ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, становится источником фактов, на которых основано утверждение в ВПС.

2.7 Когнитивно-дискурсивные основания выбора ВПС для репрезентации хронотопа в англоязычном медицинском дискурсе

Как показал материал исследования, различные типы ВПС характеризуются неодинаковой степенью актуализации хронотопа медицинского дискурса, обнаруживая градуальность (см. п. 1.5) в репрезентации его темпоральных характеристик. Одни конструкции (например, ВПС как темпоральный локатив «относительное время» с репрезентацией одновременности и однократности) закономерно выступают ядерными маркерами хронотопа, другие — периферийными, что ставит вопрос о когнитивных основаниях этой градуальности и факторах, определяющих выбор наиболее репрезентативных конструкций. На этом основании считаем возможной их дальнейшую подклассификацию. Поставленная задача требует изучения лексико-грамматических особенностей ВПС в тесной интеграции с единицами более высокого порядка (текст и дискурс). Решение такого рода задач требует использования вспомогательных методов, выходящих за рамки собственно-лингвистических исследований, в частности методов обработки текста средствами искусственного интеллекта, таких как «облако слов».

«Облако слов» представляет собой инструмент извлечения из текста (или массива текстов) компрессированной информации в виде лексических единиц [напр., Башмакова 2021; Павловская 2017; Линник 2021] на основании частотности их употребления. Наиболее частотные лексические единицы в «облаке слов»

сообщество, people – люди), отражает ключевой концепт (HEALTH / ЗДОРОВЬЕ), цели (напр., medication – медикаментозное лечение, treatment – лечение, care – уход) и ценности (напр., body – тело, exercise – физические упражнения). Из этого следует вывод, что, сопоставляя лексические единицы, представленные в «облаке слов» по всему массиву текстов, с лексическими единицами в «облаке слов» по конкретному типу ВПС, возможно смоделировать наиболее прототипичные ситуации для англоязычного медицинского дискурса, репрезентируемые ВПС данного типа.

С этой целью на втором этапе инструментом «Облако слов» были обработаны подкорпусы конструкций, наиболее частотно выступающих в роли темпорального локатива (WHEN + Ving / WHEN + V3 / WHEN + безглагольная конструкция), кондиционального актанга (IF + Ving / IF + V3 / IF + Adj), модусного актанга (WITH + N + Ving / WITH + N + V3).

ВПС, выступающие в роли темпорального локатива «относительное время» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, по результатам анализа в предыдущих параграфах, отнесены к ВПС с примарной функцией репрезентации хронотопа, так как они всегда локализуют ситуации во времени и практически всегда – в пространстве. Облако слов для таких конструкций представлено на рисунке 2.

Use – to put **something** such as a tool, skill, or building to a particular **purpose** [Cambridge Dictionary].

Intentionally_act: The **Agent** performs_the **intentional act** [FrameNet].

Perform – to do an **action** or piece of work [Cambridge Dictionary].

Помимо одушевленного агента и реципиента, модели ситуаций, репрезентируемых конструкциями с указанным предикативным центром, могут содержать инструмент, цель, объект, роль, и другие актаны, семантический потенциал к выражению которых могут иметь практически все представленные наиболее частотные лексические единицы. Например, пропозиция, репрезентируемая ВПС в следующем предложении, содержит актант «намеренное действие» (Intentional Act) [FrameNet], имплицитно адресата предложения-высказывания в качестве агента, является темпоральным локативом «относительное время» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой:

These principles must be strictly applied when performing any aseptic procedures... [Doyle 2015: 53].

Другая группа вторичных предикатов – *seen, assessing, measuring* и другие близкие им по значению репрезентируют иную ситуацию – «оценщик дает оценку объекту».

Ср. Assessing: An **Assessor** examines a **Phenomenon** to figure out its **Value** according to some **Feature** of the **Phenomenon** [FrameNet].

Assess – to judge or decide the **amount, value, quality, or importance** of **something** [Cambridge Dictionary].

Measure_scenario: An **Entity** has a particular **Value** for an **Attribute** which may be described in several different ways, including **Degree** of deviation from the **Value** expected for the kind of **Entity** seen in a particular instance, or in comparison to some other explicit comparison set [FrameNet].

Measure – to discover the exact **size** or **amount** of something [Cambridge Dictionary].

Помимо оценщика (одушевленного актанта, выполняющего, в отличие от агента, не физическое действие, а оценивание) и объекта, модель ситуации, репрезентируемой конструкцией с указанным предикативным центром может содержать качество, посредника, метод, бенефициара, обстоятельство, соучастника, и другие актаны, семантический потенциал к выражению которых также могут иметь практически все представленные наиболее частотные лексические единицы. Например, пропозиция, репрезентируемая ВПС в следующем предложении, содержит объект, имплицитно адресата предложения-высказывания в качестве агента, является темпоральным локативом «относительное время» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой:

When assessing respiration, ensure that thick and bulky clothing is removed so you can clearly see the rise and fall of the chest or abdomen [Lapum 2021].

И, наконец, вторичный предикат *comparing* и (реже) другие с близким значением репрезентируют ситуацию «**исследуемый объект сравнивается со стандартным объектом**».

Ср. Evaluative_comparison: This frame is about the static comparison of an **Profiled_item** to a **Standard_item**, often with respect to some **Attribute** [FrameNet].

Compare – to examine or look for the **difference** between **two or more things** [Cambridge Dictionary].

Помимо двух объектов сравнения, модель ситуации, репрезентируемой конструкцией с указанным предикативным центром, может содержать атрибут, степень, характер, время, место. Из представленных частотных лексических единиц объектом сравнения может являться *treatment*. Остальные предикатные актаны конструкций, репрезентирующих указанную ситуацию, не входят в число самых частотных, но присутствуют в «облаке слов». Например, пропозиция, репрезентируемая ВПС в следующем предложении, содержит два объекта, имплицитно содержит агент, совпадающий с агентом в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, является темпоральным

локативом «относительное время» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой:

When comparing gender similarities and differences, we will use a study on the consequences of CSA for men's health and well-being from the perspective of male CSA survivors and a study on the consequences of CSA for women's health and well-being from the perspective of female CSA survivors [Exner-Pirot 2018: 184].

Тот факт, что в состав ситуаций, репрезентируемых ВПС в роли темпорального локатива «относительное время», входят вторичные предикаты и предикатные актанты, частотно встречающиеся во всем массиве текстов, показывает, что эти ситуации являются типичными для медицинского дискурса и с определенной регулярностью репрезентируются именно ВПС.

«Облако слов» для наиболее частотных ВПС, выступающих в роли кондиционального актанта «профилируемая возможность», представлено на рисунке 3.

Рисунок 3 – «Облако слов» по ВПС в роли кондиционального актанта
«профилируемая возможность»

Наиболее частотные вторичные предикаты, представленные в «облаке слов», – *used, recognized, treated, untreated, left, performed, done, given*. Все они, кроме

Наиболее частотными вторичными предикатами, представленными в «облаке слов», являются *being, indicating, perceived, occurring, increased*, причем *being* представлен более чем в 2 раза чаще, чем остальные вторичные предикаты. Предикатные актанты таких конструкций наиболее частотно выражены лексическими единицами *patient, scores, pain, levels, degree, head, foot* и др., и отражают ключевых участников медицинского дискурса, также представленных в «облаке слов» по всему массиву собранных текстов.

Для значительно выделяющегося своей частотностью вторичного предиката *being* построена модель «объект обладает качеством».

Ср. *Be – used to say something about a person, thing, or state, to show a permanent or temporary quality, state, job, etc. [Cambridge Dictionary]*.

Помимо объекта и качества, модель ситуации, репрезентируемой конструкцией с указанным предикативным центром, может включать роль, атрибут, другой объект, которые могут быть выражены частотными лексическими единицами, представленными в «облаке слов». Например, пропозиция, репрезентируемая ВПС в следующем предложении, содержит объект и атрибут, относящийся к объекту, а также является модусным актантом в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой:

Tachypnea subsided over time returning the patient to an almost normal respiratory rate, and room air oxygen saturations showed some improvement, with the highest levels recorded being 92% [Chudasama 2021].

Другие вторичные предикаты репрезентируют ситуацию «оценщик дает оценку объекту». Модель ситуации, репрезентируемой конструкцией с указанным предикативным центром, как было определено ранее, может содержать качество, посредника, метод, бенефициара, обстоятельство, соучастника и другие актанты, семантический потенциал к выражению которых имеют наиболее частотные лексические единицы в собранном материале. Например, пропозиция, репрезентируемая ВПС в следующем предложении, содержит такие актанты, как объект, качество, включает атрибут, относящийся к качеству, а также, является

модусным актантом в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой:

The PSEQ ranges from 0 to 60, with higher scores indicating greater perceived self-efficacy [Enomoto 2022].

Характер построенных моделей, семантика предикатов и предикатных актантов в их составе позволяют сделать вывод о том, что ВПС в роли модусного актанта с определенной регулярностью выбираются для репрезентации хронотопа медицинского дискурсе. Исходя из того, что интеграция пропозиций в составе макрособытия в случае с ВПС в роли модусного актанта приводит к их практически полному слиянию, выдвинуто предположение, что ВПС данного типа регулярно выбираются для репрезентации части ситуации, неотделимой от последней ни во времени, ни в пространстве.

Таким образом, с точки зрения когнитивно-дискурсивных оснований выбора ВПС для репрезентации хронотопа ключевым принципом выступает градуальность актуализации его темпоральных характеристик, позволяющая выделить следующие типы конструкций: ВПС с максимальной степенью актуализации хронотопа, ВПС со средней степенью актуализации хронотопа, ВПС с минимальной степенью актуализации хронотопа и ВПС с конститутивной актуализацией хронотопа.

2.7.1 ВПС с максимальной степенью актуализации хронотопа

В исследуемом материале выделены следующие лексические единицы, репрезентирующие предикатные актанты в пропозициях с максимальной степенью актуализации хронотопа: *patient, body, blood, health, pulse* и др. Предикаты могут быть выражены такими лексическими единицами, как: *care (-ing), use (-ing, -ed), expose(-d), deal(-ing), position(-ing), admit(-ted)* и др.

ВПС рассматриваемой группы являются наиболее частотными в нашем корпусе, и составляют 25,9% исследуемых ВПС и более 20% от числа всех WHEN-конструкций в собранном материале, включая придаточные предложения. Конструкции данного подтипа в полной мере отражают специфику хронотопа

медицинского дискурса: единство места и времени. При этом отношения полной одновременности не являются обязательными. Однако, при наличии отношений предшествования или следования, действия должны выполняться в едином временном промежутке.

Так, в примере, приведенном на с. 68 (п. 2.1.1) для иллюстрации характеристик хронотопа «одновременность и неоднократность», единство места и времени проявляется в том, что ситуации «использовать чистые перчатки» и «работать с кровью и жидкостями тела» локализованы относительно друг друга во времени и в пространстве.

В результате трансформации – декомпрессии до сложноподчиненного предложения, – получаем следующее:

Use clean gloves when you handle all blood and body fluids.

Для того, чтобы выявить дополнительные компоненты смысла, связанные с репрезентацией хронотопа медицинского дискурса ВПС по сравнению с придаточным предложением, целесообразно обратиться к теории фигури-фонового восприятия действительности (см. п. 1.5). Используя *ing*-форму глагола, автор поместил ситуацию, репрезентируемую ВПС, в позицию фона, задающего место и время действия. Это позволило «высветить» информацию, содержащуюся в первично-предикативной структуре: посыл «используй чистые перчатки». Таким образом, ситуации в предложении с ВПС не просто накладываются друг на друга, как в сложноподчиненном предложении, но и осуществляют важную функцию управления пониманием (см. п. 1.6.2).

Нетождественность предложения с ВПС данной группы сложноподчиненному предложению можно проследить с использованием вспомогательного метода, основанного на применении технологий искусственного интеллекта – машинного перевода предложений на русский язык [напр., Коканова 2022; Чернышова 2025]. Следует отметить, что целью использования данного метода является только подтверждение результатов трансформационного анализа. Так как обучение систем машинного перевода происходит путем обработки большого объема данных, выдаваемый результат отражает наиболее вероятную

интерпретацию конструкции. Иными словами, если ВПС и придаточное предложение встречаются регулярно в сходных контекстах, различия в результатах их машинного перевода будут минимальны. Если же в определенном контексте придаточное предложение не встречается, результат машинного перевода с большей вероятностью будет содержать пословную выдачу из «словаря».

Рассмотрим пример: *Используйте чистые перчатки при работе со всей кровью и биологическими жидкостями.*

Используйте чистые перчатки, когда вы работаете со всей кровью и биологическими жидкостями.

В результате машинного перевода с английского языка на русский сложного предложения, содержащего придаточное, отчетливо заметна избыточность: лишнее местоимение не только не соответствует нормам русского языка, но и отвлекает внимание читателя от основной информации в первично-предикативной структуре. В результате машинного перевода декомпрессированной структуры полностью теряется разделение на часть предложения, несущую основную информацию, и часть предложения, задающую хронотоп – место и время. Аналогичный пример:

*You can expect higher pulse values when a client is in a stressed state such as **when crying or in pain**; this is particularly important in the newborn [Lapum 2021].*

В приведенном предложении ВПС актуализирует единство места и времени, так как значения пульса повышаются именно в тот период, когда человек плачет или ему больно.

С точки зрения фигуру-фонного восприятия действительности ситуация, репрезентируемая ВПС, более однозначно интерпретируется как фон, что позволяет «высветить» основную информацию: у человека в стрессе значения пульса увеличиваются. В данном примере интересно сравнить первую WHEN-конструкцию (придаточное предложение) и вторую (ВПС). Ситуация, играющая роль фигуры (стрессовое состояние человека, влияющее на значения пульса), репрезентируется придаточным предложением, в то время как ситуация, играющая роль фона, компрессируется до ВПС.

В результате декомпрессии до сложноподчиненного предложения, предложение приобретает следующий вид:

*You can expect higher pulse values when a client is in a stressed state such as **when they are crying or in pain**; this is particularly important in the newborn.*

Ниже представлен результат машинного перевода исходного предложения и декомпрессированной структуры:

*Вы можете ожидать более высоких значений пульса, когда клиент находится в стрессовом состоянии, например, **плачет или испытывает боль**; это особенно важно для новорожденных.*

*Вы можете ожидать более высоких значений пульса, когда клиент находится в стрессовом состоянии, например, **когда он плачет или испытывает боль**; это особенно важно для новорожденных.*

Результат машинного перевода придаточного предложения содержит пословную выдачу из «словаря», что подтверждает наши мысли о невысокой частотности репрезентации подобных ситуаций посредством придаточного предложения и ВПС как предпочтительном способе репрезентации ситуаций с максимальной степенью актуализации хронотопа.

Таким образом, возможным когнитивным основанием выбора ВПС данной группы является то, что они репрезентируют не только отношения одновременности, предшествования или следования, но и фоновый характер ситуации, репрезентируемой ВПС и задающей хронотоп (единство места и времени). Кроме того, как показывает материал исследования, в сложноподчиненном предложении степень актуализации хронотопа меньше, чем в предложении с ВПС.

2.7.2 ВПС со средней степенью актуализации хронотопа

В исследуемом материале выделены такие лексические единицы, репрезентирующие предикатные актанты в пропозициях, репрезентируемых ВПС со средней степенью актуализации хронотопа, как *test*, *history* и др., а также такие

лексические единицы, репрезентирующие предикаты, как *measure(-ing)*, *take(-ing)*, *see(-n)*, *be(-ing)* и др.

Рассматриваемая группа составляет 7,8% ВПС и 12% всех WHEN-конструкций в исследуемом материале и, как и предыдущий подтип, отражает единство места и времени как специфику хронотопа медицинского дискурса. В этом случае время и место определяется временем и местом существования объекта. Например:

*The General Medical Council (GMC) specifically recognizes the importance of understanding spiritual, social and cultural factors **when taking a history** and of sharing relevant factors with colleagues* [Exner-Pirot 2018].

Единство места и времени в приведенном предложении обеспечивается конструкцией WHEN + Ving, которая превращает нелокализованное во времени и пространстве действие (понимать духовные, социальные и культурные факторы) в локализованное (учитывать эти факторы при сборе анамнеза).

В результате декомпрессии получаем следующее сложноподчиненное предложение:

*The General Medical Council (GMC) specifically recognizes the importance of understanding spiritual, social and cultural factors **when one takes a history** and of sharing relevant factors with colleagues.*

Несмотря на то, что в обсуждаемых конструкциях актуализация хронотопа а не вызывает сомнений, в основе интеграции пропозиций лежит не только время существования объекта, но и условие. Оставаясь ядерными для репрезентации хронотопа, конструкции WHEN + Ving / WHEN + V3 / WHEN + безглагольная конструкция со средней степенью актуализации хронотопа одновременно находятся на периферии грамматических способов репрезентации других параметров медицинского дискурса. Придаточное предложение, потеряв свою фоновость и отнесенность во времени, еще больше сближается с придаточными условия.

Наши выводы о том, что придаточное предложение, полученное в результате декомпрессии ВПС рассматриваемой группы, ближе по смыслу к придаточным

условия, в то время как в исходном осложненном предложении с ВПС сохраняется временная соотнесенность, подтверждаются результатом машинного перевода обсуждаемых конструкций на русский язык:

*Генеральный медицинский совет (GMC) особо признает важность понимания духовных, социальных и культурных факторов **при сборе анамнеза и обмена соответствующими факторами с коллегами.***

*Генеральный медицинский совет (GMC) особо отмечает важность понимания духовных, социальных и культурных факторов **для тех, кто собирает анамнез, а также важность обмена информацией о соответствующих факторах с коллегами.***

Результат машинного перевода придаточного предложения оказался лишен отнесенности к месту и времени, в то время как при машинном переводе предложения с ВПС актуализация хронотопа сохранена. Аналогичный пример:

*Please consult public health or local vaccine experts **when considering vaccination of immunocompromised patients** [Langley 2015].*

ВПС WHEN + Ving превращает нелокализованное во времени и пространстве действие (консультироваться с экспертами) в локализованное, тем самым обеспечивая репрезентацию хронотопа медицинского дискурса.

В результате трансформации – декомпрессии до сложноподчиненного предложения – оно приобретает следующий вид:

*Please consult public health or local vaccine experts **when you consider vaccination of immunocompromised patients.***

На уровне интеграции пропозиций вновь наблюдается размывание и снижение степени актуализации хронотопа в декомпрессированной структуре, утеря фоновости и сближение по смыслу с придаточными условия, что прослеживается и в результате машинного перевода предложений на русский язык:

*Пожалуйста, проконсультируйтесь со специалистами общественного здравоохранения или местными экспертами по вакцинам **при рассмотрении вопроса о вакцинации пациентов с ослабленным иммунитетом.***

Пожалуйста, проконсультируйтесь со специалистами общественного здравоохранения или местными экспертами по вакцинам, если вы рассматриваете возможность вакцинации пациентов с ослабленным иммунитетом.

В качестве когнитивного основания выбора ВПС со средней степенью актуализации хронотопа можно выделить необходимость локализовать нелокализованное действие во времени и пространстве, не теряя при этом других компонентов смысла (условие, причина, следствие и т.д.).

2.7.3 ВПС с минимальной степенью актуализации хронотопа

ВПС с минимальной степенью актуализации хронотопа в высокой степени сближаются с конструкциями, репрезентирующими условие, пояснение, дополнение, но тем не менее сохраняют в самом общем виде соотнесенность во времени. В исследуемом материале выделены следующие лексические единицы, репрезентирующие предикатные актаны: *vaccine, treatment, medication* и другие подобные (например, названия препаратов). В качестве предиката, из частотных в собранном корпусе лексических единиц, в ВПС рассматриваемой группы выступает *compare(-ing)*.

Такие конструкции встречаются реже и составляют 3,7% исследуемых ВПС, 2% всех WHEN-конструкций в исследуемом материале, поэтому по частотности и значимости находятся в промежуточном положении между ядром и периферией. Минимальная актуализация хронотопа связана с тем, что объекты могут быть удалены друг от друга на любое расстояние и относиться к разным временным промежуткам. WHEN в таких ситуациях эксплицирует скорее условную, дополняющую или поясняющую связь, чем временную, при этом невозможно совсем отрицать возможность репрезентации хронотопа посредством таких ВПС. Например:

When compared to a normal control, the amount of HMGB1 following trauma increases up to thirty-fold within the first hour of damage [Kaushik 2022].

Сравниваемые объекты – «нормальное значение амфотерина (белка, являющегося биомаркером воспаления)» и «значение после травмы» – существуют в разные периоды жизни человека. Ни семантика союза WHEN, ни тип вторичного предиката в случае с конструкциями данного подтипа не помещают первично-предикативную структуру и ВПС в единое время или пространство. Тем не менее, актуализация хронотопа присутствует. Если сравнить анализируемые ВПС с ВПС, примарно репрезентирующими условие, последние репрезентируют следующее: когда бы ни сложилась ситуация, репрезентируемая ВПС, это обязательно приведет к ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой. В приведенном примере ВПС определенным образом локализует ситуацию во времени с точки зрения того, что результат сравнения становится известен только после того, как выполнено само сравнение.

Смешанный характер интеграции пропозиций (время, условие, пояснение, дополнение) объясняет концепция градиентности (см. п. 1.5), согласно которой языковые явления относятся к той или иной категории не полностью и однозначно, а с определенной степенью. Согласуется это и с прототипическим принципом организации грамматических категорий. Таким образом, ВПС с минимальной степенью актуализации хронотопа частично относятся к ВПС с репрезентацией хронотопа медицинского дискурса, но репрезентируют в равной степени и другие связи между ситуациями (условие, пояснение, дополнение).

В результате декомпрессии рассматриваемого предложения с ВПС получено следующее сложноподчиненное предложение:

When it is compared to a normal control, the amount of HMGB1 following trauma increases up to thirty-fold within the first hour of damage.

Сопоставительный анализ конструкций данной группы и придаточных предложений показывает, что характер концептуальной интеграции пропозиций, репрезентируемых осложненным предложением с ВПС с минимальной степенью актуализации хронотопа, сильнее сближается с характером интеграции пропозиций, репрезентируемых сложноподчиненным предложением.

Результат машинного перевода английского осложненного и сложноподчиненного предложений на русский язык также практически идентичен: оба предложения репрезентируют в большей степени пояснительную связь между ситуациями (относительно чего увеличилось количество амфотерина):

По сравнению с нормальным контролем количество HMGB1 после травмы увеличивается в тридцать раз в течение первого часа после повреждения.

По сравнению с нормальным контролем количество HMGB1 после травмы увеличивается до тридцати раз в течение первого часа после повреждения.

Аналогичный пример:

*The first fMRI showed intact corticospinal tracts, with decreased thickness and size at the corona radiata level, without evident changes **when comparing both studies** [Velasco-Ruiz 2022].*

В представленном предложении репрезентируется ситуация сравнения двух исследований, которые могли проводиться в разное время и в разном месте. Тем не менее, вывод о том, что «значимых изменений нет», может быть сделан только после того, как «проведено сравнение» (хронологическая связь).

Образованное в результате декомпрессии конструкции сложноподчиненное предложение выглядит следующим образом:

*The first fMRI showed intact corticospinal tracts, with decreased thickness and size at the corona radiata level, without evident changes **when both studies are compared.***

Идентичный результат машинного перевода предложений подтверждает наши выводы о возможности репрезентации подобных пропозиций как посредством ВПС, так и посредством придаточных предложений:

*Первая фМРТ показала интактные кортикоспинальные тракты с уменьшенной толщиной и размером на уровне лучистой короны, без явных изменений **при сравнении обоих исследований.***

*Первая фМРТ показала интактные кортикоспинальные тракты с уменьшенной толщиной и размером на уровне лучистой короны без явных изменений **при сравнении обоих исследований.***

Таким образом, несмотря на то что ВПС с минимальной степенью актуализации хронотопа сохраняют в самом общем виде потенциал репрезентации хронотопа медицинского дискурса, нет достаточных оснований утверждать, что именно степень актуализации хронотопа лежит в основе выбора ВПС данной группы.

2.7.4 ВПС с конститутивной актуализацией хронотопа

В исследуемом материале выделены следующие лексические единицы, репрезентирующие предикатные актаны пропозиции с конститутивной актуализацией хронотопа: *patient*, *body*, *temperature*, *medication* и другие лексические единицы, частотные не только для данной группы ВПС, но и во всем массиве текстов. В качестве предикатов в рассматриваемых пропозициях функционируют такие лексические единицы, как *position(-ed)*, *turn(-ed)*, *indicate(-ing)*, неличные формы глагола *to be*.

Конструкции, репрезентирующие ситуации «оценщик дает оценку объекту» и «объект меняется» (см. п. 2.6), обозначены как конструкции с репрезентацией равноправной (по отношению к пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой) пропозиции. С точки зрения концептуальной интеграции происходит практически полное наложение пропозиций друг на друга: ситуации, репрезентируемые первично-предикативной структурой и ВПС, дополняют друг друга; без одной из них ситуация бы стала ложной и несоответствующей ценности правды / истины как ключевому параметру медицинского дискурса. С точки зрения фигури-фонового восприятия действительности ни одна из ситуаций не является фоном. Например:

Patient sits at the side of the bed with head resting on an over-bed table on top of several pillows [Doyle 2015].

Фрагмент ситуации «пациент сидит на кровати» сам по себе не отражает действительность. Только интеграция двух пропозиций в одну сложную позволяет репрезентировать ситуацию полностью и точно передать истинное положение дел.

Равноправность ВПС вида WITH + N + Ving / WITH + N + V3 подтверждается в ходе трансформационного анализа: наиболее близким по смыслу из других способов репрезентации ситуаций является не сложноподчиненное, а сложносочиненное предложение:

Patient sits at the side of the bed and his head rests on an over-bed table on top of several pillows.

Тем не менее, сложносочиненное предложение полностью не является тождественным ВПС с точки зрения интеграции пропозиций. Связь между двумя частями сложносочиненного предложения значительно слабее, чем описанная выше интеграция пропозиций, репрезентируемых ВПС и первично-предикативной структурой. По этой причине не происходит полного слияния ситуаций в одну, и они мыслятся более самостоятельными, чем в предложении с ВПС. Это можно проследить и в результате машинного перевода предложений на русский язык:

*Пациент сидит на краю кровати, **положив голову на изголовье кровати поверх нескольких подушек.***

*Пациент сидит сбоку от кровати, **его голова лежит на изголовье кровати поверх нескольких подушек.***

В результате машинного перевода сложносочиненного предложения пациент и его голова интерпретируются как отдельные объекты, что создает впечатление того, что голова лежит отдельно от пациента. Предложение с ВПС интерпретируется верно, как репрезентирующее одну ситуацию. Аналогичный пример:

*She had been on thromboembolic prophylaxis **with warfarin maintained at a therapeutic international normalized ratio of 2–3** since the time of KD diagnosis [Vukomanovic 2022].*

В приведенном предложении также репрезентируется одна ситуация: «осуществление профилактики тромбоза». Фрагмент ситуации, репрезентируемый первично-предикативной структурой, дает неполную информацию, фрагмент ситуации, репрезентируемый ВПС, сам по себе не имеет смысла. Только полное слияние равноправных пропозиций позволяет передать

смысл полно и точно в соответствии с ценностью правды / истины в медицинском дискурсе.

В результате декомпрессии ВПС получаем сложносочиненное предложение:
She had been on thromboembolic prophylaxis and warfarin was maintained at a therapeutic international normalized ratio of 2–3 since the time of KD diagnosis.

По сравнению с предложением, содержащим ВПС, сложносочиненное предложение не обладает потенциалом репрезентации глубокой связи между ситуациями, обуславливающей их слияние. То же самое прослеживается в результате машинного перевода предложений:

С момента постановки диагноза БК она проходила профилактику тромбозов варфарином, поддерживая терапевтическое международное нормализованное отношение 2–3.

С момента постановки диагноза БК она получала профилактику тромбозов, а варфарин поддерживался на уровне международного нормализованного соотношения 2–3.

В результате машинного перевода сложносочиненного предложения ситуации репрезентированы отдельно: нет никакой связи между профилактикой и варфарином, хотя именно этим лекарственным средством и осуществлялась профилактика. Результат машинного перевода предложения с ВПС соответствует по количеству репрезентируемых ситуаций (одна сложная) исходному предложению.

ВПС с репрезентацией неравноправной ситуации репрезентирует ситуацию «объект обладает свойством». Например:

All of the results that came from the shuttle era pertain to relatively short exposure to zero gravity, with the longest exposure being 17 days [Prisk 2019].

В подобных предложениях ситуации, репрезентируемые ВПС и первично-предикативной структурой, также сливаются, но их вклад в формирование смысла неравнозначен. В процессе интеграции пропозиций, пропозиция ВПС поглощается первично-предикативной структурой, в связи с чем именно первично-предикативная структура репрезентирует ситуацию, а ВПС только аргументирует

или раскрывает ее смысл. При отсутствии ВПС первично-предикативная структура сохранила бы смысл, в то время как ВПС без первично-предикативной структуры смысла бы не имела.

Несамостоятельность ВПС в репрезентации ситуации также подтверждается в ходе трансформации: наиболее близким по смыслу способом репрезентации ситуаций является бессоюзное сложное предложение, в котором вторая часть опциональна:

*All of the results that came from the shuttle era pertain to relatively short exposure to zero gravity; **the longest exposure was 17 days.***

Как показывает материал исследования, не обнаруживается значимых различий между предложениями с ВПС данной группы и бессоюзными сложными предложениями. Результат машинного перевода на русский язык также не показал значимых различий, связанных с репрезентацией хронологических отношений:

*Все результаты, полученные в эпоху шаттлов, относятся к относительно короткому воздействию невесомости, **причем самое продолжительное воздействие составило 17 дней.***

*Все результаты, полученные в эпоху шаттлов, относятся к относительно короткому пребыванию в невесомости; **самая продолжительная экспозиция составила 17 дней.***

Тем не менее, отметим, что характер интеграции пропозиций, репрезентируемых английским осложненным предложением с ВПС и бессоюзным сложным предложением, различен: в исходном предложении интеграция строится на приращении смысла первично-предикативной структуры, в то время как в полученном декомпрессией бессоюзном сложном предложении это, скорее, сложение смыслов. Аналогичный пример:

*Start your assessments by asking patients to rate their pain on a scale from 0 to 10, **with 10 being the worst possible pain and 0 being no pain** [Doyle 2015].*

В приведенном предложении первично-предикативная структура в сочетании с равноправной ВПС, не входящей в фокус нашего текущего рассмотрения, достаточно полно репрезентирует ситуацию. Конструкция WITH +

N + Ving только раскрывает и уточняет ситуацию, не внося в нее существенных изменений. В результате декомпрессии образуется бессоюзное сложное предложение:

Start your assessments by asking patients to rate their pain on a scale from 0 to 10; 10 is the worst possible pain and 0 is no pain.

Результат машинного перевода предложений на русский язык показывает отсутствие значимых различий с точки зрения репрезентации хронотопа медицинского дискурса:

Начните оценку с того, что попросите пациентов оценить свою боль по шкале от 0 до 10, где 10 — самая сильная боль, а 0 — отсутствие боли.

Начните оценку с того, что попросите пациентов оценить свою боль по шкале от 0 до 10; 10 — самая сильная боль, 0 — отсутствие боли.

Таким образом, возможным основанием выбора ВПС с конститутивной актуализацией хронотопа является отражение такой интеграции пропозиций, при которой пропозиция, репрезентируемая ВПС, утрачивает собственные характеристики, в том числе, локализованность во времени и пространстве, и полностью сливается с пропозицией, репрезентируемой первично-предикативной структурой.

Выводы по главе 2

1. Характер интеграции пропозиций, репрезентируемых предложениями, осложненными ВПС, связан с а) актантом в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, в роли которого выступает ВПС, б) количеством и характеристиками актантов пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, имплицитно являющихся актантами ВПС, в) имплицитными дополнительными ролями ВПС.

2. ВПС в роли темпорального локатива «относительное время» являются одними из самых интенсивно используемых и многофункциональных в англоязычном медицинском дискурсе. Они характеризуются различной хронологической отнесенностью к предикату первично-предикативной структуры

(одновременность, предшествование, следование) и кратностью реализации репрезентируемой ситуации (однократность, неоднократность).

3. ВПС в роли кондиционального актанта «профилируемая возможность» представляют более однородную группу. Они различаются между собой такими характеристиками хронотопа, как наличие / отсутствие хронологических отношений (единство времени и отсутствие единства времени) и симметрия / асимметрия.

4. ВПС в роли модусного актанта различаются по степени самостоятельности части ситуации, репрезентируемой ВПС, внутри единой интегрированной пропозиции (неотделимость / отделимость).

5. По интенсивности репрезентации хронотопа выделяются ВПС с максимальной степенью актуализации хронотопа; ВПС со средней степенью актуализации хронотопа; ВПС с минимальной степенью актуализации хронотопа; ВПС с конститутивной актуализацией хронотопа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВПС представляют собой особое воплощение грамматической компрессии, при котором предикативность не получает эксплицитного синтаксического выражения, а является результатом сложного взаимодействия элементов пропозиции, репрезентируемой ВПС, и пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Специфика этого взаимодействия, как было установлено, выступает ключевым фактором, определяющим семантико-функциональный и когнитивно-дискурсивный репертуар ВПС и особенности их употребления в англоязычном медицинском дискурсе.

Компрессия в предложениях с ВПС выходит за рамки простой реализации лингвистической экономии и представляет собой синтаксическую метонимию, отражающую характер концептуальной интеграции пропозиций. Формирование интегрированного смысла английского осложненного предложения-высказывания с ВПС также связано с реализацией принципа фигура-фонového восприятия, в рамках которого осуществляется профилирование тех или иных элементов ситуации (пропозиции). ВПС как грамматическое средство дает возможность вывести на передний план именно ту информацию, которая релевантна в данном дискурсивном контексте. Не менее важную роль играет принцип градиентности, который в контексте настоящего исследования проявляется, в том числе, как градуальность актуализации тех или иных характеристик, репрезентируемых ВПС. Это дает возможность выделить не только ядерные, но и периферийные конструкции внутри каждого типа ВПС.

В медицинском дискурсе интеграция пропозиций отражает специфику хронотопа как одного из ключевых параметров, определяющих семантико-функциональный и когнитивно-дискурсивный потенциал ВПС. В рамках диссертационного исследования выявлено, что характер концептуальной интеграции пропозиций, репрезентируемых ВПС и первично-предикативной структурой, обусловлен следующими факторами: а) в роли какого актанта в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, выступает

пропозиция, репрезентируемая ВПС; б) какие актанты пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, имплицитно являются актантами пропозиции, репрезентируемой ВПС; в) какие дополнительные роли ВПС и связи между пропозициями имплицитно или эксплицитно выражены.

Применение выделенных критериев дало основания для типологизации английских ВПС по характеру репрезентации хронотопа в медицинском дискурсе. Среди ВПС, выступающих в роли темпорального локатива «относительное время», выделено 6 подтипов по хронологической отнесенности к предикату первично-предикативной структуры (одновременность / предшествование / следование) и кратности возникновения репрезентируемой ситуации (однократность / неоднократность). Среди ВПС в роли кондиционального актанта «профилируемая возможность» выделено 4 подтипа по признаку симметрии (симметрия / асимметрия), а также наличию / отсутствию хронологической соотнесенности (единство времени / отсутствие единства времени). ВПС в роли модусного актанта классифицируются на 2 подтипа по степени равноправности ВПС и предиката первично-предикативной структуры в репрезентации единой ситуации (неотделимость / делимость).

Кроме того, как показал материал исследования, для английских ВПС в медицинском дискурсе характерна градуальность актуализации хронотопа. Моделирование ситуаций, репрезентируемых наиболее частотными конструкциями, с использованием «облака слов» и трансформационного анализа позволило осуществить дальнейшую подклассификацию ВПС по степени актуализации хронотопа: от ядерных с точки зрения актуализации хронотопа до периферийных, где актуализация хронотопа имеет фоновый характер. Также в отдельную группу были выделены ВПС, актуализирующие хронотоп только в неразрывной связи с хронотопом, актуализированным первично-предикативной структурой.

Перспективы дальнейшего исследования ВПС в англоязычном медицинском дискурсе заключаются, с нашей точки зрения, в расширении жанровой палитры исследований с возможным включением жанров устного

медицинского дискурса. Дальнейшие исследования также могут быть направлены на анализ ВПС в других типах дискурса, что даст возможность определить степень влияния дискурсивного контекста на характер актуализации их семантико-синтаксических свойств. Наряду с изучением ВПС в иных типах дискурса, перспективным представляется развитие сопоставительных исследований ВПС в современном английском языке и в других языках сходной и отличной структуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адмони, В. Г. О двусоставности предложения / В. Г. Адмони // Ученые записки I ЛГПИИЯ. Новая серия. – Вып. 2. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – С. 131–172.
2. Акаева, Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Акаева Элеонора Вячеславовна. – Омск, 2007. – 23 с.
3. Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс. Теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. – Пермь : Пермский государственный университет, 2002. – 200 с.
4. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки рус. культуры» РАН, 1995. – 472 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Пропозиция / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 401.
7. Ашмарина, И. Л. Уточнительная конструкция в аспекте теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера / И. Л. Ашмарина // Герценовские чтения. Иностранные языки: Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – С. 126–128.
8. Бабина, О. И. Построение модели извлечения информации из технических текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Бабина Ольга Ивановна. – Тюмень, 2006. – 23 с.
9. Бабушкина, Н. В. Исследование результатов машинного перевода герундия: особенности анализа и критерии редактирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Бабушкина Наталья Владимировна. – СПб., 2007. – 20 с.
10. Байкова, О. В. Особенности синтаксиса немецких фронтовых (архивных) документов / О. В. Байкова, В. М. Бухаров, Ю. С. Жилина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 12. – С. 4103–4109.

11. Баклашкина, О. Н. Когнитивная семантика неличных форм английского глагола (причастие и инфинитив) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Баклашкина Олеся Николаевна. – Пятигорск, 2013. – 23 с.
12. Барсукова, М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Барсукова Марина Игоревна. – Саратов, 2007. – 21 с.
13. Башмакова, А. Ю. Выявление ключевых слов тематического поля «образование/education» [Электронный ресурс] / А. Ю. Башмакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 12. – С. 3986–3990. – Режим доступа: <https://philology-journal.ru/en/article/phil20210598/fulltext> (дата обращения: 14.11.2023).
14. Бейлинсон, Л. С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Бейлинсон Любовь Семеновна. – Волгоград, 2001. – 19 с.
15. Бейлинсон, Л. С. Медицинский дискурс / Л. С. Бейлинсон // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С.103–117.
16. Беклемешева, Н. Н. Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Наталья Николаевна Беклемешева. – М., 2011. – 27 с.
17. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; ред.-сост. Ю. С. Степанов; пер. Ю. Н. Караулов. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 436 с.
18. Блинова, С. И. Практика английского языка. Сборник упражнений по грамматике / С. И. Блинова, Е. П. Чарекова, Г. С. Чернышева, Е. И. Синицкая. – СПб. : Лениздат, «Издательство Союз», 2000. – 384 с.
19. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка : Учебник. Для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 1983. – 383 с.
20. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики : Учебник / М. Я. Блох. – 4-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 2004. – 239 с.

21. Боднарук, Е. В. Глагольная категория времени в современном немецком языке: подходы к интерпретации / Е. В. Боднарук // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 2. – С. 99–105.
22. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ; сост. В. П. Григорьев, А. А. Леонтьев. – Т. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 386 с.
23. Болдырев, Н. Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Вып. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященный памятного юбилею Вероники Николаевны Телия. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – С. 33–44.
24. Болдырев, Н. Н. Категория подлежащего с прототипической точки зрения / Н. Н. Болдырев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2002. – Вып.3 (27). – С. 71–84.
25. Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика / Н. Н. Болдырев. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016а. – 251 с.
26. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – 2-е. изд.– Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.
27. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016б. – № 4. – С. 10–20.
28. Болдырев, Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация / Н. Н. Болдырев // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016в. – С. 16–25.
29. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола : монография / Н. Н. Болдырев. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016г. – 211 с.

30. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / А. В. Бондарко. – Изд. 6. – М. : URSS, 2011. – 352 с.
31. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984. – 134 с.
32. Бродович, О. И. Вторично-предикативные структуры // Структурный синтаксис английского языка : Пособие по теоретической грамматике / О. И. Бродович; под. ред. Л. Л. Иофик. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1972. – 176 с.
33. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М. : Прогресс, 1977. – 413 с.
34. Ван Дейк, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 13. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1996. – С. 153–211.
35. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
36. Василенко, Е. И. Медицинский дискурс как социальная деятельность: становление, приоритеты, динамика (на материале российского научно-популярного журнала «Здоровье») / Е.И. Василенко, А.П. Воскобойникова, А.В. Полонский, А.П. Короченский // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2023. – №S1. – С. 691–695.
37. Васильева, С. А. Лингвосинергетический подход к исследованию предикативности / С. А. Васильева // Наука. Инновации. Технологии. Серия «Языкознание». – Ставрополь: Изд-во ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский Федеральный университет», 2010. – № 68. – С. 76–82.
38. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – С. 53–87.

39. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
40. Голицынский, Ю. Б. Английский язык. Грамматика. Сборник упражнений / Ю. Б. Голицынский. – СПб. : КАРО, 2018. – 192 с.
41. Голубева, Н. А. Концептуализация периферийных синтаксических структур / Н. А. Голубева // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 493–498.
42. Голубева, Н. А. Прецедентные единицы в когнитивном аспекте (на материале пассива) / Н. А. Голубева // Языки и культуры: междисциплинарные исследования : Сборник статей II Международной конференции, Санкт-Петербург, 25–26 сентября 2020 года. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2021. – С. 269–282.
43. Гончаренко, Н. В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Гончаренко Наталья Владимировна. – Волгоград, 2007. – 27 с.
44. Грудева, Е. В. Избыточность текста, редукция и эллипсис (на материале русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Грудева Елена Валерьевна. – СПб., 2008. – 40 с.
45. Гудухина, М. Н. Специфика репрезентации категории предикативности в научном дискурсе (на примере статей англоязычных и русскоязычных журналов базы данных Скопус) : научный доклад об основных результатах научно-квалификационной работы (диссертации) / М. Н. Гудухина. – М. : МПГУ, 2020. – 22 с.
46. Демидова, М. М. Особенности перевода герундия в художественном тексте (на материале романа Jane Austen “sense and sensibility” и его русскоязычной версии) / М. М. Демидова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 8 (197). – С. 39–43.
47. Демьянков, В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы. (Обзор направлений) / В. З. Демьянков // Новое в

зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 223–235.

48. Демьянков, В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2007. – № 8. – С. 86–95.

49. Джандубаева, Н. М. Когнитивно-семантические характеристики речевых единиц, осложненных герундиальной клаузой (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Джандубаева Наталья Мухамедовна. – Пятигорск, 2015. – 27 с.

50. Дьяконова, С. А. Эллипсисы причастия, субъектной именной группы в причастных оборотах и их экспликация на материале англоязычного экономического дискурса / С. А. Дьяконова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 9. – С. 3012–3023.

51. Дюндик, Б. П. К вопросу об экономии в языке и речи / Б. П. Дюндик // Проблемы синтаксиса английского языка: Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – 1970. – № 422. – С. 139–151.

52. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Иностр. лит., 1958. – 404 с.

53. Ефремова, О. Ю. Модальная семантика инфинитива в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ефремова Ольга Юрьевна. – М., 2005. – 168 с.

54. Жура, В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Жура Виктория Валентиновна. – Волгоград, 2008. – 42 с.

55. Жура, В. В. Лингвокультурная вариативность жанра медицинской выписки / В. В. Жура, И. Ю. Марковина // Научный диалог. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 31–51.

56. Жура, В. В. Речевые стратегии врача в устном медицинском дискурсе / В. В. Жура // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – 2007. – № 3 (3), Ч. II. – С. 59–61.

57. Занина, А. Н. Теория экономии языковых усилий: к истории вопроса / А. Н. Занина // Вестник ТвГУ. Филология. – 2008. – Вып 13. – С.165–170.
58. Зимин, С. В. Грамматические трансформации на примере неличных форм глагола в художественном переводе: на материале переводов произведений английских и американских авторов XX века на русский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Зимин Станислав Викторович. – М., 2013. – 18 с.
59. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М. : Наука, 2004. – 544 с.
60. Иваницкая, Е. В. Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи / Е. В. Иваницкая // Язык и текст. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 62–75.
61. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка : Учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высшая школа, 1981. – 285 с.
62. Ильенко, С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / Отв. ред. М. Я. Дымарский. – СПб. : Изд-во РГПУ им А. И. Герцена, 2009. – 398 с.
63. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка / Б. А. Ильиш. – Л. : Просвещение, 1971. – 366 с.
64. Ирисханова, О. К. Полиmodalный дискурс как объект исследования // Полиmodalные измерения дискурса / Отв. ред. О. К. Ирисханова. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 448 с.
65. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С. 25–34.
66. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002а. – 333 с.
67. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002б. – 477 с.

68. Кармазина, Т. И. Конструкции с компрессированным предложным определением в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кармазина Татьяна Ивановна. – М., 1984. – 187 с.
69. Карымшакова, Т. Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Карымшакова Татьяна Геннадьевна. – Улан-Удэ, 2016. – 24 с.
70. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Кибрик Андрей Александрович. – М., 2003. – 90 с.
71. Киселева, А. В. Структурно-семантические характеристики препозитивного причастного оборота в современном английском языке: когнитивный подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Киселева Анна Владимировна. – Пятигорск, 2006. – 20 с.
72. Клепикова, Т. А. Лингвистические метарепрезентации : монография / Т. А. Клепикова. – СПб. : Астерион, 2008. – 249 с.
73. Клепикова, Т. А. Категория сентенциальной комплементации в современном английском языке : монография / Т. А. Клепикова. – СПб. : Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2011. – 186 с.
74. Кобозева, М. А. Базовые и вспомогательные когнитивные стратегии ввода темы в научно-популярном дискурсе / М. А. Кобозева // Наука. Инновации. Технологии. – 2010. – №4. – С. 66–72.
75. Кобрина, Н. А. Грамматика английского языка / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. – СПб. : СОЮЗ, 1999. – 496 с.
76. Кобрина, Н. А. Теоретическая грамматика английского языка / Н. А. Кобрина, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. – М. : Высшая школа, 2009. – 368 с.
77. Кобрина, Н. А. Вставные предикативные единицы, оформленные по типу части сложноподчиненного предложения / Н. А. Кобрина // Синтаксис сложного предложения германских языков : сборник научных трудов / ред. Е. А. Корнеева. – Л. : Изд-во ЛГПИ, 1972. – С. 3–102.

78. Коканова, Е. С. Предредактирование текстов для машинного перевода как метод исследования английских конструкций с причастием в медицинском дискурсе / Е. С. Коканова, Н. С. Пак // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3 (50). – С. 676–680.
79. Коломиец, Е. А. Жанродифференцирующий потенциал оценки в текстах СМИ / Е.А. Коломиец // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2025. – № 2. – С. 96–107.
80. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика /, Г. В. Колшанский; отв. ред. Ю. С. Степанов. – 4-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 152 с.
81. Кончибаева, А. Г. Предицирование признака в структуре составного контаминированного сказуемого: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кончибаева Анна Григорьевна. – Барнаул, 2003. – 20 с.
82. Косицкая, Ф. Л. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации / Ф. Л. Косицкая, М.В. Матюхина // Вестник ТГПУ. – 2017. – №6 (183). – С. 44–48.
83. Косицкая, Ф. Л. К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса / Ф. Л. Косицкая, М. В. Матюхина // Вестник ТГПУ. – 2018. – №7 (196). – С. 43–46.
84. Кострова, О. А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре : монография / О.А. Кострова. – М. : ФЛИНТА, 2023. – 152 с.
85. Кочеткова, Т. В. Медицинский дискурс: специфика профессиональной коммуникации врача / Т. В. Кочеткова, М. И. Барсукова, Е. А. Ремпель, А. Я. Рамазанова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №3 (70). – С. 466–468.
86. Крат, М. В. Структурно-семантическая организация инфинитивных и герундиальных конструкций цели в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Крат Марина Вадимовна. – Пятигорск, 2005. – 24 с.
87. Крюкова, Н. Ф. Лингвистические особенности текстов медицинского дискурса и специфика их перевода с применением переводческих трансформаций (на примере немецкоязычных текстов) / Н. Ф. Крюкова, А. В. Байкова // Вестник

Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2023. – № 4(79). – С. 186–192.

88. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 7–25.

89. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во II половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. : РГГУ, 1995. – 420 с.

90. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний в языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянских культур, 2004. – 560 с.

91. Кузьмичева, И. А. Механизмы экспликации обстоятельственных функций английского инфинитива : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кузьмичева Ирина Александровна. – Архангельск, 1999. – 194 с.

92. Куклина, А. В. Синтагматика и синтаксис инфинитивных конструкций в динамике английской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Куклина Анна Владимировна. – Самара, 2008. – 22 с.

93. Куприянова, А. М. Когнитивные модели американского и русского медицинских дискурсов / А. М. Куприянова // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 3-1(64). – С. 185–188.

94. Левочкин, И. И. Синтаксические клише в англоязычных интернет-мемах / И. И. Левочкин // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 3-1(64). – С. 431–435.

95. Ли, Х. Когнитивно-семантический анализ предлогов, выражающих предшествующие временные отношения / Х. Ли // Современное педагогическое образование. – 2025. – № 1. – С. 421–424.

96. Линник, Л. А. Типологические особенности аутентичных текстов аннотаций в медицинском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Линник Любовь Александровна. – Уфа, 2021. – 303 с.

97. Лутфуллина, Г. Ф. Темпоральная кореференция (на материале английского языка) / Г. Ф. Лутфуллина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – № 2. – С. 99–109.
98. Манаенко, Г. Н. Осложненное предложение в языке и речи: очерки по теории и методологии исследования / Г. Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – 255 с.
99. Манаенко, Г. Н. Предикация, предикативность и пропозиция: соотношение понятий / Г. Н. Манаенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – №13. – С. 138–143.
100. Маракушина, Г. В. Роль компрессии в лексической номинации (на материале английского, немецкого и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Маракушина Галина Владимировна. – М., 2008. – 20 с.
101. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях / А. Мартине. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – 263 с.
102. Мишланова, С. Л. Когнитивный аспект медицинской коммуникации / С. Л. Мишланова // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – 2002. – №1. – С. 91–98.
103. Мкртчян, Т. Ю. Инфинитивные предикативные конструкции как средство языковой компрессии в современном английском языке / Т. Ю. Мкртчян, В. А. Борисенко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 128–132.
104. Муковозова, Н. И. Модальная семантика инфинитивных конструкций : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Муковозова Наталья Ивановна. – М., 2004. – 190 с.
105. Николаева, Т. Г. Основные подходы к изучению английских герундиев и герундиальных оборотов в современной лингвистике / Т. Г. Николаева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки. – 2017. – №17. – С. 136–140.

106. Николаева, Т. Г. Предложения английского языка с конструкциями незавершенной предикации: семиологический подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Николаева Татьяна Геннадьевна. – Самара, 2019. – 392 с.

107. Николаева, Т. Г. Семантически осложненные предложения с атрибутивными вторично-предикативными структурами в современном английском языке: на материале произведений художественного и научного стилей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Николаева Татьяна Геннадьевна. – Самара, 2008. – 25 с.

108. Николаева, Т. Г. Характеристика английских абсолютных конструкций как компликаторов семантической структуры предложения / Т. Г. Николаева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 7. – С. 164–169.

109. Николаевская, Р. Р. Переводческие трансформации сквозь призму типологической доминанты английского языка / Р. Р. Николаевская // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – Вып. 10 (783). – С. 194–202.

110. Нильсен, Е. А. Лингвокогнитивные модели эволюции темпоральных номинаций (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Нильсен Евгения Александровна. – Спб., 2015. – 41 с.

111. Овчинникова, Н. Д. Актуализация компрессии при жанровой трансформации в английском публицистическом тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Овчинникова Наталья Дмитриевна. – М., 2006. – 18 с.

112. Павлов, Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» / Д. Н. Павлов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2(008). – С. 62–64.

113. Павловская, И. Ю. Корпусно-когнитивные методы изучения лексической стороны речи на иностранном языке / И. Ю. Павловская, О. Г. Горина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – №1(76). – С. 132–138.

114. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
115. Падучева, Е. В. К когнитивной теории метонимии / Е. В. Падучева // Доклады международной конференции Диалог-2003. Режим доступа : <https://www.dialog-21.ru/media/2674/paducheva.pdf> (дата обращения 16.12.2023).
116. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1974. – 292 с.
117. Пак, Н. С. Английские вторично-предикативные структуры в медицинском дискурсе: к проблеме классификации / Н. С. Пак // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 109–118.
118. Панченко, Е. И. Краткость, компрессия и редукция – общее и отличное / Е. И. Панченко // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. – 2016. – №1 (56). – С. 24–27.
119. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
120. Поликарпов, А. М. Сложное предложение в синтаксисе немецкой разговорной речи : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Поликарпов Александр Михайлович. – Архангельск, 2001. – 495 с.
121. Поликарпов, А. М. Синтаксическая полифункциональность / А. М. Поликарпов. – Архангельск : САФУ, 2013. – 211 с.
122. Почепцов, Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения / Г.Г. Почепцов. – Киев: Вища школа, 1971. – 191 с.
123. Почепцов, Г. Г. Предложение // Теоретическая грамматика современного английского языка : Учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высшая школа, 1981. – 285 с.

124. Примерова, Н. Д. Речевая компрессия в диалогическом единстве (на материале английского художественного текста) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Примерова Наталия Дмитриевна. – Одесса, 1988. – 167 с.
125. Прияткина, А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения : учебное пособие для филол. спец. вузов / А. Ф. Прияткина. – М. : Высшая школа, 1990. – 175 с.
126. Раевская, О. В. Метонимия в слове и в тексте / О. В. Раевская // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). – 2000. – Вып. 4. – С. 49–55.
127. Ривлина, А. А. Теоретическая грамматика английского языка : Учебно-методическое пособие / А. А. Ривлина. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. – 251 с.
128. Роева, К. М. Межкатегориальные связи в грамматике причастия: на материале специализированного научно-технического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Роева Кристина Михайловна. – Ижевск, 2009. – 23 с.
129. Ронина, Е. А. Моделирование косвенно-предикативных конструкций с неличными формами глагола: семантико-синтаксический и коммуникативно-прагматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ронина Елена Анатольевна. – Барнаул, 2004. – 25 с.
130. Ряжская, Ю. А. Инфинитивные предикативные единицы в составе сложноподчиненного предложения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ряжская Юлия Анатольевна. – М., 2007. – 17 с.
131. Самарина, А. Г. Когнитивные механизмы формирования бесконфликтности в медицинском дискурсе Когнитивные исследования языка / А. Г. Самарина, О. Д. Проскурнич // Когнитивные исследования языка. – Вып. № 4 (55): Когнитивная лингвистика в контексте современной науки: материалы Международной научной конференции. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2023. – С. 335–338.

132. Саттаров, Р. Т. Соотношение атрибутивной и предикативной конструкций с причастием II в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Саттаров Равшан Турсунович. – Л., 1984. – 202 с.
133. Саурбаев, Р. Ж. Парадигматика осложненного предложения современного английского и татарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Саурбаев Ришат Журкенович. – Казань, 1998. – 25 с.
134. Селеменова, О. А. Репрезентация свернутых пропозиций в высказываниях со значением «Состояние природы» / О. А. Селеменова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1 (31), Ч. II. – С. 173–176.
135. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий; под. ред. В. В. Пассека. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1954. – 288 с.
136. Соколова, А. Ю. Медицинский дискурс: объем и содержание понятия / А. Ю. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 23–28.
137. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – 5-е изд., стереотип. – М. : URSS, 2012. – 360 с.
138. Тананыхина, А. Ю. Морфологически репрезентируемый концепт ВРЕМЯ в истории английского языка / А. Ю. Тананыхина, А. О. Тананыхина // Когнитивные исследования языка. – 2023. – Вып. № 3 (54). – С. 311–315.
139. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер; пер. с фр. И. М. Богуславского и др. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
140. Тетерина, Ж. Ч. Когнитивно-прагматические особенности неличных форм глагола в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Тетерина Жанна Чеславовна. – М., 2007. – 24 с.
141. Тырыгина, В. А. Языковые средства выражения пространственно-временного континуума в дискурсе научной фантастики / В. А. Тырыгина // Современная германистика и западноевропейская литература. – М. : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2022. – С. 115–137.

142. Филлмор, Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М. : Прогресс, 1981. – С. 369–495.
143. Фомина, А. Ю. Конструкция с вторичной предикацией как средство репрезентации макрособытия: на материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Фомина Анна Юрьевна. – Тамбов, 2007. – 19 с.
144. Харкевич, А. А. Очерки общей теории связи / А. А. Харкевич. – М. : Гостехиздат, 1955. – 268 с.
145. Хомутова, Т. Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход / Т. Н. Хомутова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, №3. – С. 15–22.
146. Храковский, В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология / В. С. Храковский // Типология таксисных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский – М. : Знак, 2009. – 906 с.
147. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка : Учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высших учеб. заведений / А. А. Худяков. – М. : Академия, 2005. – 256 с.
148. Худяков, А. А. Семиозис простого предложения : монография / А. А. Худяков. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. – 272 с.
149. Чернышова, А. И. Коммуникативный потенциал абсолютной причастной конструкции в английской полипредикативной структуре и ее перевод на русский язык / А.И. Чернышова // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XIV международной научной конференции / под ред. М. Я. Блоха. – М. ; Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2021. – С. 177–180.
150. Чернышова, А. И. Английская причастная конструкция условия if untreated: интеллектуальный VS антропогенный перевод / А. И. Чернышова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 804–810.

151. Чубарова, А. Л. Включенный предикат и способы его выражения в современном английском языке / А. Л. Чубарова // Известия ПГПУ. Сектор молодых ученых. – 2008. – № 6 (10). – С. 118–120.

152. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов; [под редакцией и с примечаниями Е. Истриной]. – Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1925. – 213 с.

153. Швец (Петрова), А. Г. Формально-синтаксическое осложнение предложения: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Швец (Петрова) Антонина Геннадьевна. – Саратов: СГУ им. Чернышевского, 2006. – 228 с.

154. Шипилова, Е. А. Нейтрализация в системе простого и сложного предложений / Е. А. Шипилова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 10 (54). – С. 63–67.

155. Широбокова, Л. А. Синтаксические конструкции с инфинитивом в газетных заголовках: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: на материале российских и британских печатных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Широбокова Лариса Анатольевна. – 19 с.

156. Шокина, А. Б. Языковая компрессия в рекламном тексте / А. Б. Шокина // Вестник Московского университета. – 2009. – № 2. – С. 189–195.

157. Шуравина, Л. С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса / Л. С. Шуравина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №37 (328). – С. 65–67.

158. Ястреб, О. Ю. Компрессия информации в некоторых текстах делового общения: На примере текстов предложения вакантной должности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ястреб Оксана Юрьевна. – Пятигорск, 2006. – 19 с.

159. Aarts, B. Modelling linguistic gradience / B. Aarts // Studies in Language. – 2004. – Vol. 28:1. – P. 1–49.

160. Ainsworth-Vaughn, N. *The Discourse of Medical Encounters* / N. Ainsworth-Vaughn // *The Handbook of Discourse Analysis* / ed. D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. – 1st ed. – Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – P. 453–469.

161. Alexander, L. G. *Longman English Grammar Practice for intermediate students* / L. G. Alexander. – London : Longman Group UK Limited, 1990. – 302 p.

162. Al-Lami, H. M. Morphological complexity of Russian and English medical news articles / H. M. Al-Lami // *Когнитивные исследования языка*. – 2025. – No. 1-1(62). – P. 106–110.

163. Aronsson, K. *Politeness Strategies and Doctor-Patient Communication. On the Social Choreography of Collaborative Thinking* / K. Aronsson, U. Sätterlund-Larsson // *Journal of Language and Social Psychology*. – 1987. – № 6(1). – P. 1–27.

164. Arseneau, M. The infinitive and the gerund-participle as Complements of verbs of risk / M. Arseneau // *Canadian Journal of Linguistics*. – 2006. – 57(1). – P. 31–50.

165. Barcelona, A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update / A. Barcelona // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. R. Dirven, R. Pörings. Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2002. P. 209–277.

166. Bever, T. G. The cognitive basis for linguistic structures / T. G. Bever // *Cognition and the development of language* / ed. by Hayes J.R. – New York : Wiley, 1970. – P. 279–352.

167. Bowers, J. *Predication* / J. Bowers // *The Handbook of Contemporary Syntactic Theory* / ed. M. Baltin, C. Collins. – Oxford : Blackwell Publishers, 2001. – P. 299–333.

168. Bowers, J. *The Syntax of Predication* / J. Bowers // *Linguistic Inquiry*. – 1993. – № 24. – p. 591–656.

169. Chomsky, N. *Aspects of the Theory of Syntax* [Электронный ресурс] / N. Chomsky. – Cambridge: The MIT Press, 1965. – 296 p. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt17kk81z> (дата обращения 16.01.2023).

170. Chomsky, N. Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use / N. Chomsky. – New York : Prager, 1986. – 307 p.
171. Dimangadap, W. A. Complex Predicate Structures in Institutional Digital Discourse: A Morphosyntactic Analysis / W. A. Dimangadap, J. O. Ibrahim, S. Sieras // International Journal of Language and Linguistics. – 2026. – Vol 14, № 1. – P. 35–44.
172. Foucault, M. Discipline and Punish / M. Foucault. – London : Allen Lane, 1977. – 223 p.
173. Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22, № 2. – P. 133–187.
174. Foley, M. Longman Advanced Learner's Grammar: A Self-study Reference & Practice Book / M. Foley, D. Hall. – Harlow : Longman, 2008. – 384 p.
175. FrameNet [сайт]. – Режим доступа: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/> (дата обращения: 21.09.2023).
176. Gong, H. Lexical bundles across IMRD-structured Medicine research article sections: A within-register perspective [Электронный ресурс] / H. Gong, T. N. P. Le, L. Buckingham // Journal of English for Academic Purposes. – 2025. – Vol. 74. – P. 1–19. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1475158525000189> (дата обращения 08.09.2025).
177. Gray, D. P. Doctors talking to patients [Электронный ресурс] / D. P. Gray // The Journal of the Royal College of General Practitioners. – 1984. – P. 34. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1959808/> (дата обращения 14.02.2023).
178. Gu, W. The Use of Participles and Gerunds / W. Gu. – Las Vegas : West Career&Technical Academy, 2020. – 117 p.
179. Høyem, I. F. Über den Kontrollstatus deutscher Partizipialkonstruktionen mit dem Partizip 2 als Kern / I. F. Høyem, K. K. Brodahl // Deutsche Sprache. – 2019. – Vol. 47 (2) – P. 98–124.
180. Irimia, M. A. Types of secondary predication / M. A. Irimia // Toronto Working Papers in Linguistics. – 2005. – Vol. 25. – P. 20–29.

181. Jensen, E. K. Semantic coherence in English accusative-with-bare-infinitive constructions // *Rask: International Journal of Language and Communication*. – 2013. – Vol. 38. – P. 161–176.
182. Jones, H. R. Discourse and Health Communication / H. R. Jones// *The Handbook of Discourse Analysis* / ed. D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell Publishers, 2015. – P. 841–857.
183. Joos, M. *The English Verb: form and meanings* / M. Joos. – Madison : the University of Wisconsin press, 1964. – 257 p.
184. Kintsch, W. Predication / W. Kintsch // *Cognitive Science*. – 2001. – Vol. 25 (2). – P. 173–202.
185. Livnat, Z. Impersonality and Grammatical Metaphors in Scientific Discourse / Z. Livnat // *Lidil. Revue de linguistique et de didactique des langues*. – 2010. – №41. – P. 103–119.
186. Pavlovic, V. The N1 V (N2) (To-) Infinitive Construction in English in view of the Closeness Is Strength Of Effect Metaphor / V. Pavlovic // *Facta Universitatis. Series: Linguistics and Literature*. – 2014. – Vol. 12, № 2. – P. 93–102.
187. Quirk, R. *A University Grammar of English* / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : Longman, 1973. – 380 p.
188. Rapoport, T. Secondary Predication / T. Rapoport // *The Oxford Handbook of Event Structure* / ed. R. Truswell. – Oxford : Oxford University Press, 2019.
189. Ruppenhofer, J. *FrameNet II: Extended Theory and Practice [Электронный ресурс]* / J. Ruppenhofer, M. R. L. Ellsworth, M. Petruck, C. R. Johnson, C. F. Baker, J. Scheffczyk. – 2016. – 129 p. – Режим доступа: <https://framenet2.icsi.berkeley.edu/docs/r1.7/book.pdf> (дата обращения 16.12.2023).
190. Schultze-Berndt, E. Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective / E. Schultze-Berndt, N. P. Himmelmann // *Linguistic Typology*. – 2004. – №8 (1). – P. 59–131.
191. Semino, E. *Applying Corpus Linguistics to Illness and Healthcare* / E. Semino, P. Baker, G. Brookes, L. Collins, T. McEnery. – Cambridge : Cambridge University Press, 2025. – 228 p.

192. Smet, H. English -ing-clauses and their problems: The structure of grammatical categories // *Linguistics*. – 2010. – № 48. – P. 1153–1193.
193. Smet, H. The meaning of the English present participle / H. Smet, L. Heyvaert // *English Language and Linguistics*. – 2011. – № 15. – P. 473–498.
194. Swear, M. Hedging devices in Medical Research Articles Written by Native and Non-native (Iraqi) Authors / M. Swear, R. Hammad // *Adab Al-Rafidayn Journal*. – 2021. – Vol. 51, Issue 86.1. – P. 1–16.
195. Sweet, H. A New English grammar. Logical and historical. Part II. Syntax / H. Sweet. – Oxford : At the Clarendon Press, 1930. – 636 p.
196. Talmy, L. Attention Phenomena / L. Talmy // *The Oxford handbook of cognitive linguistics* / eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – P. 264–291.
197. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2. Concept Structuring Systems / L. Talmy. – Cambridge : The MIT Press, 2000. – 504 p.
198. Thompson, S. A. Adverbial clauses / S. A. Thompson, R. E. Longacre, Sh. J. J. Hwang // *Language typology and syntactic description: Complex Constructions. Vol. 2.* / ed. T. Shopen. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – P. 237–300.
199. Turner, M. Metaphor, Metonymy, and Binding / M. Turner, G. Fauconnier // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective* / ed. A. Barcelona. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 133–145.
200. Vachek, J. Some thoughts on the so called complex condensation in modern English / J. Vachek. – *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná*. – 1955. – Vol. 4, Iss. A3. – P. 63–77.
201. Verkerk, A. A semantic map of secondary predication / A. Verkerk // *Linguistics in the Netherlands*. – 2009. – № 26 (1). – P. 115–126.
202. Verspoor, M. H. Iconicity in English complement constructions: Conceptual distance and cognitive processing levels / M. H. Verspoor // *Complementation: Cognitive and Functional Perspectives* / ed. K. Horie. – Amsterdam & Philadelphia : Benjamins, 2000. – P. 199–225.

203. Wierzbicka, A. M. The semantics of grammar / A.M. Wierzbicka // Journal of Linguistics. – 1990. – № 26. – P. 223–233.

204. Williams, E. Against Small Clauses / E. Williams // Linguistic Inquiry. – 1983. – № 14(2). – P. 287–308.

205. Williams, E. Predication / E. Williams // Linguistic Inquiry. – 1980. – № 11(1). – P. 203–238.

206. Winkler, S. Focus and Secondary Predication / S. Winkler. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1997. – 481 p.

Список словарей

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

3. Оксфордский толковый словарь по психологии [Электронный ресурс] / Под ред. А. Ребера. – М. : Вече, АСТ, 2002. – Режим доступа: <https://vocabulary.ru/slovari/oksfordskii-tolkovyi-slovar-po-psihologii.html> (дата обращения: 16.01.2024).

4. Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https:// dictionary.cambridge.org/ru](https://dictionary.cambridge.org/ru) (дата обращения: 14.12.2023)

Список источников иллюстративного языкового материала

1. Abraham, R. S. Severe Combined Immunodeficiencies. Newborn Screening and Beyond [Электронный ресурс] / R. S. Abraham. – Режим доступа: <https://www.aacc.org/cln/articles/2013/november/scid> (дата обращения: 22.05.2023).

2. Ackery, A. D. Reducing lifelong disability from sports injuries in children / A.D. Ackery, A.S. Detsky // Canadian Medical Association Journal. – 2011. – Vol. 183(11). – P. 1235.

3. Alhaidary, A. Treatment of speech sound disorders in children: Nonspeech oral exercises / A. Alhaidary // *International journal of pediatrics & adolescent medicine*. – 2021. – Vol. 8(1). – P. 1–4.
4. Apple, F. Improving the 510(k) FDA Process for Cardiac Troponin Assays: In Search of Common Ground / F. Apple, J. Hollander, A. H. B. Wu, A. S. Jaffe // *Clinical Chemistry*. – Vol. 60, Issue 10. – P. 1273–1275.
5. Avillion, A. E. The Older Adult: Challenges for Nursing Assessment and Care [Электронный ресурс] / A. E. Avillion. – Режим доступа: https://s3.amazonaws.com/EliteCME_WebSite_2013/f/pdf/ANCCPA090_A116.pdf (дата обращения: 22.05.2023).
6. Brown, A. Recognition of the critically ill patient and escalation of therapy / A. Brown, A. Ballal, M. Al-Haddad // *Anaesthesia & Intensive Care Medicine*. – 2019. – Vol. 20, Issue 1. – P. 1–5.
7. Campbell, P. Confusion / acute delirium [Электронный ресурс] / P. Campbell // *Acute Medicine: A Symptom-Based Approach* / eds. S. Haydock, D. Whitehead, Z. Fritz. – Cambridge: Cambridge University Press; 2014. – P. 115–120.
8. Case 146 – A 68 Year Old Man with Fevers [Электронный ресурс]. – Electronic text data. – Режим доступа: <https://path.upmc.edu/cases/case146.html> (дата обращения: 03.05.2021).
9. Chester, E. C. Opening clinical encounters in an adult musculoskeletal setting / E.C. Chester, N.C. Robinson, L.C. Roberts. *Manual Therapy*. – 2014. – 19(4). – P. 306–310.
10. Chowdhury, T. Persistent electrocardiogram changes during excision of craniopharyngioma / T. Chowdhury, G. P. Singh, S. J. Bharati // *Saudi Journal of Anaesthesia*. – 2012. – 6(1). – P. 81–82.
11. Chudasama, K. Oxygen: Friend or foe in the COVID-19 battle Oxygen: Friend or foe in the COVID-19 battle [Электронный ресурс] / K. Chudasama, E. Sangey // *Clinical case reports*. – 2021. – Vol. 9(12). – Mode of access: <https://doi.org/10.1002/ccr3.5254> (дата обращения: 22.05.2023).

12. Dhand, R. Coughs and Sneezes: Their Role in Transmission of Respiratory Viral Infections, Including SARS-CoV-2 / R. Dhand, J. Li // *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine*. – 2020. – Vol 202, Iss 5. – P. 651–659.
13. Doyle, G. R. Clinical procedures for safer patient care [Электронный ресурс] / G. R. Doyle, J. A. McCutcheon. – BCcampus, 2015. – Режим доступа: <https://opentextbc.ca/clinicalskills/> (дата обращения: 22.05.2023).
14. Enomoto, K. Cognitive behavioral therapy for an individual suffering from chronic pain with overactivity and sleep disturbance: A case report [Электронный ресурс] / K. Enomoto, M. Kugo, S. Fukui, J. Sasaki // *Clinical case reports*. – 2022. – Vol. 10(5). – Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/ccr3.5838> (дата обращения: 22.05.2023).
15. Esenwa, C. Secondary stroke prevention: challenges and solutions / C. Esenwa, J. Gutierrez // *Vascular health and risk management*. – 2015. – Vol. 11. – P. 437–450.
16. Exner-Pirot, H. Northern and Indigenous Health and Healthcare [Электронный ресурс] / H. Exner-Pirot, B. Norbye, L. Butler. – 2018. – 470 p. – Режим доступа: <https://collection.bccampus.ca/textbooks/northern-and-indigenous-health-and-healthcare/> (дата обращения: 22.05.2023).
17. Florea, R. Editorial: Mechanisms underlying the interactions between stress and pain [Электронный ресурс] / R. Florea, S. D. Linnstaedt, S. M. Géranton // *Frontiers in Pain Research*. – 2023. – Vol. 4. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpain.2023.1285257/full> (дата обращения: 15.01.2024).
18. Fujii, R. An elderly man with mild encephalitis/encephalopathy with a reversible splenial lesion (MERS) without neuropsychiatric sequelae [Электронный ресурс] / R. Fujii et al. // *Clinical case reports*. – 2023. – Vol. 11(5). – Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/ccr3.7219> (дата обращения: 22.05.2023).
19. Furyk, J. S. Systematic review: neonatal meningitis in the developing world / J. S. Furyk, O. Swann, E. Molyneux // *Tropical medicine & international health*. – 2011. – Vol. 16, no 6. – P. 672–679.

20. Güler, Y. Renal pyelocalyceal squamous cell carcinoma in a patient with an ectopic kidney presenting with chronic pyelonephritis: a case report [Электронный ресурс] / Y. Güler, B. Üçpınar, A. Erbin // Journal of medical case reports. – 2019. – Vol. 13(1). – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s13256-019-2090-z> (дата обращения: 22.05.2023).
21. Hanssen, B. Use of complementary and alternative medicine in the Scandinavian countries / B. Hanssen, S. Grimsgaard, L. Launsø, V. Fønnebø, T. Falkenberg, N. K. Rasmussen // Scandinavian Journal of Primary Health Care. – 2009. – Vol. 23 (1). – P. 57–62.
22. Kathiravan, S. A study of emotional states in candidates undergoing the diagnostic process for COVID-19 / S. Kathiravan, K. Rana, M. Verma, K. Kumar, R. Mohindra, S. M. Singh // Industrial Psychiatry Journal. – 2021. – Vol. 30(1). – P. 131–135.
23. Kaushik, A. Pathological Aspects of Traumatic Brain Injury: Role of Biomarkers and Current Drug Therapy [Электронный ресурс] / A. Kaushik, Sh. Singh // Clinical Case Reports International – 2022. – Режим доступа: <https://www.clinicalcasereportsint.com/open-access/pathological-aspects-of-traumatic-brain-injury-role-of-biomarkers-and-9389.pdf>
24. Kodama, D. “Is there a doctor on board?”: Practical recommendations for managing in-flight medical emergencies / D. Kodama, B. Yanagawa, J. Chung, K. Fryatt, A. D. Ackery // Canadian Medical Association Journal. – 2018. – 190(8). – P. 217–222.
25. Kutu, B. P. Determinants of oxygen therapy in childhood pneumonia in a resource-constrained region [Электронный ресурс] / B. P. Kutu, S. A. Adegoke, B. E. Ebruke, S. Howie, O. A. Oyelami, M. Ota // ISRN Pediatrics. – 2013. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23819060/> (дата обращения: 24.01.2024).
26. Ju, W. Diagnosis and management of neurogenic orthostatic hypotension / W. Ju, D. I. Sinn // Annals of Clinical Neurophysiology. – 2023. – Vol. 25. – Issue 2. – P. 66–77.
27. Langer, J. Possibility of Using a VR System as an Action Observation Therapeutical Technique [Электронный ресурс] / J. Langer, M. Šorfová, M., D. Ravnik.

2022. – Режим доступа: <https://www.intechopen.com/chapters/82446> (дата обращения: 22.05.2023).

28. Langley, J. M. Adolescent immunization – Protecting youth and preparing them for a healthy future / J. M. Langley // *International journal of pediatrics & adolescent medicine*. – 2015. – Vol. 2 (1). – P. 1–6.

29. Lapum, J. L. Vital sign measurement across the lifespan [Электронный ресурс] / J. L. Lapum, M. Verkuyl, Wendy Garcia, O. St-Amant, A. Tan. – 2nd ed. – BCcampus, 2021. – Режим доступа: <https://opentextbc.ca/vitalsignmeasur> (дата обращения: 22.05.2023).

30. Lee, G. The clinical and laboratory evaluation of the patient with erythrocytosis / G. Lee, M. O. Arcasoy // *European journal of internal medicine*. – 2015. – Vol. 26(5). – P. 297–302.

31. Loinaz, C. Varied clinical presentation and outcome of SARS-CoV-2 infection in liver transplant recipients: Initial experience at a single center in Madrid, Spain [Электронный ресурс] / C. Loinaz, A. Marcacuzco, M. Fernández-Ruiz, O. Caso, F. Cambra, R. San Juan, I. Justo, J. Calvo, A. García-Sesma, A. Manrique, M. A. Pérez-Jacoiste Asín, M. D. Folgueira, J. M. Aguado, C. Lumbreras // *Transplant Infectious Disease*. – 2020. – Vol. 22. – Issue5. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/tid.13372> (дата обращения: 24.01.2024).

32. Lv, X. *Frontiers In Traumatic Brain Injury* / X. Lv, Y. Guo, G. Mao. – London : IntechOpen, 2022. – 134 p.

33. Manolis, A. Winter Swimming: Body Hardening and Cardiorespiratory Protection Via Sustainable Acclimation / A. Manolis, S. A. Manolis, A. A. Manolis, T. A. Manolis, N. Apostolaki, H. Melita. // *Current sports medicine reports*. – 2019. – Vol. 18. – P. 401–415.

34. Marsh, E. B. COVID-19 and Vaccination in the Setting of Neurologic Disease: An Emerging Issue in Neurology / E. B. Marsh, M. Kornberg, K. Kessler, I. Haq, A. D. Patel, A. Nath, B. Schierman, L. K. Jones Jr // *Neurology*. – 2021. – Vol. 97(15). – P. 720–728.

35. McDonnell, D. A real airhead [Электронный ресурс] / D. McDonnell, G. Park // Case Reports. – 2014. – Режим доступа: <https://casereports.bmj.com/content/2014/bcr-2014-207755> (дата обращения: 24.01.2024).

36. McIlvenny, S. Fatigue as a transcultural issue / S. McIlvenny // The European Journal of General Practice. – 2000. – Vol. 6:1. – P. 20–22.

37. McLoughlin, T. F. Post-adenoviral parasympathetic dysautonomia in a child: a case report [Электронный ресурс] / T. F. McLoughlin, A. Martinez // Journal of medical case reports. – 2010. – Vol. 4. – Режим доступа: <https://jmedicalcasereports.biomedcentral.com/articles/10.1186/1752-1947-4-182> (дата обращения: 22.01.2024).

38. Morkbak, A. L. The authors of the article cited above respond / A. L. Morkbak, E. Nexø // Clinical Chemistry. – Vol. 53, Issue 2. – P. 368–369.

39. Ohsaka, H. Analysis of trauma cases after a record snowfall in a rural district in Japan [Электронный ресурс] / H. Ohsaka, K. Omori, M. Obinata, K. Ishikawa, Y. Oode, Y. Yanagawa // Journal of emergencies, trauma, and shock. – 2014. – Vol. 7. – Issue 4. – Режим доступа: https://journals.lww.com/onlinejets/fulltext/2014/07040/analysis_of_trauma_cases_after_a_record_snowfall.18.aspx (дата обращения: 24.01.2024).

40. Open Resources for Nursing (Open RN). Nursing Skills [Электронный ресурс] / eds. K. Ernstmeier, E. Christman. Eau Claire (WI): Chippewa Valley Technical College; 2021. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37467347/> (дата обращения: 24.01.2024).

41. Paul, E. Attitudes towards vaccines and intention to vaccinate against COVID-19: Implications for public health communications [Электронный ресурс] / E. Paul, A. Steptoe, D. Fancourt // Lancet Regional Health Europe. – 2021. – Режим доступа: [doi:10.1016/j.lanere.2020.100012](https://doi.org/10.1016/j.lanere.2020.100012) (дата обращения: 22.05.2023).

42. Perdue, T. O. A Concept Analysis of Disturbed Body Image in Bariatric Surgery Patients / T. O. Perdue, A. Schreier, J. Neil, R. Carels, M. Swanson // International journal of nursing knowledge. – 2020. – Vol. 31(1). – P. 74–81.

43. Prisk, G. K. Pulmonary challenges of prolonged journeys to space: taking your lungs to the moon / G. K. Prisk // *The Medical journal of Australia*. – 2019. – Vol. 211, Issue 6. – P. 271–276.

44. Quinto, R. M. Meaning in Life and the Acceptance of Cancer: A Systematic Review [Электронный ресурс] / R. M. Quinto, F. De Vincenzo, L. Campitiello, M. Innamorati, E. Secinti, L. Iani // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2019. – no. 9 – Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/ijerph19095547> (дата обращения: 24.01.2024).

45. Reynolds, A. N. The Timing of Activity after Eating Affects the Glycaemic Response of Healthy Adults: A Randomised Controlled Trial [Электронный ресурс] / A. N. Reynolds, B. J. Venn // *Nutrients*. – 2018. – Vol. 10. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/nu10111743> (дата обращения: 15.01.2024).

46. Roman-Liu, D. Differences in lumbar spine intradiscal pressure between standing and sitting postures: a comprehensive literature review [Электронный ресурс] / D. Roman-Liu, J. Kamińska, T. Tokarski // *PeerJ*. – 2023. – Режим доступа: <https://peerj.com/articles/16176/> (дата обращения 24.01.2024).

47. Saveria, T. Evaluation of Pregnancy Malaria Vaccine Candidates: The Binding Inhibition Assay / T. Saveria, P. E. Duffy, M. Fried // *Malaria Vaccines. Methods in Molecular Biology* / ed. A. Vaughan. Vol. 1325. New York: Humana Press, 2015. – 305 p.

48. Seale, H. COVID-19 is rapidly changing: Examining public perceptions and behaviors in response to this evolving pandemic [Электронный ресурс] / H. Seale, A. E. Heywood, J. Leask, M. Sheel, S. Thomas, D. N. Durrheim, K. Bolsewicz, R. Kaur // *PLoS One*. – 2020. – Vol. 15(6). – Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0235112> (дата обращения: 24.01.2024).

49. Shahid, H. Anaphylactic response to topical fluorescein 2% eye drops: a case report [Электронный ресурс] / H. Shahid, J. F. Salmon // *Journal of medical case reports*. – 2010. – Vol. 4, 27. – Режим доступа:

<https://jmedicalcasereports.biomedcentral.com/articles/10.1186/1752-1947-4-27> (дата обращения: 24.01.2024).

50. Sheikh, S. Cough Syncope in the Times of COVID-19 // *Eurasian Journal of Emergency Medicine*. – 2022. – 21 (1). – P. 76.

51. Skates, J. S. Ovarian Cancer Screening: Development of the Risk of Ovarian Cancer Algorithm (ROCA) and ROCA Screening Trials / J. S. Skates // *International Journal of Gynecological Cancer*. – 2012. – Vol. 1 (1). – P. 24–26.

52. Soler, R. E. Nudging to Change: Using Behavioral Economics Theory to Move People and Their Health Care Partners Toward Effective Type 2 Diabetes Prevention / R. E. Soler, K. Proia, M. C. Jackson, A. Lanza, C. Klein, J. Leifer, M. Darling // *Diabetes Spectrum*. – 2018. – Vol. 31 (4). – P. 310–319.

53. St-Amant, O. Vaccine Practice for Health Professionals: 1st Canadian Edition [Электронный ресурс] / O. St-Aman, J. Lapum; V. Dubey; K. Beckermann; C.-S. Huang; C. Weeks; K. Leslie; K. English. – BCcampus, 2020. – Режим доступа: <https://ecampusontario.pressbooks.pub/immunizations/> (дата обращения: 22.05.2023).

54. Sving, E. B. M. Using pressure mapping intraoperatively to prevent pressure ulcers-A quasi-experimental study [Электронный ресурс] / E. B. M. Sving, L. A. C. Gunningberg, C. B. Bååth, C. U. S. Björn // *Health Science Reports*. – 2023. – 6(2). – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36817631/> (дата обращения: 24.01.2024).

55. Taneri, P.E. Anemia and iron metabolism in COVID-19: a systematic review and meta-analysis / P. E. Taneri, S. A. Gómez-Ochoa, E. Llanaj, P. F. Raguindin, L. Z. Rojas, Z. M. Roa-Díaz, D. Salvador Jr, D. Groothof, B. Minder, D. Kopp-Heim, W. E. Hautz, M. F. Eisenga, O. H. Franco, M. Glisic, T. Muka // *European Journal of Epidemiology*. – 2020. – Vol. 35(8). – P. 763–773.

56. Tunnicliffe, K. R. Tips for GP trainees working in palliative care / K. R. Tunnicliffe, A. Mackay // *British Journal of General Practice*. – 2011. – Vol. 61 (592). – P. 700–701.

57. Turner, C. A. Altered choroid plexus gene expression in major depressive disorder [Электронный ресурс] / C. A. Turner, R. C. Thompson, W. E. Bunney, A. F.

Schatzberg, J. D. Barchas, R. M. Myers, H. Akil, S. J. Watson // *Frontiers in human neuroscience*. – 2014. – Vol. 8. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00238> (дата обращения: 22.05.2023).

58. User Manual CMS50NA, Pulse Oximeter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://manuals.plus/m/24b05d8819947d4038f5e7bb5959b4cda5be8030c9d8ffe05091abff13328e76_optim.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

59. Van Doorn, H. R. Emerging infectious diseases / H. R. van Doorn // *Medicine*. – 2014. – Vol. 42(1). – P. 60–63.

60. Velasco-Ruiz, I. Functional MRI in Patients with Cerebral Palsy to Evaluate the Efficacy of Intrathecal Autologous Bone Marrow Total Nucleated Cells [Электронный ресурс] / I. Velasco-Ruiz, F. Cordero-Leija, J. C. López-Quesada, O. Gonzáles-Llano, G. Elizondo-Riojas, M. Mercado-Flores, C. Mancias-Guerra // *Clinical Case Reports International*. – 2022. – Vol. 6. – P. 1426. – Режим доступа: <https://www.clinicalcasereportsint.com/open-access/functional-mri-in-patients-with-cerebral-palsy-to-evaluate-the-9457.pdf> (дата обращения: 11.05.2023).

61. Vucomanovic, D. Multiple symptomatic giant coronary aneurysms [Электронный ресурс] / D. Vucomanovic, S. Unzek, W. Reichert, F. Mookadam // *Clinical Case Reports*. – 2022. – №10 (4). – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/ccr3.5701> (дата обращения: 10.03.2023).

62. Xu, G. An unusual case of metastasis of a pulmonary undifferentiated pleomorphic sarcoma to the right ventricle: a case report [Электронный ресурс] / G. Hu, X. Shi, G. Shao // *Journal of medical case reports*. – 2013. – Vol. 7. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/1752-1947-7-165> (дата обращения: 22.05.2023).

63. Yamada, Y. Detecting mental fatigue from eye-tracking data gathered while watching video: Evaluation in younger and older adults / Y. Yamada, M. Kobayashi // *Artificial intelligence in medicine*. – 2018. – Vol. 91. – P. 39–48.

64. Yang, L. Pneumothorax in lung cancer following anlotinib treatment: A case report [Электронный ресурс] // *Medicine*. – 2022. – Vol. 101(29). – Режим доступа: <https://journals.lww.com/md->

journal/fulltext/2022/07220/pneumothorax_in_lung_cancer_following_anlotinib.74.aspx (дата обращения: 24.01.2024).

65. Yates, S. W. Physician Stress and Burnout // *The American journal of medicine.* – 2020. – 133(2). – P. 160–164.

66. Yue, P. Approach to diagnosis of factitious disorder with unexplained hemoptysis: A case report [Электронный ресурс] / P. Yue, K. Zhou, Y. Hua, J. Fang, Y. Li // *Medicine.* – 2019. – 98(6). – Режим доступа: https://journals.lww.com/md-journal/fulltext/2019/02080/approach_to_diagnosis_of_factitious_disorder_with.11.aspx (дата обращения: 24.01.2024).

67. Zmerli, O. A challenging modified measles outbreak in vaccinated healthcare providers [Электронный ресурс] / O. A Zmerli, A. Chamieh, E. Maasri, E. Azar, C. Afif // *Infection prevention in practice.* – 2020. – Vol. 3(1). – Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.infpip.2020.100105> (дата обращения: 22.05.2023).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Классификация ВПС в англоязычном медицинском дискурсе

Актант, в роли которого выступает ВПС	Тип хронотопа медицинского дискурса, репрезентируемый ВПС	Дополнительная семантическая роль ВПС	Прагматическая цель и когнитивные стратегии	Пример	Результат декомпрессии
Темпоральный локатив	Одновременность и неоднократности	Репрезентация условия (профилируемая возможность)	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>Use clean gloves when handling all blood and body fluids.</i>	<i>Use clean gloves when you handle all blood and body fluids.</i>
	Одновременность и однократность	Не выявлены	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>When comparing BVM vs. SGA and BVM vs. endotracheal intubation, no difference was found.</i>	<i>When we compared BVM vs. SGA and BVM vs. endotracheal intubation, no difference was found.</i>
	Предшествование и неоднократность	Репрезентация условия и/ или причинно-следственной связи (профилируемая возможность)	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>NEVER recap needles after giving an injection.</i>	<i>NEVER recap needles after you give an injection.</i>

	Предшествование и однократность	Репрезентация условия и/ или причинно-следственной связи (профилируемая возможность)	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>Early in the pandemic, 26% of adults across seven European countries including the UK were unsure or unwilling to get a COVID-19 vaccine when available.</i>	<i>Early in the pandemic, 26% of adults across seven European countries including the UK were unsure or unwilling to get a COVID-19 vaccine when it is available.</i>
	Следование и неоднократность	Не выявлены	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>When immunizing young children, it is helpful for health professionals to remind parents or substitute decision makers (SDMs) about the upcoming vaccination...</i>	<i>When you immunize young children, it is helpful for health professionals to remind parents or substitute decision makers (SDMs) about the upcoming vaccination...</i>

	Следование и однократность	Не выявлены	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>A signed informed consent form for publication was obtained from the patient before reporting this case.</i>	<i>A signed informed consent form for publication was obtained from the patient before this case was reported.</i>
Кондициональный актант	Симметрия и единство времени	Временные отношения (относительное время)	Запрет, рекомендация	<i>Uncomfortable or painful feeling may appear if using the device ceaselessly, especially for the microcirculation barrier users.</i>	<i>Uncomfortable or painful feeling may appear if the person uses the device ceaselessly, especially for the microcirculation barrier users.</i>
	Симметрия и отсутствие единства времени	Не выявлены	Запрет, рекомендация	<i>Use assistive devices only if properly trained in their safe use.</i>	<i>Use assistive devices only if you are properly trained in their safe use.</i>
	Асимметрия и единство времени	Временные отношения	Репрезентируется первично-	<i>Is it possible that everyone</i>	<i>Is it possible that everyone</i>

		(относительное время)	предикативной структурой	<i>would show an increase in HC if given a megadose of vitamin B12?</i>	<i>would show an increase in HC if they were given a megadose of vitamin B12?</i>
	Асимметрия и отсутствие единства времени	Не выявлены	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>Also, if used as a speech treatment, nonspeech oral exercises should be regarded as exploratory rather than evidenced-based techniques.</i>	<i>Also, if they are used as a speech treatment, nonspeech oral exercises should be regarded as exploratory rather than evidenced-based techniques.</i>
Модусный актанта	Неотделимость и единство времени	Не выявлены	Уточнение, ввод дополнительной информации	<i>Three days into his hospitalization, he became acutely ill with temperatures spiking to 39.5°C. While holding the belt, gently</i>	<i>Three days into his hospitalization, he became acutely ill. The temperatures were spiking to 39.5°C. Hold the belt and gently rock</i>

				<i>rock back and forth three times.</i>	<i>back and forth three times.</i>
	Отделимость и единство времени	Не выявлены	Аргументация, доказательство, объяснение	<i>Age was unrelated to uncertainty around the COVID-19 vaccine and only slightly related to unwillingness, with adults over 65 more likely to be willing than younger adults to get the COVID-19 vaccine.</i>	<i>Age was unrelated to uncertainty around the COVID-19 vaccine and only slightly related to unwillingness, and adults over 65 are more likely to be willing than younger adults to get the COVID-19 vaccine.</i>
Перспективизация объекта	Единство времени	Не выявлены	Управление пониманием	<i>While toxicological studies of lunar dust show it to be of only modest toxicological potential, there</i>	<i>While toxicological studies of lunar dust show that it has only modest toxicological potential, there</i>

				<i>have been no studies of unweathered lunar dust.</i>	<i>have been no studies of unweathered lunar dust.</i>
				<i>What has caused the pain to occur?</i>	<i>What happened, that the pain occurred?</i>
Казуаль	Единство времени (следование)	Репрезентация причинно-следственной связи Реализованное условие	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>Viscosity refers to the tendency of a fluid to resist flow because of the friction of its molecules rubbing against each other.</i>	<i>Viscosity refers to the tendency of a fluid to resist flow because the friction of its molecules rub against each other.</i>
Концессив	Единство времени	Репрезентация независимости результата от ситуации, репрезентируемо й ВПС	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>One should observe one's own reactions and tolerance and not cross one's own limits, even if enthused with one's own endurance.</i>	<i>One should observe one's own reactions and tolerance and not cross one's own limits, even if they are enthused with one's own endurance.</i>

Цель	Единство времени	Репрезентация связи цель-результат	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>The daughter rang 999 for her to be taken to the ED.</i>	<i>The daughter rang 999 so that she would be taken to the ED.</i>
Атрибут	Единство времени	Не выявлены	Репрезентируется первично-предикативной структурой	<i>This is particularly evident in dissections of the human hippocampus, a brain structure known to respond to antidepressants and play a role in neurogenesis.</i>	<i>This is particularly evident in dissections of the human hippocampus, a brain structure that is known to respond to antidepressants and play a role in neurogenesis.</i>